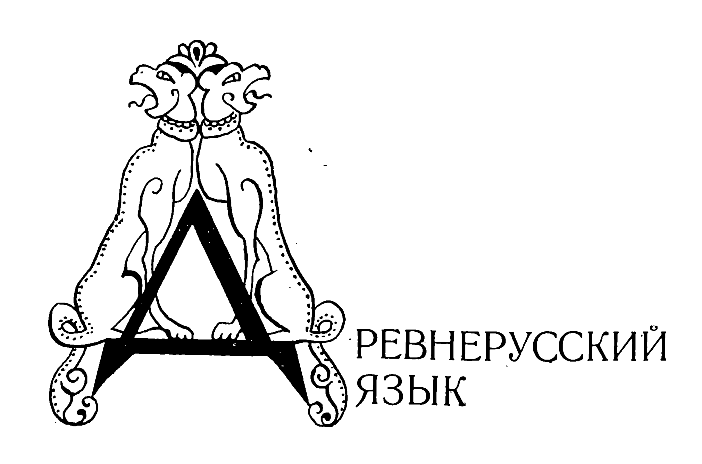
Н.Д. РУСИНОВ
ДРЕВНЕРУССКИЙ
ЯЗЫК

Н. Д. РУСИНОВ



ДРЕВНЕРУССКИЙ ЯЗЫК

Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов филологических и исторических специальностей университетов и педагогических институтов

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
1977

Рецензенты рукописи:

кафедра вспомогательных исторических дисциплин
Московского гос. историко-архивного института
и докт. филолог. наук А. И. Горшков

Русинов Н. Д.

Р88 Древнерусский язык. Учеб. пособие для студентов филолог. и истор. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М., «Высш. школа», 1977.

207 с. Библиогр.: с. 203—204.

Пособие представляет собой краткий очерк истории древнерусского языка. Оно знакомит с системой древнерусского языка и с теми важнейшими изменениями, которые привели к обособлению трех новых языков — русского (великорусского), украинского и белорусского. В книгу включены интересные для перевода на современный русский язык тексты из древнерусских памятников письменности, а также задания к ним.

Р $\frac{70102-073}{001(01)-77}$ Б. З.-48-15-76 4Р

ОТ АВТОРА

Предлагаемое учебное пособие в краткой форме знакомит с системой древнерусского языка и с теми важнейшими изменениями, которые привели к распаду древнерусского языка на языки русский (великорусский), украинский и белорусский.

Книга предназначается, в первую очередь, для студентов-филологов вечернего и заочного отделений и для студентов-историков. Студенты-филологи найдут в ней ответы на все основные вопросы программы курса «Историческая грамматика русского языка». Материал, который студентам-филологам должен быть известен из курсов «Введение в языкознание», «Старославянский язык» и «Русская диалектология», изложен довольно кратко.

Студенты-историки во многих случаях найдут в книге более полные сведения, чем предусматривается программой курса «Древнерусский язык». Действующая программа[1] рассчитана лишь на то, чтобы студенты научились читать и понимать древнерусские тексты и извлекать из них те или иные исторические данные. Но ведь бесспорно, что историки должны уметь использовать древнерусский язык как один из важнейших источников по неязыковой истории славянства (особенно дописьменного времени), должны понимать языковые доказательства, приводимые при освещении проблем этногенеза, миграций, различных иных сторон жизни древних восточных славян и их предков[2]. Для этого недостаточно научиться

[1] См.: *Программа* по курсу «Древнерусский язык» (для исторических факультетов государственных университетов). М., 1963.

[2] Языковедческие доказательства занимают значительное место, например, в книге *М. Любавского* «История западных славян» (М., 1918), они преобладают в работах *А. А. Шахматова* «Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий» (Пг., 1916), *Т. Лера-Сплавин-*

читать и понимать древнерусские тексты: надо хорошо знать систему древнерусского языка, ее происхождение и изменения в ней. Правда, число аудиторных занятий по древнерусскому языку для студентов-историков очень невелико, поэтому некоторые описательные части данного пособия студенты должны изучить самостоятельно. Для более полного знакомства с древнерусским языком следует обратиться к подстрочным примечаниям (сноскам): там указано, в какой литературе можно найти более подробные сведения по соответствующему вопросу, даны некоторые дополнительные разъяснения.

При написании пособия автор, учитывая ограниченные языковедческие знания студентов-историков и стремясь сделать свои объяснения более понятными, где можно, избегал обычных для языковедов, но незнакомых историку терминов. Толкование многих языковедческих терминов, которые по необходимости встречаются в книге, дано в приложении.

При изложении истории языка важно указывать, во-первых, суть языковых изменений, во-вторых, их время и, в-третьих, их причины. Однако в ряде случаев о причинах и точном времени языковых изменений древнего периода приходится умалчивать, так как и причины, и время остаются до сих пор не известными науке.

Автор считает необходимым обратить внимание читателей на то, что его книга является не очерками исторической грамматики русского языка, а кратким курсом истории древнерусского языка[1]. Этим во многом объясняется и круг вопросов, освещенных в пособии, и последовательность их изложения.

Вводная часть курса содержит предварительные сведения о том, что такое древнерусский язык, откуда он известен науке, зачем его надо знать, знакомит с древнерусским письмом. В основной части пособия выделяются разделы фонетики, морфологии и синтаксиса. При этом преимущественное внимание уделено фонетике, так как фонетические изменения в древнерусском языке были очень значительными и без знания их трудно понять сущность многих иных перемен в строе древнерусского языка. К тому же нельзя не учитывать и того обстоятельства, что лингвистическая

ского «O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian» (Poznań, 1946) и в ряде других исследований древней истории славян. Часты ссылки на языковые данные в работах *П. Н. Третьякова* «Восточнославянские племена» (М., 1953) и «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» (М.—Л., 1966), в «Древней Руси» *В. Мавродина* (М., 1946), во многих исследованиях *Б. Д. Грекова.*

[1] Часто между древнерусским языком и исторической грамматикой русского языка не видят принципиальной разницы (в вузовских программах вопросы истории древнерусского языка включают в круг вопросов исторической грамматики русского языка). А между тем история русского языка, как и история украинского или белорусского языков, начинается лишь со времени их достаточно явного обособления, т. е. никак не ранее XIV—XVI вв. Древнерусский язык существовал с середины I до середины II тысячелетия и представляет собой предысторию русского (великорусского), украинского и белорусского языков.

аргументация неязыковых явлений древней истории славянства без знания древнерусских фонетических процессов часто невозможна (даже если эта аргументация основана и не на фонетических сопоставлениях).

В учебных пособиях по древнерусскому языку и исторической грамматике русского языка раздел фонетики часто начинают описанием фонетической системы древнерусского языка, сложившейся к началу письменного периода его истории, и лишь потом очень сбивчиво излагаются сведения о начальной фонетической системе древнерусского языка, возникшей задолго до появления известных науке восточнославянских памятников письменности. Причина этого понятна: первоначальная древнерусская фонетическая система во многом восстанавливается на основе изучения восточнославянских письменных памятников. Однако ее можно восстановить и путем сопоставления разных славянских языков между собой и с родственными неславянскими языками. Поэтому автор данного пособия счел целесообразным, как для соблюдения хронологической последовательности, так и для краткости изложения, начать фонетический раздел с описания первоначальной фонетической системы древнерусского языка (середины I тысячелетия), отмечая спорность некоторых научных реконструкций этой системы.

Вслед за «Синтаксисом» в книге идет раздел «Лексика и словообразование». Краткость его объясняется как объемом пособия, так и слабой изученностью соответствующих вопросов. Но дать студентам хотя бы самые общие сведения о древнерусской лексике и древнерусском словообразовании автор считает необходимым (тем более, что в аналогичных пособиях эти сведения, как правило, отсутствуют)[1].

В разделе о наречиях древнерусского языка отмечаются их важнейшие диалектные различия. Знание диалектной неоднородности древнерусского языка позволит понять и другой вопрос — о литературных нормах древнерусского языка.

Поскольку в древнерусском языке было немало заимствованных южнославянских элементов, представляется логичным завершить курс древнерусского языка описанием этих заимствований и попутно ознакомить студентов (особенно историков) с наиболее существенными элементами старославянского языка.

Для практических занятий по древнерусскому языку в пособие включены некоторые тексты из древнерусских памятников письменности. Кроме того, для выработки навыков в чтении и понимании древнерусских текстов студенты могут пользоваться любыми изданиями памятников древнерусской письменности (в конце пособия приведена библиография).

Автор выражает свою глубокую признательность доктору филологических наук проф. А. И. Горшкову и сотрудникам кафедры вспомогательных исторических дисциплин Московского гос. историко-архивного института, познакомившимся с пособием в рукописи и давшим ценные советы по его улучшению.

[1] Лишь «Историческая грамматика русского языка» *П. Я. Черных* (М., 1962) и отчасти «История древнерусского языка» *Л. П. Якубинского* (М., 1953) содержат сведения о лексике древнерусского языка.

ЗАМЕЧАНИЯ О СПОСОБАХ ПЕРЕДАЧИ ДРЕВНЕРУССКИХ БУКВ И О ДРУГИХ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ

В научной литературе древнерусские буквы принято передавать или буквами специального кирилловского шрифта, или же современными буквами (они ведь восходят к кириллице). В последнем случае недостающие в шрифтах современного русского алфавита буквы берут из кирилловского шрифта или выражают буквами современного алфавита, снабженными диакритическими знаками.

В данной книге древнерусские буквы передаются современными русскими с добавлением ѥ, ѣ, ѫ, ѭ, ѧ, ѩ[1], а для реконструкции древнерусских дописьменных, праславянских и праиндоевропейских форм слов и звукосочетаний используются буквы латинского алфавита, при этом вводятся следующие дополнительные знаки:

1) для указания на долгое или краткое произношение гласного над буквой ставится черточка или дужка (*ā* — долгое звучание, *ă* — краткое звучание, *ā̆* — краткое и долгое звучание гласного *а*);

2) для обозначения мягкости произношения согласного после буквы вверху ставится апостроф (*р'* — мягкое произношение *р*);

3) при передаче латинскими буквами шипящих согласных *ž* обозначает *ж*, *č*—*ч*, *š*—*ш*;

4) если в качестве примера или для сравнения используется слово, не засвидетельствованное в памятниках письменности, а реконструируемое на основании теоретических соображений, то перед ним ставится звездочка (**douchj* передает раннее праславянское звучание слова *душа*);

5) если слово реконструируется не полностью, а скажем, без окончания или без суффиксов и окончания (за ненадобностью или спорностью полной реконструкции), то вместо недостающей части ставится дефис (**veg'h-* передает праиндоевропейское состояние корня в слове *везти*, а **pūl-* обозначает праславянский вид корня в существительном *пыль*);

6) если в реконструируемых праформах надо указать на редукцию *ĭ* или *ŭ*, то используются соответственно буквы *ь* и *ъ*;

7) знак < или > употребляется для указания на то, как меняется форма слова или как в результате фонетической эволюции один звук превращается в другой; острие знака всегда обращается в сторону той формы или того звука, который возникает взамен более древнего (**liko* > **lice* обозначает, что из формы **liko* получилась форма **lice* — ‘лицо’; *-njŭs* < *-njŏs* показывает, что из *-njŏs* в конце слова получилось *-njŭs*).

Иногда одни и те же формы реконструируются по-разному. Например, инфинитивный суффикс *-ти* в одних случаях возведен к *-ti*, в других — к *-tei* (**mettei*), а слово *город* возведено к **gordъ*, хотя можно было указать и более раннее состояние **gordŭs*. Это объясняется стремлением, по возможности, точно указать состояние слова или части слова именно в тот период, о котором идет речь в каждом конкретном случае.

Тексты для перевода набраны кириллицей.

---

[1] В научной литературе нередко передают ѫ как ǫ, ѧ как ę, ѣ как ě.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. ЧТО ТАКОЕ ДРЕВНЕРУССКИЙ (ОБЩЕВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ) ЯЗЫК

Древнерусский язык — это язык, на котором говорили в прошлом (приблизительно с середины I до середины II тысячелетия) все восточные славяне, т. е. предки современных русских (великорусов), украинцев и белорусов. Поэтому древнерусский язык называют еще общевосточнославянским[1]. Он был одним из многих языков, развившихся на основе существовавшего несколько тысячелетий назад индоевропейского праязыка (иначе — праиндоевропейского языка), на котором говорил индоевропейский пранарод. Первоначальная территория его распространения, по мнению одних ученых, была где-то на юго-востоке Европы, по мнению других — на ее северо-западе, по мнению третьих — в Западной или Средней Азии[2]. Можно предполагать, что в поздний период своей

---

[1] Оба термина не вполне точные, так как многие из восточных славян в древнейшую пору их истории именовались антами, и лишь те, которые обитали на северо-западе Восточной Европы (в Приильменье и Приладожье), назывались словенами, а этноним Русь появился не ранее IX в. и сначала относился не ко всем восточным славянам (см.: *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М., 1962, с. 50—63). Оба термина общепризнаны, однако наименование древнерусский язык короче, чем общевосточнославянский язык, и потому предпочтительнее.

[2] До сих пор точно не установлено, где именно (см.: *Дегтерева Т. А.* Пути развития современной лингвистики, кн. 1. М., 1961, с. 196—215).

истории индоевропейский пранарод обитал в юго-восточных европейских степях или в северных предгорьях Кавказа. В пользу этого свидетельствует, например, то, что во всех или во многих языках, развившихся и обособившихся из индоевропейского праязыка (см. с. 8—9), оказываются общими по происхождению слова для обозначения колеса, ярма (упряжка для крупного рогатого скота), овцы, овечьей шерсти и березы. Из глубокой древности прослеживается сходство этих языков по некоторым признакам с языками неиндоевропейских кавказских, угро-финских и тюркских народов.

Природные и иные условия юго-востока Европы благоприятствовали праиндоевропейцам. Поэтому их численность из поколения в поколение росла, они должны были расселяться на новые территории. Это отрывало все больше индоевропейских племен от прародины и друг от друга и нарушало их этническое единство, чему способствовали также контакты мигрировавших индоевропейских племен (или групп племен) с неиндоевропейцами (военные столкновения, дружеские союзы, смешанные браки и пр.). Надо полагать, что те или иные из обособившихся индоевропейских племен когда-то, где-то могли либо вновь встретиться и объединиться друг с другом, либо погибнуть в борьбе с превосходящими по силе врагами[1]. Но процесс разделения обособившихся групп индоевропейского пранарода на ряд новых народов продолжался.

Вместе с тем и индоевропейский праязык по-разному изменялся в обособлявшихся группах индоевропейцев, не одинаково обогащался заимствованиями. Особенно много новых элементов попадало в язык, когда он распространялся среди неиндоевропейских племен, ассимилированных индоевропейцами. Таким образом, из индоевропейского праязыка постепенно выделялись родственные индоевропейские языки, которые, в свою очередь, тоже делились на новые родственные языки. Конечно, при объединении этнических групп, говоривших на родственных индоевропейских языках, различие между этими языками могло исчезнуть, но так как преобладал процесс обособления, то в конце концов индоевропейский праязык распался на ряд поныне существующих или по тем или иным причи-

---

[1] Известно, например, что так исчезли хетты и тохары.

нам уже исчезнувших индоевропейских языков: греческий, албанский, германские (немецкий, шведский, исландский и др.), романские (французский, испанский, итальянский и др.), кельтские (шотландский, ирландский, бретонский и др.), балтийские (литовский, латышский, прусский), иранские (таджикский, фарсидский, афганский и др.), индийские (санскрит, хинди, урду, бенгальский и др.) и т. д.[1]

На каком-то этапе этого сложного этно-языкового процесса задолго до нашей эры скорее всего в бассейне Припяти (главным образом к югу от нее) между Днепром и Вислой (и никак не западнее Одера) обособились индоевропейские племена славян, у которых к тому времени сложился свой праславянский, или общеславянский, язык. Это достаточно очевидно как из данных сравнительно-исторического изучения современных славянских языков, так и из археологических материалов о Средней и Восточной Европе II—I тысячелетий до н. э., а также из письменных исторических источников I—VI вв.[2] Например, византийский историк Прокопий Кесарийский (VI в.) славянские племена своего времени называет антами и склавинами, отмечает, что у них один и тот же язык и что в прошлом антов и склавинов именовали спорами[3].

Однако в первой половине I тысячелетия в среде славян, к тому времени значительно расширивших свою территорию, началось обособление сначала, по-видимому, двух, а потом трех групп — южной, западной и восточной[4].

---

[1] См.: *Шрадер О.* Индоевропейцы. Спб., 1913; *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938; *Дегтерева Т. А.* Пути развития современной лингвистики, кн. 1, с. 196—215.

[2] См.: *Шахматов А. А.* Исторический процесс образования русских племен и наречий, с. 29—42; *Лер-Сплавинский Т.* Балто-славянская языковая общность и проблема этногенеза славян.— В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 3. М., 1958; *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 52—66; *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян, с. 147—159; *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка, с. 60—71; *Moszyński K.* Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław—Kraków, 1957; *Ułaszyn G.* Praojczyzna słowian. Łódź, 1959.

[3] См.: *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950, с. 297.

[4] См.: *Лер-Сплавинский Т.* К каким периодам относятся факты разделения славян на основные ветви? — «Вопросы языкознания», 1958, № 3.

Этническое обособление разных групп славян сопровождалось распадом общеславянского праязыка на новые самостоятельные языки, в частности выделением древнерусского и старославянского языков.

Древнерусский язык — это общий язык обособившейся восточной группы славянских племен (предков современных белорусов, русских и украинцев), обитавших вокруг озера Ильмень, в верховьях рек Волги, Оки и Западной Двины и по рекам Днепру, Днестру, Бугу и Южному Бугу и затем распространившихся на восток[1].

Старославянский язык — это по происхождению язык древних македонских болгар (из южной группы славян), в силу ряда исторических причин ставший языком христианской религии и литературы у восточных славян (и не только у них) и поэтому оказавший влияние на древнерусский язык[2] (см. § 30).

Древнерусский, или общевосточнославянский, язык существенно отличался по своему строю от любого из современных восточнославянских языков. Так, например, выражение *придохомъ кнѧгыне* из «Повести временных лет» явно нуждается в переводе как на современный русский язык ('мы, числом больше двух человек, пришли к княгине'), так и на украинский ('ми, понад два, прийшли до княгині') или белорусский ('мы, нас тры альбо больш, прыйшлі да княгіні').

В истории древнерусского языка выделяются два периода: дописьменный — до X—XI вв. и письменный (памятники восточнославянской письменности сохранились лишь с X—XI вв.[3]).

Уже в дописьменный период истории древнерусского языка восточные славяне разных этно-территориальных

---

[1] См.: *Повесть* временных лет, ч. 1. М., 1950, с. 13—14; *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена, с. 217—228.

[2] Старославянским его называют потому, что наиболее ранние письменные памятники славянской речи — древнеболгарские и потому, что этот язык в качестве языка христианской религии распространился далеко за пределы Македонии (см.: *Селищев А. М.* Старославянский язык, ч. 1. М., 1951, с. 15—28; *Елкина Н. М.* Старославянский язык. М., 1960, с. 11—17).

[3] От X в. имеется всего лишь надпись в одно слово — на осколках корчаги из Гнездовского могильного кургана (под Смоленском).

групп (постепенно превращавшихся просто в территориальные) неодинаково произносили некоторые звуки (например, *в*, *г*, *ц*, *ч*), по-видимому, были некоторые различия и в лексике и, может быть, незначительные (во всяком случае, не очевидные и науке неизвестные) особенности в морфологии и синтаксисе. Из-за существования этих отличий (так называемых д и а л е к т и з м о в) древнерусский язык не был единым для всех восточных славян, а состоял из ряда очень сходных территориально-племенных разновидностей, которые принято называть д и а л е к т а м и или г о в о р а м и языка.

Древнерусским диалектам противостоял литературный древнерусский язык. Время возникновения литературных норм неизвестно, но несомненно, что их появление относится к дописьменному периоду, так как ранние древнерусские письменные памятники характеризуются уже развитыми стилями литературной речи (см. § 29).

Распад древнерусского государства на ряд самостоятельных «земель», начавшийся после Ярослава Мудрого (XI в.) и, особенно, после Владимира Мономаха (XII в.), нашествие на Русь с востока в первой четверти XIII в. монголо-татар и 250-летнее монголо-татарское иго, захват юго-западных русских земель поляками и литовцами способствовали усилению диалектного дробления древнерусского языка.

В то же время восточные границы Литвы и Польши, расширившихся за счет захвата юго-западных земель Древней Руси, отрезали юго-западные говоры древнерусского языка и препятствовали, с одной стороны, распространению языковых изменений, возникавших в северо-восточных (ростово-суздальских и иных) говорах древнерусского языка, на говоры южные (киевские, галицкие, минские и др.), а с другой стороны — распространению особенностей юго-западных говоров древнерусского языка на северо-восток. Вместе с тем в юго-западных говорах усилилось противопоставление говоров южной и западной частей. Все это постепенно приводило к разделению древнерусского языка на три новых языка: русский (великорусский), украинский и белорусский. Начало этого процесса можно заметить уже по ранним памятникам древнерусской письменности (см. § 9). Следовательно, письменный период истории древнерусского языка, особенно с XIV в., был временем становления языков русского,

украинского и белорусского. В основном они обособились уже к XVI в., но еще и в XVII в. разница между ними (особенно между литературными вариантами) была не очень заметна[1].

Четкой хронологической границы между древнерусским языком и языками русским (великорусским), украинским и белорусским нет, так как процесс разделения был постепенным и новые восточнославянские языки появились не после распада древнерусского языка, а в процессе этого распада. Иначе говоря, последние столетия истории исчезавшего древнерусского языка в то же время были первыми столетиями истории возникавших русского (великорусского), украинского и белорусского языков. В дальнейшем каждый из этих новых восточнославянских языков, прежде чем превратиться в современный русский, современный украинский и современный белорусский языки, развивался по-своему. Процесс обособленного развития русского (великорусского), украинского и белорусского языков (до их современного состояния) принято называть соответственно историей старорусского (старовеликорусского), староукраинского и старобелорусского языков.

§ 2. ДРЕВНЕРУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

В каждом языке различаются: 1) его речевые средства (фонетические, слово- и формообразовательные, синтаксические, лексические), организованные в систему и связанные между собой определенными системными отношениями; 2) разновидности или формы использования речевых средств, т. е. устная и письменная речь (деловая, бытовая, художественная, научная, публицистическая и т. п.).

Следовательно, объектом изучения древнерусского языка являются прежде всего его речевые средства: 1) их состав, взаимосвязь и взаимозависимость в любой из периодов

---

[1] См.: *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка, с. 170, 177, 184; *Очерки* по сравнительной грамматике восточнославянских языков. Одесса, 1958, с. 19; *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. М., 1972.

истории; 2) эволюция этих средств от возникновения древнерусского языка до завершения его распада (т. е. с середины I тысячелетия до середины II тысячелетия); 3) степень диалектной дифференциации речевых средств и в раннем, и в позднем древнерусском языке); 4) речевые средства литературных стилей древнерусского языка, характер и степень отличия их от диалектных средств. Далеко не во всех указанных аспектах древнерусские речевые средства изучены достаточно хорошо. Все еще не вполне ясны структурные связи между этими средствами, причины очень многих изменений в их системе, мало что известно о системе древнерусской лексики, о месте среди древнерусских речевых средств общеязыковых, литературных и диалектных элементов. Количество древнерусских говоров на современном уровне научных знаний о древнерусском языке тоже еще не может быть установлено, хотя ученые и пытаются определить число основных первоначальных древнерусских диалектных групп — наречий (см. § 28).

Кроме того, объектом изучения древнерусского языка являются варианты использования его речевых средств, т. е. разные стили речи (частота и характер использования в них тех или иных речевых средств, различия между стилями по этим признакам и т. д.). В этом отношении древнерусский язык также исследован слабо. Почти ничего еще нельзя сказать о конкретных различиях устных и письменных стилей древнерусской речи, хотя ясно, что эти различия были. Правда, об устных стилях древнерусского языка можно судить лишь по их отражению в памятниках письменности. Но и эти памятники пока изучены главным образом для выяснения средств древнерусского языка, а не с целью познания сущности древнерусских речевых стилей и конкретных различий между ними[1].

---

[1] Все указанные пробелы в изучении древнерусского языка неизбежно сказались и на содержании данной книги, как сказывались и на других подобных пособиях. Приходится ограничиваться преимущественно описанием речевых средств древнерусского языка, часто без всякого вычленения в их составе общеязыкового, литературного и диалектного. Обособленная история старорусского (старовеликорусского), староукраинского и старобелорусского языков уже не относится к истории древнерусского языка; поэтому они являются объектом изучения истории русского (великорусского), украинского, белорусского языков или же сравнительно-исторической грамматики этих языков.

§ 3. ДЛЯ ЧЕГО НАДО ИЗУЧАТЬ ДРЕВНЕРУССКИЙ ЯЗЫК

Изучение древнерусского языка необходимо для чтения и понимания памятников письменности на этом языке. Чем старше древнерусский памятник, тем больше специальных знаний нужно для его правильного прочтения и перевода на любой из современных восточнославянских языков.

Не менее важно изучение древнерусского языка для того, чтобы на основе разделения его на три разных языка понять тенденции дальнейшего развития каждого из них и в соответствии с этими тенденциями искать и формулировать целесообразные правила литературного произношения, орфографии и пунктуации.

Поскольку процесс выделения из древнерусского языка трех новых относится к сравнительно недавней эпохе и может быть изучен достаточно подробно, то это помогает языковедам, так сказать, на основе конкретного примера судить о том, как в более ранние времена должен был делиться на ряд новых языков индоевропейский праязык. А это важно для понимания всей языковой истории человечества.

В развитии языка отражается развитие мышления человека, поэтому изучение языка помогает понять, как менялось мировоззрение древних людей в те времена, от которых не осталось прямых письменных свидетельств. Например, формирование древнерусских числительных как самостоятельной части речи, безусловно, связано с возросшей способностью человека к абстрактному мышлению[1]. Подобно этому развитие в древнерусском языке системы придаточных предложений, подчинительных союзов и союзных слов (у праславян отсутствовавших; см. § 23) отражает то, как постепенно человек все точнее осознавал (и стремился передать в языке) основное и зависимое, главное и второстепенное, причину и следствие в явлениях и процессах его собственной жизни и окружающего мира.

В истории языка отражается и социальная история говорящего на нем народа. Так, именно языковые факты позволили ученым утверждать, что когда-то существовал индоевропейский пранарод. Поэтому древнерусский язык является важным историческим источником для изучения обще-

[1] См.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е, т. 20, с. 37.

ственного строя и общественных отношений, материальной и духовной культуры, миграций — всей жизни древнерусского народа и его предков. Особенно важное значение (не меньшее, чем археологические и этнографические данные) имеет древнерусский язык как исторический источник для изучения тех времен и событий, о которых ничего или почти ничего нельзя узнать из памятников письменности.

В частности, обращение к фактам древнерусского языка незаменимо для изучения многих деталей этногенеза русских, украинцев и белорусов. Ведь развитие из древнерусского языка русского (великорусского), украинского и белорусского языков было отражением того, как в среде восточных славян постепенно обособлялись три этнические группы — русская (великорусская), украинская и белорусская. Или взять смешение *ц* и *ч* славянами на северо-западе Древней Руси (около Пскова, Новгорода, Полоцка, Смоленска). Причину смешения можно видеть в финском влиянии на речь древних славян, живших в этих районах; ведь их соседи — западные финны издавна употребляли или только *ц* (как современные эсты, суоми), или только *ч* (как современные карелы, вепсы). А раз обнаруживается финское влияние в языке, то надо предполагать и влияние западнофинской культуры на славян, и этническое смешение славян и финнов.

Особенно заметно социальная история отразилась в лексике. Древние восточные славяне, например, серединой семидневной недели называли не четвертый день, 'четверг', а третий — 'среду' (др.-русск. *середа* — 'середина'). Это заставляет думать, что у предков восточных славян неделя состояла не из семи дней, а только из пяти (и у немцев 'среда' называется *Mittwoch* — 'середина недели') и лишь позднее неделя была дополнена еще двумя днями — субботой и воскресеньем (*суббота* — слово еврейское, проникшее к славянам через греческий язык, а название *воскресенье* появилось лишь с распространением христианства).

Древнерусский христианский религиозно-обрядовый термин *говѣти* — 'поститься перед исповедью и причастием' имеет тот же корень *гов-*, что и в словах *говѧдина* — 'мясо коровы или быка' (ср. совр. русск. *говядина*) и *говѧдо* — 'крупный рогатый скот' (ср. белорусск. *гавяда* — 'домашний скот'). Это дает основание думать, что глагол *говѣти*, включенный в состав древнерусской христианской терминологии, был переосмыслением языческого термина

и первоначально у восточных славян или их предков выражал какое-то понятие или действие, связанное с культом крупного рогатого скота. А значит, когда-то у восточных славян или их предков существовал этот культ.

Слово *ужина* (ср. совр. русск. литер. *ужин* и диал. *ужина*) имеет тот же корень, что и в слове *угъ* — 'юг' (при ст.-сл. *югъ*), возникло из * *jug-in-a* (см. с. 49) и когда-то у восточных славян и их предков обозначало прием пищи днем — 'когда солнце на юге' (ср. сербск. *ужина* — 'полдник'). Последующее переосмысление слова *ужина* для обозначения вечерней трапезы, по-видимому, отражает какие-то изменения в условиях труда и быта древних восточных славян.

§ 4. ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Русский, украинский и белорусский языки выделились из древнерусского языка. Поэтому именно их факты, в том числе и диалектные, особенно в сопоставлении друг с другом, являются одним из важнейших источников для изучения древнерусского языка.

В современном русском языке, например, *о* в одних корнях произносится всегда, хотя и с разной степенью отчетливости (ср.: *год — год-á*), а в других является беглым (ср.: *рот — рт á*). Это сравнение заставляет думать, что совр. русск. *о* возник из двух разных древнерусских гласных (один из них был *о*, другой *ъ*; см. с. 29—31, 67—71).

Соответствие чередований русск. *д—ж (ходить — хожу)*, укр. *д — дж (ходити — ходжу)* и белорусск. *дз — дж (хадзіць — хаджу)* показывает, что в древнерусском языке праславянское сочетание *dj* первоначально звучало как *дж* (см. с. 53—54). Наличие в некоторых русских и украинских говорах мягких *ж'* и *ш'* подтверждает вывод о мягком произношении их в древнерусском языке (см. с. 49, 53—54).

Для изучения древнерусского языка важно привлечение фактов других родственных (индоевропейских) языков. Так, о характере звучания «юсов» — древнерусских носовых гласных (см. с. 30, 61) можно судить по произношению носовых гласных в польском и французском языках. Не-

редко бывает полезно обратиться даже к неродственным языкам. Именно это, в частности, позволяет полагать, что неразличение *ц* и *ч* в некоторых древнерусских говорах (см. с. 34) возникло под влиянием соседних угро-финских языков[1].

Незаменимы для изучения древнерусского языка его письменные памятники разных стилей: летописи, сказания, «хождения», «слова» и «поучения», духовные, договорные, челобитные, закладные, рядные и другие грамоты и записи и т. д. Например, из изучения памятников письменности выясняется, что переход *гы* в *ги*, *кы* в *ки* и *хы* в *хи* начался раньше всего в южных говорах, а в северных говорах древнерусского языка — позднее (см. с. 86).

Особенно важны письменные памятники потому, что по ним мы можем судить не только о наличии или отсутствии в языке восточных славян в прошлом тех или иных элементов (фонем, морфем, слов, типов и категорий словоизменения, моделей словообразования и словосочетания, типов предложений и т. д.), т. е. не только о том, что можно, хотя и не без труда, выяснить с помощью сравнительно-исторического метода по иным источникам, не прибегая к анализу древних текстов, но и потому, что только с их помощью мы можем узнать в подробностях, какой была система (а не просто совокупность) древнерусских речевых средств в каждом из тех периодов, от которых до нас дошли тексты. Только на основе памятников письменности мы можем судить о том, как эта система функционировала и как вместе с тем эволюционировала в речи: как часто и для чего использовался в ней любой из элементов языковой системы, чем отличалось его употребление в разных речевых стилях данного периода, как оно изменялось в одном и том же стиле от века к веку и т. д. Например, только в результате изучения памятников восточнославянской письменности с XI в. (почти за тысячелетие) мы получили возможность установить, что употребительность формы родительного падежа существительных за это время значительно возросла (в некоторых стилях письменной речи более чем вдвое)[2].

---

[1] См.: «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1961, № 1, с. 79—86.

[2] По неопубликованным статистическим данным, полученным на кафедре истории русского языка и сравнительного славянского языкознания Горьковского гос. университета им. Н. И. Лобачевского.

При изучении языковых фактов древнерусские письменные памятники сравнивают между собой, обращают внимание на их происхождение (время и место создания, подлинник это или позднейшая копия и пр.). Так, «Слово о полку Игореве» считается памятником XII в., возникшим где-то на юге Древней Руси, и поэтому используется для изучения системы древнерусского языка XII в. Однако этот памятник известен нам не в подлиннике, а по списку XVI в., изданному в 1800 г. А. И. Мусиным-Пушкиным, и по так называемой Екатерининской копии с этого списка. Поэтому приходится постоянно иметь в виду, что не все языковые особенности известного нам текста «Слова о полку Игореве» относятся к XII в., некоторые из них могли быть модернизированы и диалектно изменены позднейшими переписчиками (*шизый*, *русици* вместо *сизый*, *русичи* и др.).

Памятники письменности позволяют изучать не только письменный период истории древнерусского языка, но и дописьменный, так как в текстах нередко сохраняются такие языковые факты дописьменного периода, которые в живой речи современных восточных славян уже исчезли. Например, в современном русском языке форма повелительного наклонения *пеки* сохраняет *к* по аналогии с *пеку*, *пекут*, а в украинском и белорусском языках звучит с *ч* (ср.: укр. *печи*, белорусск. *пячы*) по аналогии с формами настоящего времени изъявительного наклонения (ср.: укр. *печу*, белорусск. *пячэш*). Однако памятники древнерусской письменности на месте указанного русского *к* и украинско-белорусского *ч* имеют *ц* (*пьци*), и именно это *ц* позволяет сделать вывод, что *и* в *пеки* (из *пьци*) получилось в дописьменный период из дифтонга *oi* (см. с. 44).

Наконец, для изучения древнерусского языка привлекается и ономастика (имена собственные), так как она нередко сохраняет старые формы древнерусского языка и следы древних языковых изменений (см. на с. 69 топоним *Псков*).

Все факты, привлекаемые для изучения древнерусского языка, используются в синхронном и диахронном сопоставлении, причем, где необходимо, подсчитывается их количество, определяется частота употребления и пр. Языковые факты существуют не разрозненно, а в системе и связаны структурными отношениями (например, форма вин. п. ед. ч *стену* в современном русском языке обязательно предполагает форму им. п.: *стена*). Поэтому исследователь древне-

русского языка, изучая те или иные элементы его строя, по ним определяет и некоторые другие, устанавливая изменение одного элемента, учитывает, что оно должно повлечь за собой изменения еще каких-то элементов. Такой метод изучения древнерусского языка называется **сравнительно-историческим методом**. Он вырабатывался постепенно — в соответствии с общим развитием сравнительно-исторического языкознания.

Зачатки сравнительно-исторического изучения древнерусского языка появились еще в XVIII в. М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» часто прибегал к сопоставлению фактов русского языка с фактами других языков, различал древнерусский и старославянский языки. Однако подлинное сравнительно-историческое изучение древнерусского языка началось лишь в XIX в. Основоположником его был А. Х. Востоков (1781—1864). Он, в частности, открыл, что так называемые «юсы» и буквы ъ и ь у древних славян обозначали особые гласные звуки (см. § 6).

Одновременно с Востоковым сравнительно-историческим изучением древнерусского языка занимались И. И. Срезневский (1812—1880) и Ф. И. Буслаев (1818—1897). Срезневский знаменит, прежде всего, своими «Материалами для словаря древнерусского языка» (1890—1912), а Буслаев — «Исторической грамматикой русского языка» (1858) и хрестоматией к ней, в которых впервые нашли подробное объяснение многие факты древнерусского языка.

Во второй половине XIX в. дело Востокова, Срезневского и Буслаева продолжали А. А. Потебня (1835—1891), Ф. Ф. Фортунатов (1848—1914) и И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845—1929), разработавшие многие вопросы фонетики, грамматики и словарного состава древнерусского языка. Древнерусский язык изучали также ученики Фортунатова: А. А. Шахматов (1864—1920), Б. М. Ляпунов, В. К. Поржезинский, А. И. Томсон и др. Шахматов впервые начал широко использовать для сравнительно-исторических исследований данные диалектологии и живой речи. Современник Шахматова А. И. Соболевский (1856—1929), напротив, обращался к углубленному исследованию памятников древнерусской письменности.

И в советское время изучением древнерусского языка занимались и занимаются многие ученые: В. И. Борковский, Л. А. Булаховский, Л. Л. Васильев, В. В. Виногра-

дов, Н. Н. Дурново, П. С. Кузнецов, С. П. Обнорский, А. М. Селищев, Ф. П. Филин, П. Я. Черных, Л. П. Якубинский и др.

§ 5. ДРЕВНЕРУССКОЕ ПИСЬМО

Письменность у восточных славян существовала и до того периода их языковой истории, который именуют письменным. В составе самых ранних из известных нам памятников восточнославянской письменности X—XI вв. есть бытовые берестяные письма, записи на ремесленных изделиях и т. п. Значит, в это время письменность получила уже довольно широкое распространение, и следовательно, должна была зародиться намного раньше.

Л. П. Якубинский, обратив внимание на то, что все славяне употребляют общие по происхождению глаголы со значением 'писать' (ср.: русск. *писать*, сербск. *писати*, чешск. *psati*, польск. *pisać*) и 'читать' (ср.: русск. *читать*, сербск. *читати*, польск. *czytać*), сделал такой вывод: письмо у славян было еще в то время, когда они составляли единый народ. Есть некоторая возможность судить и о характере первоначального славянского письма; оно, по свидетельству болгарского автора X в. Храбра, представляло собой какие-то черты и резы. Затем это письмо, по-видимому, обогащалось знаками неславянских алфавитов, и, может быть, загадочные письменные знаки на различных древних предметах, найденных археологами в Северном Причерноморье, повлияли на развитие письма у восточных славян[1].

Развитые древние славянские алфавиты носят названия глаголицы и кириллицы (см. рис. 1—3). Создание или усовершенствование одного из них (спорно—какого) приписывают христианскому проповеднику IX в. Константину (Кириллу). В основу кириллицы было положено греческое уставное литургическое (т. е. богослужебное) письмо, а глаголицу сближают то с западными, то с восточными алфавитами.

Все дошедшие до нас древнерусские тексты написаны кириллицей. Об употреблении глаголицы мы знаем очень

---

[1] См.: *Константинов Н. А.* Черноморские загадочные знаки и глаголица. — «Уч. зап. ЛГУ», 1957, № 197.

Рис. 1. Глаголица (отрывок из Киевского миссала X в.)

Рис. 2. Кириллица. Устав (страница из Рязанской кормчей книги 1284 г.)

мало (глаголицей сделаны, например, надписи на внутренних стенах новгородского Софийского собора). Начало письменного периода истории древнерусского языка хронологически совпадает с христианским периодом русской истории. Поэтому есть основания считать, что распространение кириллицы у восточных славян тесно связано с христианизацией (тем более, что первоначально на Руси использовались переводы христианских текстов с греческого

Рис. 3. Кириллица. Устав (нижняя часть страницы Угличского евангелия конца XIII — начала XIV в.)

языка, написанные в Болгарии кириллицей). Вместе с тем, по мнению ряда ученых, кириллица вытеснила более раннее восточнославянское письмо — глаголицу, которое, может быть, даже преследовалось церковниками как письмо языческое и поэтому не дошло до нас[1].

Древнерусская кириллица отличалась от алфавитов современных восточных славян несколько иными начертаниями букв, наличием букв, теперь не употребляемых, использованием букв в значении цифр (см. табл. на стр. 24, 25).

По типу письма древнерусские рукописи принято делить на уставные, полууставные и скорописные (см. рис. 2—5).

---

[1] См.: *Лихачев Д. С.* Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы.— «Вопросы истории», 1951, № 12; *Черных П. Я.* Язык и письмо.— В кн.: История культуры Древней Руси, т. 2. М., 1951; *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953, с. 6, 71—77; *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956, с. 92—111; *Маневский А. Д.* К вопросу о древнерусском добуквенном письме.— «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 6; *Истрин В. А.* Развитие письма. М., 1961, с. 258—307.

Кирил-лица	Название буквы	Соответствие в современном русском алфавите	Цифровое значение	Примечания
а	аз	*а*	1	
б	буки	*б*	иногда 2	
в	веди	*в*	2	
г	глаголь	*г*	3	
д	добро	*д*	4	
є	есть	*е*	5	
ѥ	йотованное *е*	*е*		обозначал *е* с предшествующим *j*
ж	живете	*ж*		
ѕ	зело	*з*	6	обозначал *дз* или *з*
з	земля	*з*	7	
и	иже	*и*	8	
І	*и* десятеричное	*и*	10	
к	како	*к*	20	
л	люди	*л*	30	
м	мыслете	*м*	40	
н	наш	*н*	50	
о	он	*о*	70	
п	покой	*п*	80	
р	рцы	*р*	100	
с	слово	*с*	200	
т	твердо	*т*	300	
оу (ѹ)	ук	*у*	400	
ф	ферт	*ф*	500	
х	хер	*х*	600	
ѡ	от (омега)	*о*	800	
ц	цы	*ц*	900	
ч	червь	*ч*	90	
ш	ша	*ш*		
щ	ща	*щ*		
ъ	ер			использовался иначе, чем в современном русском языке, — обозначал сверхкраткий звук *о*
ъі	еры	*ы*		
ь	ерь			использовался иначе, чем в современном русском языке,— обозначал сверхкраткий звук *е*

Кирил-лица	Название буквы	Соответствие в современном русском алфавите	Цифровое значение	Примечание
ѣ	ять			обозначал несохранившийся в современном русском языке гласный звук
ю	ю	*ю*		
ꙗ	я	*я*		
ѧ	юс малый	*я*	иногда 900	обозначал особый носовой гласный, к письменному периоду совпал с ꙗ, поэтому читается как *я*
ѩ	юс малый йотованный			обозначал ѧ после мягкого согласного или с предшествующим *j*
ѫ	юс большой	*ю*		обозначал особый носовой гласный, к письменному периоду совпал с оу, поэтому читается как *у*
ѭ	юс большой йотованный			обозначал ѫ после мягкого согласного или с предшествующим *j*
ѯ	кси	*кс*	60	
ѱ	пси	*пс*	700	
ѳ	фита	*ф*	9	
ѵ	ижица	*и*, *ю*		иногда обозначала *в*

Уставное письмо (устав) характеризовалось тщательным написанием букв без наклона, оно господствовало до половины XIV в. Полууставное письмо (полуустав) представляло собой упрощение устава (написание букв с наклоном) и появилось в середине XIV в. Скорописные тексты (скоропись) стали обычны с XV в., в них одна буква от другой отделялась не всегда. Скоропись представляла собой дальнейшее развитие устава и полуустава, вызванное необходимостью писать быстрее, что (наряду со стремлением украсить рукопись) привело

Рис. 4. Кириллица. Полуустав (страница из Судебника 1497 г.)

к появлению скорописных букв с различными петлями и крючками.

До XVI в. отграничивать одно слово от другого промежутками было необязательно; отделялись лишь более или

Рис. 5. Кириллица. Скоропись (грамота московского великого князя Василия Васильевича Темного середины XV в.)

менее значительные группы слов. Да и позже встречаются слитные написания слов, особенно предлогов с последующими словами.

Некоторые слова писались сокращенно — с пропуском тех или иных букв. Над такими словами изображалось

титло (~ или ~), под которым нередко ставилась одна из пропущенных букв. В скорописи были очень распространены так называемые выносные буквы, поставленные над словом. В некоторых текстах в словах проставлены ударения, встречаются и иные (не всегда ясного назначения) надстрочные знаки.

Употребление знаков препинания в древнерусской письменности не было строго регламентировано: точка на середине строки могла выполнять роль запятой, точка с запятой употреблялась как знак вопроса, точка могла быть изображена точкой внизу и комбинацией нескольких точек[1].

Если те или иные буквы или буквосочетания употреблялись в цифровом значении, то перед ними и после них ставились точки, а над ними — титла. Обозначая число, буквы располагались в той же последовательности, что и арабские цифры в современной письменности. Однако буквы единиц ставились перед буквой *I* = 10. Для обозначения тысяч использовались те же буквы, что и для единиц, но перед ними внизу приписывался знак ҂ (например, число 4118 обозначалось так: .҂Д̃Р̃Ї̃).

До XIV в. основным писчим материалом был пергамен (соответствующим образом обработанная кожа животного). Наряду с ним для записей, не предназначенных для длительного хранения, использовали верхний слой березовой коры (берёсту). Надписи делались также на камне (например, на могильных плитах), на металле (на монетах, крестах, колоколах), дереве, гончарных изделиях и т. п. В XIV в. на Руси появляется бумага. Обычным инструментом для письма на пергамене и бумаге служило заостренное гусиное перо. Чернила изготовлялись очень сложным способом из солей железа, дубильных веществ и воды с добавлением вишневого клея, меда, камеди[2].

---

[1] См.: *Шапиро А. Б.* Основы русской пунктуации. М., 1955, с. 5—8.

[2] Особенности начертания древнерусских букв, подробности о материале и приемах древнего письма и способы чтения этого письма изучаются особой вспомогательной историко-филологической наукой палеографией.

ФОНЕТИКА

§ 6. НАЧАЛЬНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

ФОНЕМЫ

Звуковая, или фонетическая, система древнерусского языка в начале его обособления от других славянских языков, т. е. в середине I тысячелетия, представляла собой перестраивающуюся звуковую систему восточных диалектов праславянского языка. Как и фонетическая система современного русского языка, она состояла из гласных и согласных фонем (т. е. смыслоразличительных единиц), но отличалась от фонетической системы современного русского языка количеством фонем, их произношением и характером связей между ними. Такой вывод позволяют сделать исследование особенностей графики древних памятников восточнославянской письменности и результаты сравнительно-исторического изучения фонетических систем разных славянских языков. Однако до сих пор далеко не все детали древнерусской фонетической системы восстановлены полностью и бесспорно, поэтому характеризовать ее приходится с некоторыми оговорками.

Система гласных. Гласных фонем в обособлявшемся древнерусском языке было одиннадцать: пять гласных переднего ряда — *и*, *е*, *ѣ*, *ѧ*, *ь* (при произношении их приподнята передняя часть языка) и шесть гласных непереднего ряда — *ы*, *а*, *у*, *ѫ*, *о*, *ъ* (при произношении их приподнята средняя или задняя часть языка).

Гласные *е*, *а*, *о*, *у* произносились в основном так же, как они произносятся под ударением в современном русском языке, правда, *а* и *у* были (хотя, может быть, и не во всех позициях) более протяжными (*съпати* — 'спать', *семь* — 'семь', *духъ* — 'дух', *домъ* — 'дом' и др.), а *е* не переходило в *ё* (не *вёл*, а *велъ* — как *семь*).

Остальные семь гласных нуждаются в особых пояснениях:

1. Фонема *ѣ* представляла собой (если не во всех позициях, то во многих) протяжный гласный недостаточно выясненного качества. Она была близка к *е* и *и* и, по-видимому, произносилась как звук, средний между ними, т. е. как *е* закрытый[1]; однако не смешивалась ни с *и*, ни с *е* (ср.: *мѣлъ* — 'мел', *мелъ* — 'мёл', *милъ* — 'мил'). Надо заметить, что по качеству *ѣ* древнерусский язык отличался от старославянского языка, в котором эта фонема была близка к *е* и *а*, т. е. представляла собой *е* открытый.

2. Фонемы *ѫ* и *ѧ* представляли собой (если не постоянно, то в ряде позиций) протяжные гласные *о* и *е*, при произношении которых воздух из легких выходил и через рот, и через нос, поэтому их именуют носовыми гласными. Эти гласные не являлись вариантами фонем *о* и *е*, так как служили для различения смысла слов (ср.: *рокъ* — 'судьба' и *рѫкъ* — род. п. мн. ч. от *рѫка* — 'рука'; *метѫ* — 'мету' и *мѧтѫ* — 'смущаю, привожу в беспорядок')[2].

3. Фонемы *ъ* и *ь* произносились приблизительно так, как в современной русской литературной речи произносятся во втором предударном слоге *о* и *е* в словах *поливать* [пъл'ива́т'] и *петушок* [п'ьтушо́к]. Следовательно, *ъ* и *ь* в древнерусском языке всегда произносились короче современных русских ударных *о* и *е*, т. е. были звуками непол-

[1] Судя по дальнейшим изменениям (см. с. 80—81).

[2] Для правильного произношения носовых гласных ѫ и ѧ надо произносить *о* и *е* с последующим призвуком *н* или *м*. Некоторые ученые (Ф. Ф. Фортунатов, Д. В. Бубрих, Н. Н. Дурново и др.) предполагали, что в древнерусском языке кроме ѫ и ѧ в некоторых падежных окончаниях (там, где в старославянском языке в окончаниях фонема ѧ) была еще одна носовая гласная фонема ѣ̧ («носовой ять»). Но другие лингвисты эту гипотезу отвергают или считают маловероятной (см.: *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1953, с. 42—43).

ного образования. Их принято называть глухими, сверхкраткими, редуцированными или иррациональными. Поскольку в древнерусском языке указанное произношение не было обусловлено положением в слове, то *ъ* и *ь* не представляли собой вариантов *о* и *е*, а были самостоятельными фонемами, употреблявшимися и в неударном положении, и под ударением (ср.: *тъ* — 'тот' и *то* — 'то', *сь* — 'этот' и *се* — 'это'). Перед *j* и *и* редуцированные *ъ* и *ь* слышались как редуцированные *ы* и *и*, а *ь* превращался в редуцированный *и* как после *j* с предшествующим гласным, так и после *j* в начале слова (например, из **starъjь* получилось *старыи*, из **dalьnьjь* — *дальнии*, из **jьgralъ* — *игралъ*, из **jьmešі* — *имеши*, из **jьgъla* — *игъла;* см. с. 113—114). Эти редуцированные *ы* и *и* являлись позиционными вариантами фонем *ъ* и *ь* (*старыи* и *старъ* различались не звучанием *ы* и *ъ*, а наличием или отсутствием на конце *и*)[1].

4. Фонемы *ы* и *и*, если не во всех позициях, то во многих (но не перед *j* и *и*), произносились более протяжно, чем современные русские *ы* и *и*, а перед *j* и *и* превращались в звуки неполного образования, подобные *ъ* и *ь*, но более высокого подъема; и в этих позициях фонемы *ы* и *и* также именуются в науке редуцированными, глухими, иррациональными. Однако редукция *ы* и *и* перед *j* и *и* была лишь позиционной и не служила для смыслоразличения (в парах *крыѭ* — 'крою' и *крыти* — 'крыть', *лии* — 'лей' и *лити* — 'лить', *мыти* — 'мыть' и *мыкши* — 'моешь', *пити* — 'пить' и *пиянъ* — 'пьян' смыслоразличающими были не *ы* и *и*, а последующие звуки).

Итак, в древнерусском языке были гласные фонемы, разные по долготе звучания: 1) всегда кратко звучали *о* и *е*; 2) всегда сверхкратко (редуцированно) звучали *ъ* и *ь* и их позиционные варианты *ы* и *и*; 3) то долго (может быть, в каких-то позициях кратко), то сверхкратко звучали *ы* и *и* (не являвшиеся вариантами *ъ* и *ь*); 4) долго или, возможно, в ряде позиций кратко, но не сверхкратко звучали *а*, *ѧ*, *ѣ*, *у*, *ѫ*. Об этом свидетельствуют такие особенности более позднего фонетического строя древнерусского и современных восточнославянских языков (в сопоставлении с особенностями исторической фонетики других родст-

---

[1] См.: *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков, с. 233—234.

венных славянских и неславянских языков)[1], которые можно объяснить лишь тем, что первоначально в древнерусском произношении имелись долгие, краткие и сверхкраткие гласные, унаследованные от праславянского языка (см. § 8, 9).

Однако указанные свойства гласных древнерусского языка не все ученые характеризуют одинаково. Некоторые из них считают, что в распадавшемся праславянском языке, а значит, и в древнерусском языке периода его обособления долгие гласные уже начали сокращаться и в ряде позиций (в частности, на конце слова) могли звучать кратко[2]. А. А. Шахматов сокращение долгих праславянских гласных в отдельных позициях относил к еще более раннему времени — до начала распада праславянского языка[3]. Однако другие лингвисты (например, Е. Сиверс, Н. Ван-Вейк) склонны считать, что праславянские долгие гласные в любых позициях начали сокращаться лишь после распада праславянского языка[4], а значит, в древнерусском языке первоначально оставались долгими (кроме позиций *ы* и *и* перед *j* и *и*). Эти расхождения во мнениях объясняются отсутствием надежных фактов, по которым время начала сокращения долгих гласных у славян можно было бы определить бесспорно.

Но даже если и принять гипотезу о сокращении долгих гласных в ряде позиций в праславянское время, то получается, что в других позициях обособлявшийся древнерусский язык праславянскую долготу гласных сохранял. В результате сопоставления гласных в разных славянских языках наиболее очевидно сохранение праславянской долготы гласных ранним древнерусским языком в предударных слогах двухсложных слов, иногда под ударением и в односложных словах.

[1] Известно, что в древних индоевропейских языках (греческий, латинский, санскрит) гласные были долгими и краткими; литовский, иранские, некоторые славянские и другие индоевропейские языки это свойство (хотя и не в первоначальном виде) сохраняют до сих пор.

[2] См.: *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков, с. 230.

[3] См.: *Шахматов А. А.* К истории звуков русского языка.— «Изв. АН. ОРЯС», 1902, т. 7, вып. 2, с. 312—320.

[4] См.: *Sievers E.* (совместно с *G. Gerullis* и *M. Vasmer*). Die altslawischen Verstexte von Kiew und Freising.— «Berichte sächs. Akademie», Phil.-hist. Klasse, 1925, Bd 76, Lfg 2; *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. М., 1957, с. 72.

Гласные *ы, ъ, ь, а, е* в раннем древнерусском языке не употреблялись в начале слова (см. § 8). Перед ними всегда оказывался какой-либо протетический, т. е. приставной, согласный (ср.: *ꙗзъ* — 'я' при лат. *ego*, *ꙗгнѧ* — 'ягненок' при лат. *agnus*, *ѥсть* — 'есть, имеется' при лат. *est*, *ѥль* — 'ель' при литовск. *ègle*, *выдра* при санскр. *ūdras* и литовск. *ūdra*). Лишь однозвучные слова *а* (союз) и *э* (междометие) произносились без протетического согласного[1].

Система согласных. В первоначальной системе согласных древнерусского языка различались:

1. Звуки губные (произносились при помощи губ): 1) парные по звонкости — глухости твердые или полумягкие *б* и *п*; 2) непарные звонкие твердые или полумягкие сонорные *м* (носовой) и *в* (ротовой). При этом звук *в* был или губно-губным, близким к неслоговому *ў* (как англ. *w*), или же в северных говорах, может быть, губно-зубным (как совр. русск. литер. *в*)[2].

2. Звуки переднеязычные (произносились при помощи передней части языка): 1) парные по звонкости — глухости твердые или полумягкие *д* и *т* (взрывные зубные); 2) парные по звонкости — глухости простые мягкие шипящие *ж'* и *ш'*; 3) парные по звонкости — глухости сложные мягкие шипящие *ж'д'ж'* и *ш'ч'*(*ш'т'ш'*); 4) парные по звонкости — глухости мягкие шипящие аффрикаты *д'ж'* и *ч'*(*т'ш'*) (правда, аффриката *д'ж'* только еще появлялась; см. с. 53); 5) парные по звонкости — глухости свистящие твердые, полумягкие или мягкие *з* и *с*; правда, мягкий *з'* в некоторых диалектах, может быть, отсутствовал (где, возможно, еще сохранилась мягкая аффриката *д'з'*; см. с. 49—50); 6) парные по звонкости — глухости мягкие

---

[1] Слова *этот, это, эта*, как полагают, произносились с протетическим невзрывным *г* (как *hетотъ, hето, hета*). В диалектах современного русского языка эти слова и сейчас произносят с протетическим *j* перед *е* (*jетот* и т. д.). Все остальные слова с начальными *а* и *е* (*э*) в русском языке иноязычного происхождения (*эхо абажур, этап* и др.); *ы* в начале слова сейчас у русских не встречается, а *ъ* и *ь* преобразованы (см. § 9).

[2] Губно-губной характер раннедревнерусского *в* устанавливается: 1) на основе того, что во многих восточнославянских говорах до сих пор *в* произносят как неслоговое *ў*, особенно на конце слова и перед согласным; 2) на основе нередких написаний *у* вместо *в* в ряде древнерусских памятников (например, смоленских); 3) на основе сравнения с соответствующими звуками прочих славянских и родственных неславянских языков (старых и новых),

свистящие аффрикаты *д'з'* и *ц'*(*т'с'*); правда, наличие *д'з'* спорно: возможно, *д'з'* употреблялась диалектно — лишь в тех говорах, где не произошло упрощения *д'з'* > *з'* (см. с. 49—50); 7) непарные звонкие твердые, полумягкие или мягкие сонорные: плавный боковой *л*, плавный дрожащий *р* и носовой *н*.

3. Среднеязычный звук — непарный звонкий мягкий сонорный *j* (произносился при помощи средней части языка).

4. Заднеязычные звуки (произносились при помощи задней части языка): твердый звонкий *г*, твердый глухой взрывной *к*, твердый глухой невзрывной *х*. Вероятно, в одних говорах парными по звонкости — глухости были *г* — *к*, в других *г* — *х*: это зависело от звучания *г*. Можно думать, что в одних говорах он был взрывной (как совр. русск. литер. *г*) — и тогда находился в паре с *к*, а в других говорах произносился без взрыва (как *h* в нем. *Haus* или как *γ* в совр. юж.-русск. *γълáва* — 'голова') — и тогда составлял пару с *х*.

Звука *ф* первоначально в древнерусском языке не было (см. с. 76), так что в заимствованных иноязычных словах его приходилось заменять — обычно на *п*. Так, например, появились *постъ* из герм. *fastan* или *fasta* — 'воздержание', *парусъ* из греч. φάρος — 'парус', *халепа (халиф)* из арабск. *halifa* — 'наместник' и т. п.

В некоторых говорах обособлявшегося древнерусского языка (главным образом кривичских и словенских) не различались *ч* и *ц* и поэтому в произношении смешивались *коньчь* и *коньць* — 'конец', *цистъ* и *чистъ* — 'чист' и т. д.

Сонорные плавные *р* и *л* в раннем древнерусском языке могли выполнять роль гласных звуков и образовывать слоги.

Звонкое или глухое (т. е. с участием или без участия голосовых связок) произношение согласных в пору обособления древнерусского языка в общем было таким же, как и современное русское, однако всегда служило для различения смысла слов. Следовательно, звонкие и глухие согласные в раннем древнерусском языке были р а з н ы м и фонемами (тогда как в современном русском языке звонкие согласные оглушаются перед глухими и на конце слова, а глухие согласные озвончаются перед звонкими, так что разными фонемами — и средством смыслоразличения — являются не всегда). В древнерусских словах

пядь и *пять*, *рогъ* и *рокъ* и т. п. согласные *д* и *т*, *г* и *к* и т. п по звонкости — глухости различались, тогда как в современном литературном русском произношении *д* от *т* и *г* от *к* в парах *пядь — пять*, *рог — рок* и т. п. не отличаются, потому что звонкие *д* и *г* на конце слова становятся глухими *т* и *к*.

Раннедревнерусские твердые согласные произносились так же твердо, как и современные русские, но с лабиализацией (т. е. с некоторым округлением и вытягиванием губ), особенно перед гласными *о* и *у*. Об этом можно судить косвенно, на основании изучения некоторых фонетических процессов (см. § 8, 9) и потому, что лабиализованное произношение твердых согласных сохранялось в некоторых северных русских говорах до недавнего времени.

Мягкое произношение согласных в обособлявшемся древнерусском языке было таким же, как и современное русское (например, как *н'* в русск. *конь*), а полумягкое было средним между твердым и мягким (например, как *t* в нем. *Tisch*).

Следовательно, не каждый согласный раннедревнерусского языка мог из твердого превращаться в полумягкий или мягкий, не у каждого мягкого согласного был полумягкий или твердый звуковой коррелят (не отличающийся прочими артикуляциями). Всегда мягким был *j*. Простые и сложные шипящие, шипящие и свистящие аффрикаты также были всегда мягкими, потому что представляли собой результат смягчения тех или иных согласных перед *j* или в соседстве с гласными переднего ряда (см. § 7, 8). Такого же происхождения могли быть *р*, *л*, *н*, *с*, *з* (из *д'з'*), которые в этих случаях тоже произносились мягко (см. § 8). В других случаях *р*, *л*, *н*, *с*, *з* (не из *д'з'*), как и остальные согласные, кроме *г*, *к*, *х*, произносились полумягко перед гласными переднего ряда (см. с. 37, 54—55), твердо перед гласными непереднего ряда и согласными. Заднеязычные *г*, *к*, *х* никогда не употреблялись перед гласными переднего ряда, поэтому всегда были только твердыми (см. § 8, 9). Следует особо заметить, что *л* в сочетаниях *ел* и *ьл* между согласными был не твердым, а полумягким[1].

---

[1] См.: *Фортунатов Ф. Ф.* Избр. труды, т. 2. М., 1957, с. 78; *Шахматов А. А.* К истории звуков русского языка.— «Изв. АН. ОРЯС», 1902, т. 7, кн. 1, с. 287, 289, 293; *Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, с. 120, 150.

В раннем древнерусском языке противопоставление согласных звуков по твердости — полумягкости смыслоразличительной роли не играло (например, падежные формы *оса* и *осѣ* различались не твердостью — полумягкостью *с*, а окончаниями *-а* и *-ѣ*). Поэтому твердость и полумягкость были разными позиционными качествами одних и тех же согласных фонем.

Наоборот, противопоставление согласных по твердости (вместе с позиционной полумягкостью) — мягкости (при общности прочих артикуляций) в древнерусском языке с самого начала служило для различения смысла, так что мягкие и немягкие согласные были разными фонемами (см. с. 46—51). Правда, реально проявить свою фонематическую самостоятельность мягкие раннедревнерусские согласные могли не часто. Но в таких, например, парах слов, как *мора* (род. п. от *моръ*) и *мор'а* (род. п. от *море* из **morjom*), *полу* (род. п. от *полъ*) и *пол'у* (дат. п. от *поле* из **poljom*), *мьнѫ* (из **тьпот* — 'мну') и *мьн'ѫ* (из **тьпjom* — 'мню'), слова отличались единственно твердостью — мягкостью сонорного. Здесь фонематическая самостоятельность мягких согласных была вполне явной.

СТРУКТУРА СЛОГА

В начальный период истории древнерусского языка звуки в слоге располагались по принципу восходящей звучности — от наименее звучных в начале к наиболее звучным в конце. Поэтому в слоге звонкий согласный не мог предшествовать глухому, сонорный — шумному звонкому, гласный — согласному (например, *прославити* состояло из четырех слогов: *про-сла-ви-ти*). Это явление получило название закона восходящей звучности слога.

Поскольку гласный звук всегда в силу закона восходящей звучности слога стоял на конце слога, то, следовательно, всякий древнерусский слог был открытым и всякое слово оканчивалось гласным (ср.: *домъ*, *конь*, *село*, *дума*). Эта закономерность названа языковедами законом открытого слога. Исключение составляли некоторые слоги, состоявшие из одного сонорного плавного (например, *вь-р-хъ* — 'верх', *го-р-дъ* — 'город' из **gordъ*). Это объясняется тем, что плавные сонорные в начальный

период истории древнерусского языка были еще очень близки к гласным и в некоторых случаях могли исполнять их функцию.

Имела место тенденция к объединению в одном слоге звуков однородной или сходной артикуляции — так называемый закон внутрислогового сингармонизма, в силу которого после *j* и мягких согласных некоторые гласные непереднего ряда нельзя было произнести (например, звучало не *мojó* — 'моё', *лицó*, а *мoje*, *лицé*), твердые согласные перед *j* заменялись мягкими, а перед гласными переднего ряда или заменялись мягкими, или становились полумягкими (ср.: *крикъ* — *кричѧ*, *кричить*, *возъ* — *везеши*; см. § 6, 7).

ЧЕРЕДОВАНИЕ ЗВУКОВ

В древнерусском языке одна морфема могла в различных словах и формах одного и того же слова звучать поразному, т. е. выступать в разных вариантах, так как в морфемах могли чередоваться составляющие их звуки, как гласные, так и согласные. В одних случаях эти чередования были чисто фонетическими, в других стали уже фонетико-морфологическими (см. § 7, 8).

УДАРЕНИЕ

Первоначально ударение в древнерусском языке было и силовым, каким оно является в современных восточнославянских языках, и музыкальным: гласный под ударением произносился не только с большей силой, чем в неударном положении, но и высота его звучания изменялась[1]. Если звучание начиналось с низкой ноты, а затем тон повышался (снова несколько снижаясь лишь в самом конце), то возникало ударение, именуемое восходящим. Если же звучание начиналось с высокой ноты, а затем тон становился ниже (снова несколько повышаясь лишь в самом конце), то возникало ударение, именуемое нисходящим (см. с. 65).

[1] См.: *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, с. 126—148; *Булаховский Л. А.* Исторический комментарий к литературному русскому языку. Киев, 1958, с. 174—190; *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков, с. 142, 234—238.

Место ударения не было закреплено за каким-либо определенным (например, последним, предпоследним, первым) слогом (ср.: *прáвьди*, *стоя́ти*, *водá*). Оно было подвижным, т. е. могло перемещаться в зависимости от формы слова (ср.: *водá* — *вóдъ*).

§ 7. ОТРАЖЕНИЕ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА ФОНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ЕГО ПРЕДЫСТОРИИ

Многие свойства фонетической системы древнерусского языка были по происхождению не восточнославянскими, а сохранялись (и в значительной мере сохраняются даже в современных восточнославянских языках) с теми или иными изменениями от додревнерусских времен — как наследство индоевропейского и общеславянского праязыков.

ЧЕРЕДОВАНИЯ ФОНЕМ

В одних и тех же морфемах, использованных для образования разных слов или форм одного слова, в древнерусском языке нередко наблюдались те или иные несовпадения гласных или согласных, т. е. чередования, никак не мотивированные древнерусскими фонетическими процессами и сохранившиеся в речи от предшествующих языковых эпох. Наиболее важными из этих чередований были:

1) чередования гласных: *е — о (нести — носити)*, *ъ — о (гънати — гонити)*, *е — о — а (вести— водити — вадити)*, *о — а (могти — помагати)*, *ь — е — о (бьрати — береши — боръ)*, *ь — и — о (умьремъ — умираемъ — моръ)*, *ъ — о — ы (зъвати — зовъ — призывъ)*, *е — ѣ (плеть — съплѣтати)*, *ѧ — ѣ (сѧдеши — сѣлъ)*, *у — ы — ъ (духъ — въздыхати — задъхлыи)*, *ъ — ь* в суффиксе *(листъкъ — рожькъ)* и т. п.[1];

2) чередования согласных: *з — ж (грѧзъ — погрѧжати)*, *г — ж (гърло — жьрло)*, *д — с (ведеши — вести)*,

[1] Ср. подобное явление в других индоевропейских языках: греч. δέμω — ‘строю’ и δόμος — ‘дом’, лат. *tego* — ‘одеваю’ и *toga* — ‘одежда’, нем. *geben* — ‘давать’ и *Gabe* — ‘подарок’ и т. п.

к — ч (знакъ — значити), х — ш (ухо — уши), ј — ш (појьдеши — шьдъши) и др.;

3) чередования согласных с их пропуском, т. е. с нулем: *ведеши — велъ* (чередование *д* — нуль), *чюдо — чюдеса*, (нуль — *с*), *двигати — двинѫти* (*г* — нуль), *погыбати — съгынѫти* (*б* — нуль) и др.;

4) чередование гласного *и* (перед согласным) с нулем (перед гласным): *возити — вожѫ, ходити — хоженъ* и т. п.;

5) чередования гласных (перед согласными или на конце слова) с сочетаниями «гласный + согласный» (перед гласными): *ѣ — ој (побѣда — бојьць), и — ој — ьј*[1] *(пити — појити — пьјеши), у — ов (кујеши — ковати), ю — ев (плюјеши — плевати), у — ав (плути — плавати), ы — ъв (свекры — свекръвь), ѧ — ин (проклѧти — проклинати), ѫ — он (звѫкъ — звонъ)* и др.

В древнерусском языке из числа фонетически не мотивированных чередований гласных некоторые (например, *о—е*) без существенных изменений сохранились от праиндоевропейских времен, а другие возникли в результате преобразования и развития праиндоевропейских в дославянское и праславянское время (см. § 7). Эти чередования гласных, по-видимому, надо объяснять какими-то (до сих пор недостаточно выясненными) праиндоевропейскими фонетическими законами, которые со временем оказались забытыми. Поэтому фонетически не мотивированные чередования гласных еще в индоевропейском языке начали использоваться как средство словообразования и формообразования[2]. Эта функция чередования гласных сохранялась и в древнерусском языке. Вот некоторые наиболее характерные случаи:

1) когда гласный непереднего ряда *о* чередовался с гласными переднего ряда *е, и, ь*, то часто *о* являлся признаком корня существительного, тогда как гласный переднего ряда — признаком глагольного варианта корня *(боръ*

[1] Здесь *ьј* равнозначно *иј*, так как гласный *и* перед *ј* редуцировался в *ь* высокого подъема.

[2] Некоторые ученые считают, что чередования гласных в индоевропейском праязыке изначально были морфологическим средством. Но большинство лингвистов иного мнения: древнейшие чередования гласных у праиндоевропейцев вызывались тоном и перемещением ударения или же воздействием согласных (ср.: *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка, с. 169—171; *Андреев Н. Д.* Периодизация истории индоевропейского праязыка.— «Вопросы языкознания», 1957, № 2).

при *береть — бьрати*, *возъ* при *везти*, *воля* при *велиши*, *възоръ* при *възирати — зьрѣти*, *запоръ* при *запереmи — запьреши*, *ноша* при *нести*, *помолъ* при *мелеть*, *столъ* при *стьлати — стелеши* и т. д);

2) когда гласный *у* (из *ой*) чередовался с гласным *ы*, то обычно *у* являлся признаком корня существительного или прилагательного, а *ы* — признаком глагольного варианта корня (*духъ* при *дышати*, *слухъ* при *слышати*, *сухъ* или *суша* при *высыхати* и т. п.);

3) когда в глагольных корнях долгий по происхождению гласный чередовался с кратким или сверхкратким, редуцированным (*а — о*, *ѣ — е*, *и — ь*, *ы — ъ*), то глагол с долгим по происхождению корневым гласным обозначал длительное или повторяющееся действие или состояние, тогда как глагол с кратким или сверхкратким гласным обычно обозначал действие или состояние конкретной (ограниченной) длительности или мгновенное действие [*съдагати* при *съложити*, *запираеть* при *запьреть*, *събиралъ* при *събьралъ*, *умираемъ* при *умьремъ*, *съгыбати* при *съгънѫти* (из **sŭngŭbnontei*), *сърывати* при *сързати* и др.].

Все прочие типы унаследованных древнерусским языком чередований возникли во время распада праиндоевропейского языкового единства и в праславянский период и были обусловлены действием законоз восходящей звучности, открытости, сингармонизма и палатализации слога (см. § 7).

ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ В ПОЗИЦИЯХ, УНАСЛЕДОВАННЫХ ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАЯЗЫКА

Из индоевропейского праязыка праславяне унаследовали пять пар простых гласных: краткие *ă*, *ŏ*, *ĕ*, *ĭ*, *ŭ* и их долгие корреляты (соответствия) *ā*, *ō*, *ē*, *ī*, *ū*[1]. При этом раз-

[1] О наличии этих пяти пар гласных в позднем праиндоевропейском языке свидетельствуют данные сопоставления разных языков индоевропейского происхождения, в частности санскрита, авесты, латинского, греческого, старославянского, древнерусского и литовского. В праиндоевропейском были еще две редуцированные фонемы в системе гласных — *ə* и *α*: первая чередовалась с долгими, а вторая с краткими *а*, *о*, *е*. Но обе они в некоторых позициях исчезли еще до обособления праславянского языка, а в остальных позициях перешли в него уже без редукции: *ə* в виде *ă* > *ŏ*, а *α* в виде *ŭ* или *ĭ*.

личия между гласными по долготе, во-первых, использовались для смыслоразличения[1], а во-вторых, давали чередования в составе одной и той же морфемы[2]. Кроме того, краткие *ŭ* и *ĭ*, в отличие от остальных гласных, функционально уподоблялись согласным, когда объединялись в дифтонги с предшествующими гласными или когда примыкали, не образуя своего слога, к следовавшим за ними гласным. Однако со временем эта праславянская система претерпела изменения, так как многие из гласных стали произноситься иначе:

1) долгий *ō* стал гласным нижнего подъема и совпал с долгим *ā*, а краткий *ă* стал гласным среднего подъема и совпал с кратким *ŏ* (ср.: *даръ* при греч. δῶρον и лат. *dōnum* — 'дар', *соль* при лат. *săl* — 'соль', *орати* при лат. *ărāre* — 'пахать');

2) краткий *ŏ* в функции тематического гласного на конце основ склоняемых слов среднего рода сохранился, а у слов мужского рода превратился в *ŭ* > ъ (ср.: *новъ* при греч. νέος — 'новый', *ново* при греч. νέον — 'новое');

3) краткий *ĕ* в большинстве позиций сохранился, а долгий *ē* превратился в ѣ — в одних праславянских диалектах открытый, а в других закрытый (ср.: *везѫ* при лат. *vĕho* — 'везу', *небо* при лат. *nĕbŭla* — 'облако', *вѣра* при лат. *vērum* — 'истина', *сѣмена* при лат. *sēmĕn* — 'семя', *сѣсти* при лат. *sēdo* — 'отдыхаю');

4) однако краткий *ĕ* не сохранился перед *ĭ* следующего слога, а также в составе дифтонга *еŭ* перед гласным непереднего ряда следующего слога; в первом случае получилось *ĕĭ* > *ĭĭ* > *ьj*, а во втором — *еŭ* > *оŭ* [ср.: *трье* (в написании также *трие*) < **treje-* при греч. τρεῖς < *τρεες и лат. *trēs* < **trees* — 'три', *слово* < **sleŭos* при греч. κλέος — 'слово' *новъ* < **neŭos* при греч. νέος — 'новый'];

5) долгий *ū* превратился в более передний *ы*, а краткий *ŭ* не перед гласным — в ъ, а перед гласным — в *в*; в связи с этим сочетание *ŭŭ* (из более раннего *ū*) превра-

---

[1] Подобно тому, как это сохранялось в латинском языке: *mālum* — 'яблоко' и *mălum* — 'зло', *ōs* — 'рот' и *ŏs* — 'кость', *mūtĭlus* — 'морская раковина' и *mŭtĭlus* — 'поврежденный', *lēvo* — 'глажу' и *lĕvo* — 'веселю'.

[2] Подобно тому, как было в латинском языке: *domŭs* — 'дом' и *domūs* — 'домá' *lăvo* — 'мою' и *lāvi* — 'я вымыл', *pendĕre* — 'вешать' и *pendēre* — 'висеть' и т. п.

тилось в _ъв_ (ср.: _мытъ_ < _*mūtos_ — 'мзда' при лат. _mūto_ — 'меняю', _пыль_ < _*pūl-_ при лат. _pūlvis_ — 'порошок', _ты_ < _*tū_ при лат. _tū_ — 'ты', _дъчи_ < _*dŭkt-_ при литовск. _dukte_ — 'дочь' и тадж. _духт_ — 'дочь', _вода_ < _*ŭoda_ при др.-инд. _uda_ — 'вода' и _ōdman_ — 'поток', _медвѣдь_ < _*medŭēdis_ при др.-русск. _медъ_ < _*medŭs_ и _ѣдь_ < _*ēdis_ и при литовск. _medùs_ — 'мед' и _ēdis_ — 'еда', _мьртвъ_ < _*mĭrtŭŭs_ при лат. _mortŭŭs_ — 'мертвый', _свекровь_ < _*sŭekrŭŭ-_ < _*sŭekrū-_ при лат. _socrūs_ — 'свекровь');

6) долгий _ī_ не перед гласным сохранился, а краткий _ĭ_ в этой позиции стал сверхкратким и более открытым _ь_, тогда как _ī_ и _ĭ_ перед гласными превратились в _j_; в связи с этим и сочетание _ĭĭ_ (из более раннего _ī_) превратилось в _ьj_ (ср.: _витати_ при лат. _vīta_ — 'жизнь', _пьстъ_ при лат. _pĭsto_ — 'толку', _межа_ < _* medja_ < _*medĭa_ при лат. _medĭa_ — 'средняя', _блюдо_ < _*bjeŭd-_ < _*bĭeŭd-_ при готск. _biudan_ — 'предлагать', др.-русск. _юнъ_ < _*ĭeun-_ при лат. _ĭuvencus_ < _ĭŭŭencus_ — 'молодой', _лежѫ_ < _*legjom_ < _*legīom_ при др.-русск. _лежиши_, _бьѥнъ_ = _бьjенъ_ < _*bĭjen-_ < _*bĭīen-_ при др.-русск. _бити_);

7) целый ряд изменений претерпели гласные в составе дифтонгов (см. с. 44—45).

По этим причинам в древнерусской фонетической системе противопоставление гласных звуков по долготе уже отсутствовало и осталось лишь в виде качественных чередований: 1) _о_ — _а_ вместо _ŏ_ — _ō_ и _ă_ — _ā_ (_голый_ — _прогалина_, _морити_ — _марити_, _положити_ — _полагати_, _точити_ — _тачати_ и др.); 2) _ъ_ в окончаниях слов мужского рода — _о_ в окончаниях слов среднего рода в именительном и винительном падежах единственного числа в таких случаях, как _столъ_ — _село_, _онъ_ — _оно_, _малъ_ — _мало_ и т. п.; 3) _е_ — _ѣ_ вместо _ĕ_ — _ē_ (_грести_ — _погрѣбати_, _речеши_ — _рѣчь_ и др.); 4) _ев_ перед гласным переднего — _ов_ перед гласным непереднего ряда (_невѣста_[1]— _новая_); 5) _ѣj_ — _ьj_ на месте _ēĭ_ — _ĕĭ_ перед гласными (_рѣjеши_ — _рьjанъ_ и др.); 6) _ь_ — _и_(_ī_) вместо _ĭ_ — _ī_ (_пьхати_ — _пихати_, _чьтити_ — _читати_ и др.); 7) _ъ_ — _ы_ вместо _ŭ_ — _ū_ (_дъхнѫти_ — _ды-_

[1] Слово _невѣста_, скорее всего, из _*neŭē_ + _ŭĕd_ + _t_ + _a_ или же из _*neŭē_ + _ŭēd_ + _t_ + _a_. То и другое могло дать _невѣста_ с выпадением сочетания _ŭĕ_ или _ŭē_ и со значением 'внове (только что) приведенная' или 'внове (только что) узнанная'. Однако некоторые ученые в начале этого слова видят отрицание _не_.

шати, ръвати — сърывати и др.); 8) *и* (*ī*) — *ьj* на месте *ī* (*бити — бьjенъ, пити — пьjанъ* и др.); 9) *ы* — *ъв* на месте *ū* (*забыти — забъвенъ, мъркы — мъркъвь* и др.); 10) *и* (*ī*) — нуль на месте *ī* (*просити — прошенъ* < **prosīen-* и др.); 11) чередования, вызванные монофтонгизацией и распадением дифтонгов (см. с. 44—45).

Следует заметить, что указанные изменения *ĭ* и *ī* в *j*, *ī* в *ьj* (через стадию *ĭĭ*), *ŭ* в *в* и *ū* в *ъв* (через стадию *ŭŭ*) перед гласными были различными проявлениями развивавшегося закона восходящей звучности слога, так как, устраняя стечения двух или более гласных, делали согласным и, значит, менее звучным начало любого из тех слогов, которые до этого не имели согласного перед гласным[1].

СЛЕДСТВИЯ, ВЫЗВАННЫЕ ЗАКОНОМ ОТКРЫТОГО СЛОГА

Закон открытого слога возник еще в общеславянском праязыке. Он вызвал изменения во всех до того существовавших словах с закрытыми слогами (т. е. оканчивавшихся согласным звуком). Эти слоги тем или иным способом стали преобразовываться в открытые, многие из таких преобразований завершились еще до обособления древнерусского языка:

1. Если закрытый слог был на конце слова, то его конечный согласный исчезал. Однако он сохранялся в других формах слова, где оказывался перед гласным, потому что в таких случаях отходил к слогу с этим гласным. Следы этих изменений сохранялись в древнерусском языке в виде чередований согласного с нулем звука на конце основ соответствующих слов (*мати* из **mater- — матере*, *небо* из **nebos- — небеса*, *око* из **okos- — очеса*, *теля* из **telьnt- — телята* и др.).

2. Если закрытый слог был не в конце слова, то заканчивавший его согласный перед согласным следующего слога или исчезал, или, отходя к следующему слогу, претерпевал те или иные изменения. Это привело к упрощению или изменению групп согласных в середине слова:

1) сочетания *dt* и *tt* превращались в *st* из-за трудности произношения подряд двух взрывных согласных и в соответствии с требованиями закона восходящей звучности

[1] Для этого же служат и протетические согласные (см. с. 33).

слога [*брести* из **bredtei* (ср. совр. русск. *бреду*), *мести* из **mettei* (ср. совр. русск. *мету*) и др.];

2) сочетания *dl* и *tl* упрощались в *л* [*брела* из **bredla* (ср. *бредеши*), *чьла* из **čьtla* (ср. *чьтити*) и др.]; в псковских говорах на месте *dl* в некоторых случаях получалось *гл*, а на месте *tl* — *кл* [*привегла* из **privedla* (ср. *ведемъ*), *чькла* из **čьtla* (ср. *чьтити*) и др.];

3) сочетания *bn*, *pn*, *gn*, *dn* упрощались в *н* [*съгынѫ* из **sūngūbnom* (ср. *погыбати*), *канѫти* из **kapnontei* (ср. *капати*), *двинѫти* из **dvignontei* (ср. *двигати*), *прѧнѫти* из **prendnontei* (ср. совр. русск. *прядать*) и др.];

4) сочетания *ts*, *ds* упрощались в *s* [*число* из **čitslom* (ср.: *съчитати*), *русъ* из **roudsъs* (ср.: *руда*, лат. *raudus* — 'медь') и др.];

5) сочетание *bv* упрощалось в *б* [*обитати* из **obvitatei* (ср. *витати*) и др.].

3. Дифтонги (т. е. сочетания двух гласных, образующих один слог) *eĭ*, *oĭ*, *aĭ*, *eй*, *aй*, *oй* и дифтонгические сочетания гласных с последующими носовыми сонорными *n* и *m* монофтонгизировались, превратившись в обычные гласные:

1) дифтонги *oĭ* и *aĭ* перед слогом, начинавшимся с согласного, и на конце слова превращались в *ѣ*, на конце слова могли дать также *и*, а перед гласным распадались на части, так что неслоговой *ĭ* отходил к этому гласному и изменялся в *j*; поэтому древнерусскому языку были свойственны чередования *oj* и *aj* с *ѣ* внутри слова [*стojamu*— *стѣна*, *кajamu* — *цѣна*, *краи* (из **krajь*) — *крѣнъ* и др.];

2) дифтонги *ēĭ* и *ĕĭ* > *ĭĭ* в аналогичных случаях превращались в *ī* или распадались, так что неслоговой *ĭ* преобразовывался в *j*; поэтому в древнерусском языке чередовались *ѣj* — *ī* и *ĭj* — *ī* (*сѣюти* — *сито*, *виѭ* — *вити* и др.[1]);

---

[1] Сочетание *uj* в *виѭ* на месте *ĕj* > *ĭĭ* > *ьj* получилось потому, что *ь* перед *j* ассимилятивно стал произноситься с более высоким подъемом языка (см.: *Селищев А. М.* Старославянский язык, ч. 1, с. 125, 134, 159; *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков, с. 194). Что корень глагола *виѭ* восходит к **ŭĕĭ-*, т. е. имеет *i* из *ĕ*, ясно из сопоставления с другим вариантом этого же корня — в глаголе *вѣѭ* (*вѣj-* < **ŭēĭ-*). Когда-то вариант **ŭĕĭ-* с кратким *ĕ* выражал конкретность, а вариант **ŭēĭ-* с долгим *ē* — неконкретность действия ('вить — веять').

3) дифтонги *ай* и *ой* перед согласным давали *у*, а перед гласным распадались на *а* или *о* и неслоговое *ў*, превращавшееся в *в*; на месте дифтонга *ей* соответственно получалось *ю* или *ев*; в древнерусском языке это отразилось в чередованиях *ав — у*, *ов — у* и *ев — ю* (*слово — славити — слухъ*, *совати — сунути*, *клевати — клюнути* и др.);

4) дифтонгические сочетания гласных переднего ряда с *n* или *m* на конце слова и перед согласными давали носовой гласный *ѧ*, а дифтонгические сочетания гласных непереднего ряда с *n* или *m* в этих случаях давали *ѫ*; перед гласными *n* и *m* в указанных сочетаниях отходили к следующему слогу; поэтому в древнерусском языке чередовались *ѧ* или *ѫ* — сочетание гласного с *м* или *н* (*сънѧти — сънимеши*, *имѧ — имене*, *рѫка — уронити*, *мѧти — мьнеши*, *звѫкъ — звонъ* и др.); здесь следует заметить, что наличие в древнерусской звуковой системе *ѫ* и *ѧ* было обусловлено именно монофтонгизацией дифтонгических сочетаний гласных с последующими *n* или *m*.

4. В дифтонгических сочетаниях гласных *о*, *е*, *ъ*, *ь* с последующими плавными *r*, *l* перед согласными под воздействием закона открытого слога *r* и *l* приобрели ранее утраченную способность быть слогообразующими, т. е. выполнять функции гласных звуков[1]. Однако постепенно свойства гласных у *r* и *l* в этих положениях стали опять исчезать и повлекли к изменению звучания соответствующих слов (см. § 8, 9). Причем изменения дифтонгических сочетаний *or* и *ol* в начале слова[2] перед согласным завер-

---

[1] В ряде положений диалекты, обособившиеся в чешский, словацкий и сербский языки, сохраняют слоговые плавные до сих пор [ср.: чешск. *vlna* — 'волна', *mrtvy* — 'мертвый' и сербск. *ву̏на* — 'волна' (в значении 'шерсть'), *мр̏твац* — 'мертвец']. В подобных случаях у чехов плавные *r* и *l*, а у сербов *р* и *у* (развившееся из *л*) выполняют роль слогообразующих гласных.

[2] Дифтонгических сочетаний *er*, *el* в начале слова не было, так как перед начальным *е* появлялся протетический согласный. Может быть, встречались лишь отдельные исключения. Например, есть попытки увидеть изменение начальных *el* и *er* в *ле* и *ре* в словах *лебедь*, *лебеда*, *ремень*. Но *ле* и *ре* в этих словах допускают и иное объяснение (см.: *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1958, с. 478—479, 916—917; *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков, с. 216, 225; *Шанский Н. М.*, *Иванов В. В.*, *Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, с. 179, 286; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973, т. 2, с. 469—471; т. 3, с. 468).

шились до обособления древнерусского языка, хотя уже и после распада общеславянского. Об этом говорят результаты изменений: они оказались одинаковыми у предков восточных и западных, но несколько иными у предков южных славян. Перестановка элементов в сочетаниях *or* и *ol* произошла у всех славян — выдвинулся в начало плавный, что стало обеспечивать и восходящую звучность и открытость начального слога соответствующих слов. Но у предков южных славян краткий гласный $\breve{o}$, оказавшийся после перестановки на втором месте, во всех случаях сделался долгим гласным $\bar{a}$, тогда как у предков восточных и западных славян эта замена произошла лишь под восходящим ударением. Например, из **ordlo*, **olnь*, **olkъtь*, **orbota* в древнерусском получилось *рало*, *лань*, *локъть*, *робота*, в польском — *radło*, *łania*, *łokieć*, *robota*, в старославянском — *рало*, *лань*, *лакъть*, *работа*[1].

СЛЕДСТВИЯ СМЯГЧЕНИЯ СОГЛАСНЫХ

Система согласных в праиндоевропейский период предыстории древнерусского языка не имела шипящих, мягких сонорных и других мягких согласных фонем, если не считать, что как-то (возможно, некоторой смягченностью) отличались не имевшие лабиализации *g'h*, *g'* и *k'* от обладавших лабиализацией g^wh, g^w и k^w[2]. Однако задолго до языкового обособления восточных славян и даже прасла-

---

[1] Польский язык относится к западнославянским языкам а старославянский — к южнославянским. О том, что когда-то в начале указанных славянских слов были сочетания «*о* + плавный» (а не наоборот), свидетельствует состояние тех же слов в других индоевропейских языках [ср.: латышск. *arkls* — 'соха' и *alnis* — 'лось', литовск. *alkune* — 'локоть', нем. *Arbeit* — 'работа' (здесь неславянский начальный *а* краткий, т. е. соответствует славянскому *о*)]. Остальные процессы, вызванные действием закона открытого слога, завершились, надо думать, еще в общеславянский период, так как дали общие результаты во всех славянских языках и, следовательно, по языку объединяли их, а не разъединяли.

Не только изменения начальных *or* и *ol* перед согласным, но и некоторые иные явления начала слова, свойственные древнерусскому языку, развились еще до его обособления и оказались одинаковыми у всех или у большей части славян. Таковы, в частности, протетические (приставные) согласные *j* и *в* перед некоторыми гласными.

[2] Здесь знак ^{w} означает наличие лабиализации, а знак ' — ее отсутствие (т. е. не обязательно мягкость), *h* — показатель невзрывного образования *g*. К сказанному о согласных праиндо-

вян в ряде праиндоевропейских диалектов возникла тенденция к смягчению (иначе — к палатализации) согласных. У праславян она проявлялась очень активно и привела к возникновению целого ряда мягких согласных фонем и, в частности, обусловила наличие их в тех диалектах, из которых сформировался древнерусский язык. Смягчение согласных до обособления древнерусского языка вызывалось чаще всего воздействием *j* и гласных переднего ряда, стремлением к внутрислоговому сингармонизму звуков, иногда межслоговым взаимодействием, но в ряде случаев и положений было обусловлено и иными, недостаточно выясненными обстоятельствами.

Самым ранним проявлением тенденции к палатализации согласных было изменение праиндоевропейских нелабиализованных *g'h*, *g'* и *k'* в свистящие в славяно-балтийских, армянских, албанских и индо-иранских (т. е. в восточных) диалектах распадавшегося индоевропейского праязыка. В речи праславян *g'h* и *g'* превратились в *z*, а *k'* — в *s* (ср.: *зьрно* < **g'rn-* при нем. *Korn* и лат. *granum* — 'зерно', *везти* < **ŭeg'h-* при нем. *wigen* — 'колыхать' и лат. *veho* — 'везу', *сьрдьце* < **k'rd-* при нем. *Herz* и лат. *cors* — *cordis* — 'сердце', *слово* < **k'leŭos* при греч. κλεος — 'слава'). Долго, даже и в праславянское время, *z* и *s*, возникшие из *g'h*, *g'* и *k'*, отличались от исконных *z* и *s*, как предполагается, мягкостью, однако в древнерусский язык они перешли уже твердыми. В древнерусском языке чередования *з* — *с* с *г* — *к* (или с заменами *г* и *к* на мягкие шипящие или на мягкие свистящие были отражением процесса *g'h* > *z*, *g'* > *z* и *k'* > *s*, так как в праиндоевропейском языке были чередования *g'h* — $g^{w}h$, *g'* — g^{w} и *k'*—k^{w} и так как у восточных славян лабиализованные $g^{w}h$, g^{w} и k^{w} в одних позициях сохранялись в виде твердых *г* и *к*, в других оказывались мягкими шипящими или мягкими свистящими (ср.: *зьрно* < **g'rn-* при *жьрновъ* < *$g^{w}rn$- и *гърнъ* < *$g^{w}rn$-, *съсати*[1] < **sŭk'-* при *сокъ* < *sok^{w}- и производном

европейского языка можно добавить, что в нем звук *z* был позиционным вариантом *s* перед звонким взрывным согласным, а сонорные *r*, *l*, *n*, *m* не входили в систему согласных, так как в зависимости от позиции выполняли функцию то гласного, то согласного. Однако эти свойства в речи праславян после их окончательного выделения из балто-славянского комплекса праиндоевропейских племен уже отсутствовали.

[1] На *съсати* < **sŭk'-* указывают нем. *saugen* — 'сосать' и лат. *sucus* — 'сок', *sugo* — 'сосу' и *suco* — 'сосущий'.

сочити). Однако подобных чередований было немного, и осознавались они, видимо, уже слабо.

Следующим проявлением палатализации согласных было изменение исконного индоевропейского твердого *s* в *ch* после *ĭ*, *ŭ*, *r*, *k* не перед *t*, *p*, *k*, сходное с индо-иранским, армянским и балтийским изменением *s*, но протекавшим несколько иначе и давшим смягчение *s* > *š* (ср.: *пьхати* при лат. *pĭsto* — 'толку', *мѣхъ* при др.-герм. *maisa* — 'мешок', *мъхъ* при лат. *muscus* — 'мох', *пърхати* при латышск. *pērsla* — 'снежинка'). В результате, в праславянском языке возникли и в древнерусском сохранялись чередования *х* — *с*, так как *s* не переходил в *ch* перед *t*, *p*, *k* (*пъхати* и *пьстъ*, *затухати* и *тусклыи*, *вьрхъ* и *вьрста*, *пьрхати* и *пърскати* и др.). Указанные славянские изменения *s* > *ch*, во-первых, не затронули *s* из *k*'[1], а во-вторых, заставляют предполагать промежуточный результат *s* > *š*', т. е. смягчение. Но вероятно, интенсивность процесса превращала мягкий *š*' в твердый *ch*, т. е. как бы по инерции переносила артикуляцию *š*' из палатальной зоны в заднеязычную. Надо полагать, что так получалось из-за необычности для славян звука *š*'. А отсюда следует, что описанное изменение *s* > *ch* у праславян происходило раньше изменения *ch* > *š*' перед *j* и гласными переднего ряда.

После того как в праславянском языке появился *j* — самый мягкий (т. е. самый палатальный) из всех звуков, он стал на предшествовавшие ему передне- и заднеязычные согласные оказывать ассимилирующее воздействие, т. е. смягчать их. Это вызвало следующие изменения, сохранявшиеся в древнерусском языке: 1) сонорные *r*, *l*, *n* перед *j* становились мягкими, причем *j* сливался с ними и исчезал (*море* < **morjom*, *доля* < **dolja*, *конь* < **konjos* и др.); 2) звуки *s*, *z*, *g*, *k*, *ch* перед *j* превращались в шипящие, что в древнерусском языке отразилось в чередованиях *с* — *ш*', *з* — *ж*', *г* — *ж*', *к* — *ч*', *х* — *ш*' (*носити* — *ноша* из **nosja*, *грызти* — *грыжа* из **grūzja*, *слуга* — *служѫ* из **slougjom*, *сокъ* — *сочѫ* из **sokjom*, *духъ* — *душа* из **doŭchja* и др.). Группы *zg* и *sk*, содержащие *g* и *k*, смягчаясь перед *j*, давали (в силу ассимиляции) не простые мягкие шипящие, а сложные, поэтому в древнерусском языке существовали чередования *зг* — *ж'д'ж'*, *ск* —

[1] Значит, *s* < *k*' все еще отличался от исконного *s*.

ш'ч' (*ш'т'ш'*) [*брызгати — брыжджѭ* из **brūzgjom*, *искати — ишчѫ* (откуда *ищу*) из **jīskjom* и др.].

Результатом смягчающего воздействия *j* на предшествующие губные *p*, *b*, *v*, *m* было появление после них у праславян эпентетического (т. е. вставного) *l*, сливавшегося с *j* и, следовательно, смягчавшегося. В начале слова так получилось у всех славян, а не в начале слова — у предков южных и восточных славян. В древнерусском языке это отразилось в следующих чередованиях: *п — пл'*, *б — бл'*, *в — вл'*, *м — мл'* (*капати — капля* из **kapja*, *грабити — граблѭ* из **grabjom*, *земьныи — земля* из **zemja*, *кровъ — кровля* из **krovja* и др.). Это же дало в древнерусском языке такие слова, как *плюѭ* (ср. литовск. *spiauju*), *блюдо* (ср. готск. *biuds*) и др.

Аналогично *j* и более или менее синхронно с ним на заднеязычные *g*, *k*, *ch* в праславянском языке стали влиять следовавшие за ними гласные переднего ряда и дали те же результаты, что и воздействие *j* — превращение заднеязычных согласных в шипящие. В древнерусском языке это отражалось в чередованиях *г — ж'*, *к — ч'*, *х — ш'* (*рогъ — рожькъ* из **rogĭkos*, *сокъ — сочити* из **sokītei*, *тихо — тишина* из **teichīna*, *ухо — уши* из **ouchei*- и др.). Следует добавить, что *g* с предшествующим свистящим *z* и *k* с предшествующим свистящим *s*, смягчаясь перед гласными переднего ряда, давали сложные мягкие шипящие, поэтому в древнерусском языке чередовались *зг — ж'д'ж'*, *ск — ш'ч'* (*ш'т'ш'*) [*визгъ — вижджить* из **vīzgītī*, *пискъ — пишчить* (откуда потом *пищит*) из **pīskītī* и др.].

Переход *g*, *k*, *ch* в шипящие перед *j* и перед гласными переднего ряда принято называть первым славянским смягчением заднеязычных. Оно проходило тогда, когда дифтонги *ai* и *oi* еще не превратились в *ѣ* или *и*.

С появлением *ѣ* и *и* стоящие перед ними заднеязычные *g*, *k*, *ch*, смягчаясь, стали у праславян превращаться в свистящие, что в древнерусском языке отразилось в чередованиях *г — з'* (диалектно *д'з'*, где эта аффриката еще не упростилась в *з'*)[1], *к — ц'*, *х — с'* (*лугъ — лузи* из **lougoi*, *каяти — цѣна* из **kaina*, *духъ — дуси* из **douchoi* и др.).

[1] О наличии аффрикаты *д'з'* этого происхождения в тех или иных древнерусских говорах можно говорить лишь предположительно; в живых говорах восточных славян она не сохранилась.

В речи предков восточных и южных славян смягчающее воздействие ѣ сказалось даже в группах *gv* и *kv*, т. е. когда *g* и *k* были отделены от последующего ѣ согласным *v*. В древнерусском языке это нашло отражение в словах *звѣзда*, *цвѣтъ*. У предков западных славян группы *gv* и *kv* в указанных случаях сохранили свои заднеязычные согласные (ср.: польск. *gwiazda* и *kwiat*, чешск. *hvězda* и *květ*). Это, как полагают, наиболее раннее из известных науке проявлений распада общеславянского языкового единства, а вместе с тем и наиболее раннее отражение этнического обособления двух групп праславян.

Смягчение заднеязычных перед ѣ и *и* дифтонгического происхождения называют **вторым славянским смягчением заднеязычных**.

Иногда не отделяют от него, а иногда выделяют как третье славянское смягчение заднеязычных изменение их в свистящие после гласных переднего ряда *ѧ*, *и*, *ь* и после *ьр*[1]. В древнерусском языке оно также отразилось в чередованиях *г — з'* (диалектно *д'з'*, где не произошло упрощения *д'з'* > *з'*), *к — ц'* (*льгъкъ — польза* из **polьga*, *мѫченикъ — мѫченица* из **mǫčenika*, *мьркнѫти — мьрцати* из **mьrkatei* и др.). Чередование *х — с'* у славян не развилось, но об изменении *ch* > *s'* по третьему смягчению заднеязычных свидетельствует возникновение *вьсе* из *вьхо* (*vьcho*), которое как архаизм встречается в разных формах в значении 'весь' в некоторых древнерусских текстах[2].

Условия смягчения заднеязычных после *ѧ*, *ь*, *и*, *ьр* недостаточно выяснены. Не было смягчения в положении *г*, *к*, *х* перед согласными и, вероятно, перед *ы* и *ъ* (*мьгла*, *стѧгъ*, *кънѧгыни* и др.). Не произошло его иногда и в тех случаях, когда оно, казалось бы, должно было произойти (ср.: *чьрника*, *брусника*, *земляника*, *повилика* при совр. диал. *черница*, *брусница*, *земляница*, *повилица*). Но иногда смягчение встречается там, где ему не полагалось бы быть (ср. *отьць* из **otьkъ*)[3].

---

[1] О все еще спорной относительной хронологии этого смягчения см.: *Мейе А*. Общеславянский язык, с. 432.

[2] Такие написания есть, в частности, в Синодальном списке Новгородской I летописи и во Вкладной грамоте Варлаама Хутынскому монастырю (*вьха*, *вьху* наряду с *вси*, *вьсю*). Но это, конечно, не чередования, а сосуществование архаизмов с обычными формами того времени.

[3] Не из **olьkь*, так как это дало бы *отьчь* и затем *отеч*, но не *отец* (см. с. 49, 68).

Следовательно, наличие в древнерусской фонетической системе мягких согласных первоначально было обусловлено процессами смягчения согласных додревнерусского периода. На первых порах возникшие и сохранявшиеся в языке праславян мягкие согласные представляли собой лишь новые позиционные варианты уже существовавших согласных фонем (так как слышались лишь перед *j* или в соседстве с гласными переднего ряда). Но со временем (прежде всего с исчезновением *j*, смягчившим согласные, а затем с переходом *ѣ* в *а* после шипящих) все изменилось. Еще у праславян мягкие согласные стали приобретать фонематическую самостоятельность[1]. Так, например, мягкий шипящий *š'* в **dousa* — 'душа', возникший из *chj* (ср. *духъ*), после утраты *j* оказался перед несмягчающим *а* и, значит, стал немотивированным, потому что не зависел от *а*.

Правда, свою самостоятельность мягкие согласные в языке праславян не всегда могли проявлять активно, так как часто служили для различения смысла лишь в сочетании с иными звуками. Например, формы родительного падежа множественного числа **kozъ* — '*коз*' и **kožь* — 'кож' отличались не только твердым *z* и мягким *ž'* (возникшим из *zj*), но и гласными *ъ* и *ь*. Однако встречались и иные положения; так, в паре **kъnęzь* — 'князь' и **kъnęžь* — 'княжь' смыслоразличающими были только мягкие *z'* (из *g*) и *ž'* (из *zj* или *gj*). Особенно четко в праславянском языке проявилась фонематическая самостоятельность мягких сонорных *r*, *l*, *n*.

СЛЕДСТВИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ НА ГЛАСНЫЕ

Возникновение в праславянской языковой системе множества мягких согласных отразилось на употреблении после них некоторых гласных:

1) звуки *ū* и *ŭ* > *ъ* стали в этих позициях заменяться на *ī* и *ĭ* > *ь* [ср.: *шило* < **sjūdlo-* при др.-в.-нем. *siula* — 'шило', *шьвъ* < **sjŭv-* при литовск. *sjūti* — 'шить', слова типа *конь* с *-ь* < *-jŭs* < *-jos* при греческих словах на -ιος

[1] См.: *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков, с. 166—176.

(ἅγιος — 'святой' и др.) и латинских на *-ius* (*patricius* — 'патриций' и др.)];

2) звук *о* стал замещаться на *е* (ср.: *море* < **morjom* при греческих словах на -ιον (ἅγιον — 'святилище' и др.), *лице* < **lĭko-* при ирландск. *lecco* — 'щека' и др.-русск. *ликъ*);

3) звук *ѣ* стал вытесняться звуком *а* после *j*, *ž*, *š*, *č* [ср.: *ꙗства* при *ѣда*, *печаль* при *свирѣль*, инфинитивы на *-ати* после указанных мягких согласных (*стоꙗти*, *дръжати*, *лежати*, *слышати*, *мѣшати*, *мълчати* и др.) при инфинитивах на *-ѣти* после иных звуков (*велѣти*, *видѣти*, *горѣти*, *пълнѣти*, *сѣдѣти*, *умѣти* и др.); ср. также древнерусские инфинитивы на *-ати* и на *-ѣти* с латинскими на *-ēre* (*legere* — 'класть, сложить', *miscere* — 'мешать', *sedere* — 'сидеть', *vidēre* — 'видеть' и др.)].

В этих заменах *о* на *е* и *ū* на *ī* (позднее *ъ* на *ь*) проявилось, конечно, стремление к организации слога по принципу сингармонизма, потому что артикуляции гласных переднего ряда *ī*, *ĭ* > *ь* и *е* к артикуляциям мягких согласных ближе и в сочетаниях с ними легче, чем артикуляции гласных заднего ряда *ū*, *ŭ* > *ъ* и *о*. Многие из указанных замен (*о* > *е*, *ū* > *ī*, *ŭ* > *ĭ* или *ъ* > *ь*) проявились на концах праславянских склоняемых основ мужского и среднего рода, что в древнерусском языке отразилось в виде противопоставления мягких вариантов склонения твердым в соответствующих типах слов.

Однако замены *ѣ* на *а* после шипящих и *j* не усиливали, а уменьшали сингармонизм звуков в слоге и, значит, были вызваны какими-то иными, еще не выясненными причинами, а поэтому при тенденции к внутрислоговому сингармонизму оказались не вполне последовательными. Так, у предков западных славян, с одной стороны, получились *žaba* < **gēba* — 'жаба', *žalь* < **gēl'* — 'горе', *šalь* < **chēl'* — 'буйство', *čarъ* < **kēr'* — 'колдовство' и т. п., но с другой — инфинитивы на *-ѣti* и причастия на *-ѣl* в большинстве диалектов сохранили свой суффиксальный *ѣ* после шипящих, видимо, под воздействием аналогии с теми глагольными формами, в инфинитивных основах которых *ѣ* был не после шипящего. Ср., например, чешск. *běžeti* — 'бежать', *křičeti* — 'кричать', *slyšeti* — 'слышать' и *běžel* — 'бежал', *křičel* — 'кричал', *slyšel* — 'слышал'; польск. *drżeć* — 'дрожать', *dyszeć* — 'дышать', *milczeć* — 'молчать' и *drżeł* — 'дрожал', *dyszeł* — 'дышал', *milczeł* — 'молчал'; так же осталось и в не-

которых русских диалектах, в частности в ряде поволжских (*ворчеть* и *ворчел*, *дрожеть* и *дрожел*, *скучеть* и *скучел*, *стучеть* и *стучел*, *пищеть* и *пищел* и др.)[1].

§ 8. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ДОПИСЬМЕННОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Фонетическая система древнерусского языка, сложившаяся в процессе языкового обособления восточных славян, как можно полагать, около середины I тысячелетия, постоянно изменялась, перестраивалась. Многие изменения завершились еще в дописьменный период, так как уже в ранних памятниках древнерусской письменности отразились их результаты. В основном изменения были обусловлены: 1) действием закона открытого слога, 2) стремлением к палатализации согласных, 3) развитием лабиализации гласных и согласных, 4) утратой различий в долготе гласных.

СМЯГЧЕНИЕ *d* И *t* ПЕРЕД *j*

По-видимому, начальный этап смягчения *d* и *t* перед *j* надо относить к праславянскому времени, как и смягчение посредством *j* других согласных. Однако завершился этот процесс уже п о с л е обособления трех славянских языковых групп. В древнерусском языке в результате смягчения *d* и *t* перед *j* возникли[2] шипящие аффрикаты *д'ж'* (затем в ряде диалектов упростившаяся в *ж'*)[3] и *ч'* и в соот-

[1] Указанные факты — из тех говоров, в которых нет замены *я* на *е* (типа *гледе́л*, *гледи́*, *пе́теро*, *за́нел* и т. п.).

[2] Через ряд промежуточных образований (см.: *Калнынь Л. Э.* Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961, с. 3—4).

[3] Об аффрикате *д'ж'* в говорах древнерусского языка есть основания говорить потому, что она в определенных случаях и сейчас сохраняется у украинцев и белорусов. Правда, С. М. Кульбакин (см.: *Кульбакин С. М.* Украинский язык. Краткий очерк исторической фонетики и морфологии. Харьков, 1919) считал, что украинская аффриката *дж* вторичного происхождения (из *ж*). Однако, по мнению большинства ученых, украинско-белорусская аффриката *дж* восходит к дописьменным древнерусским временам (см.: *Бузук П.* Нарис історії української мови. Київ, 1927, с. 28—29; *Очерки* по сравнительной грамматике восточнославянских языков, с. 66).

ветствующих случаях чередования *д — д'ж'(ж')*, *т — ч'* [*садъ — саджа* или *сажа* из **sadja* (ср.: укр. *саджа, посаджу*), *свѣтъ — свѣча* из **světja*, *крѫтити — крѫча* из **krontja* и др.]. У западных и южных славян результаты оказались иными: у южных возникли сложные шипящие: *ж'д'* на месте *dj* и *ш'т'* на месте *tj* (ср.: ст.-сл. *насаждати, свѣшта*)[1]; у западных возникли свистящие аффрикаты: *d'z'* на месте *dj* и *c'* на месте *tj* (ср.: польск. *sadza, świeca*).

Развитие аффрикат на месте праславянских *dj* и *tj* в древнерусском языке полностью закончилось в дописьменное время, так как даже в самых ранних памятниках письменности восточных славян нет написаний, в которых можно было бы признать отражение звучания, промежуточного между *dj* и *д'ж' (ж')* или между *tj* и *ч'* (ср.: *кроучины* — Новгородская кормчая; *чужсти* — Житие Мефодия).

Следует заметить, что если перед сочетанием *dj* оказывался свистящий *z*, а перед *tj* — *s*, то в силу ассимиляции на месте *zdj* получилось *ж'д'ж'*, а на месте *stj* — *ш'ч'*. Это дало древнерусские чередования *зд — ж'д'ж'*, *ст — ш'ч'* (*ѣзда — ѣжджѭ* из **ězdjǫm* (ср. белорусск. *ежджу*), *ростъ — рошча* из **orstja* (ср.: совр. русск. *роща*, белорусск. *рошчына*) и др.].

СМЯГЧЕНИЕ НЕЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ ПЕРЕД ГЛАСНЫМИ ПЕРЕДНЕГО РЯДА

В общеславянском языке все незаднеязычные согласные перед гласными переднего ряда произносились полумягко (если не представляли собой результат смягчения заднеязычных перед *j* либо гласными переднего ряда или результат смягчения других согласных перед слившимся с ними *j*). Эта особенность первоначально была характерна и для древнерусского языка, как сохраняется она до сих пор в ряде славянских языков (например, в болгарском, сербскохорватском, чешском) и в некоторых родственных неславянских языках (в английском, французском, немецком).

---

[1] Наличие в современном русском языке сочетаний *жд* и *щ* (из *шт*), чередующихся с *д* и *т* (*насаждать — садить, освещать — светить* и др.), объясняется влиянием старославянского языка на древнерусский (см. § 30).

Однако еще в дописьменный период истории древнерусского языка полумягкие согласные перед гласными переднего ряда стали произноситься с полной степенью мягкости[1]. Например, если в слове *небеса* согласные *н* и *б* первоначально произносились так, как нем. *Nebel*, т. е. полумягко, то после смягчения они стали произноситься так, как звучат теперь в русском языке. На дописьменное время смягчения древнерусских согласных указывают такие факты: 1) раннеписьменная орфография восточных славян отражает мягкость произношения ими согласных перед имперфектным суффиксом *-ах-* (орфографически *-ях-*, *-ѧх-*), по происхождению из *-ѣах-* (*сѣдѧху* — Изборник Святослава 1076 г.); эта мягкость не могла возникнуть перед *а*, она должна была появиться перед *ѣ*, который исчез в данном суффиксе еще в дописьменное время (см. с. 126); 2) после превращения в дописьменное время *ѧ* в *а* согласный перед ним не отвердел, а остался мягким (см. с. 61—62), как и перед имперфектным *-ах-*.

Сочетания *gt* и *kt* в положении перед гласными переднего ряда, смягчаясь, превращались в *ч'* [*мочь* из **mogtь* (ср. совр. русск. *могу*), *печь* из **pektь* (ср. совр. русск. *пеку*) и др.]. У южных и западных славян указанные сочетания тоже смягчались перед гласными переднего ряда, но в большинстве говоров дали иные результаты (ср.: ст.-сл. *мошть*, *ношть*, *пешть;* польск. *moc*, *noc*, *piec*)[2]. В этом сказалась языковая обособленность восточных славян.

ЛАБИАЛИЗАЦИЯ *el* И *ьl* МЕЖДУ СОГЛАСНЫМИ

Как уже говорилось, первоначально в древнерусском языке *l* в сочетаниях *el* и *ьl* между согласными произносился полумягко. Но затем, еще в дописьменное время, он отвердел, так как подвергся лабиализации. Этому способствовало влияние стоявшего за *l* согласного.

---

[1] Это явление получило развитие кое-где и за пределами восточнославянской области (см.: *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка, с. 92). По мнению некоторых ученых, процесс смягчения полумягких согласных протекал позднее, не раньше XI—XII вв. (см.: *Калнынь Л. Э.* Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках, с. 20—21).

[2] Лишь в говорах предков сербохорватов и словенцев получилось то же или почти то же, что и у восточных славян.

Отвердение и лабиализация полумягкого *l* привели к тому, что предшествовавшие ему гласные переднего ряда *е* и *ь* в силу ассимиляции тоже стали лабиализироваться и превратились в *о* и *ъ*[1]. На лабиализацию *е* и *ь* явно указывают древнерусские изменения общеславянских по происхождению сочетаний *el* и *ьl* между согласными (см. с. 58): **pelnъ* дало **polnъ* (откуда позднее *полон* при ст.-сл. *плѣнъ*), **vьlkъ* дало **vъlkъ* (откуда позднее *волк* при литовск. *vilkas*).

Можно, однако, думать, что лабиализация *е* в сочетаниях *el* между согласными была слабой, если перед *е* оказывался шипящий. На эту мысль наводят некоторые сочетания первого полногласия (см. ниже). Результаты развития второго полногласия (см. с. 77—79) позволяют думать то же самое и о лабиализации *ь* в сочетаниях *ьl* между согласными, когда перед *ь* был шипящий. Но если из сочетаний *ьl* между согласными второе полногласие не развивалось (см. с. 67—63, 77—79), то в этих сочетаниях лабиализации *ь* после шипящих не наблюдалось (например, сохранился *ь* в словах *чьлнъ*, *жьлтъ*, *шьлкъ*, откуда позднее *чёлн*, *жёлт*, *шёлк*).

Поскольку согласный перед *ol* и *ъl*, возникшими путем лабиализации из *el* и *ьl*, оказался твердым (на что указывают совр. русск. *волк*, *молоко* и т. п.), то, значит, *el* и *ьl* между согласными лабиализировались до времени смягчения полумягких согласных. В противном случае согласный перед *ol*, *ъl* (из *el*, *ьl*) остался бы мягким, подобно тому как сохраняется мягкость согласных перед гласными непереднего ряда, возникшая еще в праславянское время на месте сочетаний согласных с *j* в таких, например, словах, как *воля* (из **volja*), *хвалю* (из **chvaljom*) и т. п.

РАЗВИТИЕ ПЕРВОГО ПОЛНОГЛАСИЯ

Дифтонгические сочетания *or*, *ol*, *er*, *el* в середине слова между согласными, начав по закону открытого слога перестраиваться в общеславянский языковой период, окончательно преобразовались уже после обособления трех сла-

---

[1] Если не считать, что перед отвердевшим *l* (*л*) лабиализация *е* и *ь* имела место и у некоторой части западных славян (преимущественно у поморян и полабских славян).

вянских языковых групп. В восточнославянской группе, т. е. в древнерусском языке, дело, по-видимому, обстояло так:

1. Плавные *r* и *l* в указанных сочетаниях утратили слогообразующие свойства, но не могли отойти ни к предшествующему слогу, ни к последующему, потому что от этого предшествующий слог (оканчивавшийся на *o* или *e*) стал бы закрытым, а в последующем нарушилась бы восходящая звучность (так как сонорный оказался бы перед несонорным, т. е. менее звучным согласным).

2. Чтобы сохранить в соответствующих словах звучание *r* и *l* (а это было важно для понимания смысла[1]), после них стали произносить гласные. Сначала эти вторичные гласные были очень краткими, неполного образования, т. е. по звучанию были подобны редуцированным *ъ* и *ь*, но отличались от них по своим функциям: если исконные древнерусские *ъ* и *ь* служили для смыслоразличения, были фонемами, то вторичные гласные неполного образования, возникшие только для открытия слога и сохранения *r* и *l*, долгое время были при них призвуками, следовательно, для смыслоразличения еще не служили и особыми фонемами не являлись. Однако позднее вторичные гласные неполного образования развились в *о* и *е* и приобрели смыслоразличительную функцию, превратились в фонемы (см. с. 73). Поэтому на раннем этапе своего существования они условно могут быть обозначены как *ъ* и *ь*, т. е. как и исконные древнерусские редуцированные фонемы.

Итак, можно полагать, что когда-то бывшие дифтонгическими сочетания *or*, *er*, *ol*, *el* между согласными в древнерусском языке изменились следующим образом: *or* превратилось в *orъ*, *er* в *erь*, *ol* в *olъ*, *el* в *elъ* (после шипящих) и в *olъ* (в остальных случаях)[2], откуда потом получилось *оро*, *ере*, *оло*, *ело* (см. с. 72). Этот процесс называют р а з-

---

[1] Согласные для смыслоразличения более важны, чем гласные. Например, **gordъ* (откуда совр. русск. *город*) с утратой *r* дало бы в древнерусском языке *годъ*, т. е. перестало бы отличаться от *годъ* со значением ‘время, год, срок’ и потеряло бы связь с другими однокоренными словами (корень здесь **gor-*, тот же, что и в слове *гора*).

[2] Языковеды вторичные гласные неполного образования в этих сочетаниях изображают по-разному: одни (П. Бузук, Е. Тимченко и др.) — так же, как и в данном пособии, другие (А. М. Селищев) — маленькими буквами *о* и *е* (*or*^{o} и т. п.), третьи (А. А. Шахматов, Л. П. Якубинский) — иными значками (*orə* и т. п.).

витием первого полногласия[1], а сочетания, возникшие из *or*, *er*, *ol*, *el* между согласными, именуют полногласными. У южных и западных славян изменения были иные. Так, например, из **vorta*, **bergъ*, **melko*, **zolto* в русском языке возникали *ворота*, *берег*, *молоко*, *золото*, в старославянском — *врата*, *брѣгъ*, *млѣко*, *злато*, в польском — *wrota*, *brzeg*, *mleko*, *złoto*, из **šelmъ* в русском возникло *шелом*, а в старославянском *шлѣмъ* и т. д.[2]

По аналогии с изменением *er* в *erь* (позднее *ере*) можно было бы ожидать, что *el* даст в указанных случаях *elь* (и позднее *еле*). Однако этого не случилось, так как *e*, лабиализировавшись перед отвердевшим *l* (*л*), перешло в *o*, почему *el* совпало с *ol* и, подобно ему, давало в начале развития полногласия *olъ*, а позднее *оло*. Лишь после шипящих получился как бы промежуточный результат — *elъ* (потом *ело*) из-за того, что мягкий шипящий, видимо, ослаблял степень лабиализации *e* (ср.: *жёлоб*, *шелом*). Это обстоятельство позволяет думать, что хронологически лабиализация *e* и *ь* перед отвердевшим *l* (*л*) началась раньше, чем развитие полногласия.

Следует заметить, что у восточных славян по нормам изменения *or* в *оро* собственное имя Карл[3] превратилось в нарицательное *король* (у южных славян получилось *краль*, у западных — *król*). Это дает основания считать, что у восточных славян неполногласные сочетания указанного типа стали превращаться в полногласные во времена Карла Великого[4]. Показательны также заимствованные у восточных славян венгерские слова *pelyva* или *polyva* — 'мякина', *szalma* — 'солома', *szarka* — 'сорока' и *szerda* —

[1] В отличие от второго полногласия (см. с. 77—79); термин «полногласие» введен историком и филологом XIX в. М. А. Максимовичем.

[2] О том, что в этих словах перед согласным когда-то были сочетания «гласный + *r* или *l*», ясно из сравнения с другими индоевропейскими языками (например, в немецком *Wärter* — 'привратник', *Berg* — 'гора', *Milch* — 'молоко', *Helm* — 'шлем', *Gold* — 'золото').

[3] Имя франкского короля VIII — начала IX в. Карла Великого.

[4] Предположить, что первое полногласие начало развиваться много позже (после IX в.) невозможно, так как позднее восточные славяне *ар* в имени *Карл* не заменяли на *оро* (ср.: *посла к нима... Карла* в «Повести временных лет») и так как самые ранние памятники восточнославянской письменности (XI в.) содержат полногласные сочетания обычно уже в их конечных формах.

'среда', имеющие дополногласные формы. Это значит, что они попали в венгерский язык из древнерусского еще до развития в нем полногласия. Но они не могли оказаться в венгерском языке раньше, чем предки современных венгров, двигаясь со своей приуральской прародины на Дунай через Северное Причерноморье, встретились с восточными славянами. А это движение началось, судя по ряду косвенных (письменных, археологических и лингвистических) свидетельств, в середине I тысячелетия[1]. Отсюда следует, что начало развития первого полногласия у восточных славян относится ко времени не ранее середины I тысячелетия. А так как некоторые другие восточнославянские фонетические процессы совершались до развития полногласия, то это позволяет думать, что древнерусский язык (а с ним и народ) обособился не позднее середины I тысячелетия.

НЕКОТОРЫЕ ЯВЛЕНИЯ НАЧАЛА СЛОВА

В древнерусской речи в определенных случаях по неясным причинам стал утрачиваться начальный *j* перед гласным *е*. Предполагается, что в начале своего обособления восточные славяне произносили с начальными *je* такие слова, как *осень*, *озеро*, *олень*, *осетр*, *один*, т. е. слова с ударением на первом или втором слоге и с гласным *е* или *и* во втором слоге. На это указывают формы упомянутых слов с начальными *je* в других (южных и западных) славянских языках (ср.: ст.-сл. *ѥсень*, *ѥзеро*, *ѥлень*, *ѥсетръ*, *ѥдинъ;* польск. *jesień*, *jezioro*, *jeleń*, *jesiotr*, *jeden*). Утрата *j* перед *е* в этих положениях привела к лабиализации *е* и к переходу его в *о* то ли в силу диссимиляции с гласным переднего ряда во втором слоге, то ли в силу того, что начальное *е* без протетического согласного в период утраты начального *j* в древнерусском языке все еще было недопустимо. Это заметно противопоставило древнерусский язык языкам западных и южных славян.

Начальные *je* в древнерусском языке могли так же превращаться в *о* и при отсутствии во втором слоге *и* или *е* и при ударении не на первом или втором слоге. Но в этих

---

[1] См.: *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956, с. 136.

случаях изменения были непоследовательны (ср.: *ольха, одьного*, но *ѥль, ѥжь*)[1].

Следует заметить, что переход *je* в *о* совершался видимо, на очень ранних ступенях развития древнерусского языка, когда он еще не окончательно обособился, так как в языках южных и западных славян иногда также встречаются слова с таким начальным *о*, который, скорее всего, из *je* (ср.: польск. *olcha* и чешск *olše* при болг. *ельха* и нем. *Erle*).

Во всяком случае, начальные *je* изменились в указанных условиях в *о* у восточных славян до появления дошедших до нас памятников древнерусской письменности, так как уже в самых ранних из них встречается начальное *о* из *je* (*олень* — «Поучение» Владимира Мономаха; *озеро* — «Златоструй»; *осень* — Синодальный список Новгородской I летописи).

Кроме того, восточные славяне, обособляясь, перестали произносить начальный *j* и перед *у*, что создало в древнерусском языке слова *угъ* (при ст.-сл. *югъ*), *унъ* (при ст.-сл. *юнъ*), *уха* (при сербск.-хорв. *јуха, juha*), *утро* (при болг. *ютро* и польск. *jutro*) и т. п.[2] На дописьменное время этого изменения указывают написания слов с начальным *у*, соответствующим инославянскому *ю* (*ju*) уже в самых ранних восточнославянских письменных памятниках (*утро* — Остромирово евангелие; *угъ*, *уности* —Изборник Святослава 1073 г.; *унота* — Изборник Святослава 1076 г.; *унотѣ* — Синайский патерик; *утро*, *уноша* — Новгородские служебные минеи; *удоль* — «Слово» Кирилла Туровского).

Утрата начального *j* перед *у* стала отличительной чертой восточнославянской речи в сравнении с речью прочих славян. Причина утраты не установлена.

Надо заметить, что в древнерусском языке утраты в начале слова *j* перед *а* не было, тогда как у южных славян

---

[1] Греческие и другие личные имена неславянского происхождения у восточных славян тоже претерпевали замену начального *е* (*je*) на *о* (*Олена* из *Елена*, *Овдотья* из *Евдокия*, *Офросинья* из *Ефросинья*, *Остап* из *Евстафий* и т. п.).

[2] Правда, есть и иное мнение — что когда-то у восточных славян перед начальным *у* был не *j*, а придыхание типа *h* (см.: *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1964, с. 161). Слова с начальным *ю* (*юноша, юг, юнга, юбка* и др.) в современном русском языке представляют собой заимствования из старославянского и других языков.

начальный *j* перед *а* развивался непоследовательно и во многих случаях отсутствует. Это противопоставило древнерусский язык языкам южных славян, в частности старославянскому языку (ср.: др.-русск. *ꙗзъ*, *ꙗко*, *ꙗгнѧ*, *ꙗгода* при ст.-сл. *азъ*, *акы*, *агньцъ*, *агода*)[1].

УТРАТА НОСОВЫХ ГЛАСНЫХ

Унаследованные восточными славянами из общеславянского языка носовые гласные *ѫ* и *ѧ* в древнерусском языке сохранялись, надо полагать, до середины X в., так как Константин Багрянородный (византийский император и ученый X в.) в своем сочинении «О народах», упоминая восточнославянские названия днепровских порогов *Неѩсыть* и *Вьрѫчии*, не отмечает носового характера *ѧ* и *ѫ* и передает эти звуки через α и ου, тогда как *ѧ* в слове *Свѧтославъ* передает сочетанием εν, т. е. указывает на носовой характер *ѧ*. Следовательно, в те времена у восточных славян носовой оттенок у *ѧ* и *ѫ* исчезал.

Причину этого можно видеть в действии закона открытого слога (ведь носовой оттенок был остатком носового согласного), а отчасти, может быть, и в том, что носовой оттенок оказался необязательным для смыслоразличения. Например, *се* — 'это' и *сѧ* — 'себя', *копати* и *кѫпати* и т. п. отличались не только отсутствием или наличием носового призвука корневого гласного, но (если не всегда, то во многих случаях) и длительностью его звучания. Превращение носовых гласных в неносовые (чистые) привело в памятниках восточнославянской письменности к смешению *ѫ* с *у* и *ѧ* с *я*, а позднее и к замене «юсов» буквами *у* и *я*. По этой причине уже в Остромировом евангелии (1056—1057) отмечено более 500 случаев неправильного написания «юсов» вместо *у* и *я* или *у* и *я* вместо «юсов».

Эти факты, как и данные фонетики современного русского языка, говорят о том, что *ѫ*, утратив носовое качество, подвергся дополнительной лабиализации и совпал с *у*, а *ѧ*, перестав быть носовым, переместился из переднего ряда назад, превратился в гласный нижнего подъема (по степени поднятия языка к нёбу) и совпал с *а* после мяг-

[1] В современном русском языке все слова с начальным *а* (кроме союза и междометия *а*) заимствованы из других языков.

кого согласного (орфографически *я*)[1] [ср.: совр. русск. *путь* из *пѧть* (ср. греч. πόντος), *угол* из *ѫгълъ* (ср. лат. *angulus*), *рядъ* из *рѧдъ* (ср. литовск. *rinde*)][2].

Превращение носового гласного переднего ряда *ѧ* в гласный непереднего ряда *а* усилило фонематическую самостоятельность мягких согласных, так как с тех пор часто единственным различителем смысла оказывались твердость или мягкость согласного [ср.: *хвала* и *хвал'а* (орфографически *хваля* из *хвалѧ*), *гора* и *гор'а* (орфографически *горя* из *горѧ*)]. Превращение носовых гласных в неносовые усилило разницу между древнерусским и старославянским, а также польским языками (в них носовые гласные сохранялись).

СОКРАЩЕНИЕ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ

Количественные различия между гласными (т. е. по длительности их звучания) в древнерусском языке восходят к индоевропейскому праязыку, в котором противопоставление, например, краткого *ŏ* или *ă* долгому *ō* или *ā* служило для различения смысла слов. В общеславянский период эти количественные противопоставления гласных были в основном утрачены, так как долгие *ō* и *ā* совпали в одном долгом *ā*, а краткие *ŏ* и *ă* — в одном кратком *ŏ*, долгий *ē* дал *ѣ* и стал артикуляционно иным, чем краткий *ĕ*, долгий *ū* дал *ы*, а краткий *ŭ* — *ъ*, долгий *ī* сохранился как *i* (*и*), а краткий *ĭ* дал *ь*[3].

При этих условиях степень длительности звучания гласного сохраняла смыслоразличительное значение лишь в парах *о* — *ъ* (поскольку *ъ* у славян артикуляционно стал представлять собой сверхкраткий *о*) и *е* — *ь* (поскольку *ь*

---

[1] Есть предположения, что *ѧ* не сразу превратился в *а*, а через стадию *ä* (звук переднего ряда, нижнего подъема, способный смягчать согласные). Но если это было и так, то передний *ä* изменился в непередний *а* еще в дописьменное время, так как в противном случае не было бы повода для смешения букв *ѧ* и *я* в ранних памятниках письменности (звук, изображавшийся через *ѧ*, отличался бы от звука, изображавшегося через *я*).

[2] Если первоначально в древнерусском языке был *ѣ̨* («носовой ять»), то и он должен был превратиться в *ѣ*, т. е. в обычный (неносовой) «ять».

[3] Гласный *у* восточные славяне унаследовали из общеславянского языка (там он появился по закону открытого слога из дифтонгов *ай* и *ой*). Позднее у них появился *у* из *ѫ*, а носовые гласные *ѫ* и *ѧ*, как уже сказано, исчезли.

артикуляционно стал представлять собой сверхкраткий *е* (ср.: *солй* — мест. п. ед. ч. от *соль* и *сълй* — 'послы', *се* — 'это' и *сь* — 'этот').

В остальных случаях различия в длительности звучания гласных, утратив необходимость, сохранялись в древнерусском языке лишь пережиточно, что привело к постепенной утрате старых различий гласных по длительности звучания. Еще в дописьменное время долгие гласные начали сокращаться до нормально кратких и, следовательно, различия в длительности звучания между *а*, *ѣ*, *у*, *ы* и *и*, с одной стороны, и *о*, *е*, с другой стороны, стали пропадать[1]. Есть даже предположения, что в некоторых позициях долгие гласные стали сокращаться еще в праславянском языке. Однако в течение дописьменного времени в древнерусском языке продолжали существовать сверхкраткие (редуцированные) *ъ* и *ь* и, в известных позициях, *ы* и *и*, отличавшиеся по длительности от остальных гласных (см. с. 67—71).

Но и былая долгота соответствующих гласных исчезла не бесследно:

1. Если один из вариантов глагольного корня служит для выражения длительного (неограниченного во времени) действия или состояния, а другой — действия или состояния, ограниченного во времени, то первый вариант корня обычно содержит долгий по происхождению гласный, а второй вариант — гласный по происхождению краткий или даже сверхкраткий [ср.: *касаться* < *касати сѧ* и *коснуться* < *коснѫти сѧ* (чередование *а* — *о*), *влагать* < *вълагати* и *вложить* < *въложити* (*а* — *о*), *сплетать* < *съплѣтати* и *сплести* < *съплести* (*е* < *ѣ* — *е* исконное), *пихать* < *пихати* и *пхать* < *пьхати* (чередование *и* — нуль звука на месте чередования *и* < *ī* — *ь* < *ĭ*)].

2. Некоторые перемещения ударения в разных формах одного и того же слова или в родственных (по корню) словах у восточных славян (например, *вóлъ* — *волá*, *льнъ́* — *льнá*, *лéдъ* — *ледъкá* и т. п.) сохранились со времени

[1] Эти различия (не в первоначальном виде и не во всех случаях) остались, например, в чешском и сербскохорватском языках, долго сохранялись в польском языке. Так, по-чешски *ráda* с долгим *á* после *r* значит 'она рада', а *rada* с кратким *a* после *r* — 'совет'; по-сербски *ма̑х* с долгим *а̑* значит 'взмах', а *ма̏х* с кратким *а̏* — 'плесень', *гра̑д* с долгим *а̑* значит 'город', а *гра̏д* с кратким *а̏* — 'град'.

существования праславянских и древнерусских долгих гласных. Дело в том, что у праславян ударение с нисходящего по тону краткого или сверхкраткого гла́сного (какими в указанных примерах были *о*, *е*, *ь*) перемещалось на следующий восходящий по тону долгий гласный, как только он появлялся в слове (в указанных примерах таким долгим был *а*)[1].

3. С утратой долготы гласный *ѣ* в большинстве восточнославянских диалектов не смог сохранить своих прежних артикуляционных качеств — дифтонгизировался или же совпал с *и* или *е* (см. с. 80). Последнее обстоятельство дает основания думать, что процесс сокращения праславянских долгих гласных у восточных славян завершается приблизительно к концу их дописьменной истории, так как в начале следующего периода артикуляции *ѣ* уже изменились (см. с. 80—81).

ИЗМЕНЕНИЯ В УДАРЕНИИ

Восходящий или нисходящий характер первоначального восточнославянского ударения был связан с различиями гласных по долготе звучания, с дифтонгическим происхождением ряда гласных[2]. Сокращение долгих гласных до нормально кратких, естественно, приводило к ослаблению музыкального характера ударения, постепенно превращало его только в силовое. И надо думать, что в основном эти изменения качества ударения завершились уже в дописьменное время древнерусской языковой истории. Правда, окончательно музыкальные различия в ударении, может быть, исчезли несколько позднее, но даже самые ранние из известных нам памятников древнерусской письменности каких-либо убедительных доказательств существования этих различий не дают, как неизвестны они и в современных диалектах восточных славян[3].

---

[1] Закономерности этих перемещений были установлены Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. де Соссюром (закон Фортунатова — Соссюра). Предполагается, что до обособления древнерусского языка музыкальным тоном обладали не только ударные, но и неударные гласные.

[2] См.: *Мейе А*. Общеславянский язык, с. 126.

[3] Впрочем, нельзя не упомянуть, что пережиточные явления музыкальности ударения наблюдались, по-видимому, еще в начале XX в. в некоторых калужских говорах (см.: *Брок О*. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916, с. 6—8).

Однако о существовании в дописьменной истории древнерусского языка восходящего и нисходящего ударений мы все-таки имеем возможность судить:

1. Былые дифтонгические сочетания *or*, *ol* в начале слова перед согласным у восточных славян представлены как *ра*, *ла*, если имели восходящее ударение.

2. Былые дифтонгические сочетания *or*, *ol*, *er*, *el* между согласными, имевшие восходящее ударение, превратившись в полногласные сочетания *оро*, *оло*, *ело*, *ере*, получили ударение на втором гласном, тогда как такие же сочетания с нисходящим ударением, став полногласными, получили ударение на первом гласном. Например, слово **vornъ* с нисходящим ударением на *or* до развития полногласия представляло собой форму именительного падежа названия птицы Corvus corax — 'во́рон', а с восходящим ударением на *or* — форму родительного падежа множественного числа названия птицы Corvus corone — 'воро́на'. С развитием полногласия из **vornъ* с нисходящим ударением получилось *во́рон*, а с восходящим — *воро́н* (ср. также: *го́род — огоро́д*, *мо́лот — моло́тим*; *хо́лод — холо́дный*, *го́лос — поло́н*, *бе́рег — тере́ть*).

3. Считают, что о восходящем ударении свидетельствует звук *в*, развившийся через ступень неслогового *ў*, в таких словах, как *восемь* (из *осмь*) и *вострый* (из *острый*)[1].

4. Музыкальные особенности звучания гласных в прошлом обусловили и многие передвижки ударения в разных формах слов и в сочетаниях тех или иных существительных с предлогами, так как когда-то ударение, например, с нисходящего (по музыкальному тону) гласного перемещалось на следующий восходящий, с серединного нисходящего — на начальный и т. п. (ср.: *ме́дъ — на меду́*, *мо́ре — на́ море*)[2].

---

[1] В некоторых древнерусских говорах восходящее ударение на *о* превратило это *о* в *ўо* или напряженное *ô* (см.: *Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 44; *Селищев А. М.* Старославянский язык, ч. 1, с. 240, 239).

[2] Подробности этих сложных явлений были исследованы Ф. Ф. Фортунатовым, Ф. де Соссюром, А. А. Шахматовым, Л. А. Булаховским и др. (см.: *Мейе А.* Общеславянский язык, с. 126—148; *Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии, с. 44; *Селищев А. М.* Старославянский язык, ч. 1, с. 235—242; *Булаховский Л. А.* Исторический комментарий к литературному русскому языку. Киев, 1937, с. 224). Оригинальные соображения относительно происхождения древнерусского ударения позднее высказал поль-

§ 9. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПИСЬМЕННОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА К НАЧАЛУ ПИСЬМЕННОГО ПЕРИОДА

В результате фонетических изменений дописьменного периода фонетическая система древнерусского языка ко времени появления письменности стала уже не такой, как была первоначально: 1) сократилось число гласных фонем (носовые фонемы совпали с соответствующими неносовыми); 2) из различий между гласными по длительности звучания сохранились лишь краткость и сверхкраткость (так как долгота если не совсем, то почти полностью сократилась)[1]; 3) на ударных гласных перестал или почти перестал различаться тон; 4) исчезло полумягкое произношение согласных, оно совпало с мягким; 5) усилилась смыслоразличительная (фонематическая) роль мягкости согласных; 6) изменились позиционные возможности употребления звуков и звукосочетаний *o*, *je*, *ju*, *ьl*, *el*, *ol*, *or*, *er*, *gt*, *ḱt*; 7) уменьшилось слоговое употребление плавных.

В письменный период истории древнерусского языка, как уже говорилось, происходит его постепенный распад. Начало этого процесса обнаруживается уже в изменениях древнерусской фонетической системы раннеписьменного времени (в частности, в так называемом падении редуцированных). В последующих изменениях разобщение говоров будущих русского (великорусского), украинского и белорусского языков сказывалось все больше, а в XVI—XVII вв. эти группы говоров уже настолько обособились, что приобрели качества разных, хотя и очень близких языков. Во всем этом нужно видеть отражение постепенного этнического обособления русских (великорусов), украинцев и белорусов. Важнейшие языковые изменения пись-

---

ский ученый *Е. Курилович* (см.: «Вопросы языкознания», 1962, № 1, с. 32—36). Однако точка зрения Куриловича, как и мнения его сторонников и последователей, например В. М. Иллича-Свитыча (см.: *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963, с. 95—96) и В. А. Дыбо (см.: *Дыбо В. А.* О реконструкции ударения в праславянском языке.— В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 6. М., 1962), явно дискуссионна.

[1] Но и сверхкраткие стали различаться по долготе в разных позициях (см. с. 67).

менного периода[1] во многом продолжали изменения предшествующего времени (или были вызваны ими) и в области фонетики были весьма существенны.

ПАДЕНИЕ РЕДУЦИРОВАННЫХ

Наличие в древнерусском языке редуцированных гласных фонем *ъ* и *ь* и редуцированных вариантов фонем *ы* и *и* противоречило усиливавшейся тенденции к утрате различий гласных по долготе, а также произношению с наибольшей силой ударного гласного, терявшего музыкальный характер[2]. Ведь ударный редуцированный приходилось произносить короче и слабее, чем нередуцированные гласные соседних неударных слогов (ср.: *дъ́скы*, *ть́ща*, *купь́ць*). Это, если не полностью, то во многом, подготовило почву для исчезновения редуцированных, или, как принято говорить в языкознании, для их падения.

Падению редуцированных предшествовало позиционное ослабление звучания редуцированных в одних, так называемых слабых, положениях и усиление в других, так называемых сильных, положениях и появление чередований ослабленных и усиленных редуцированных. Ослаблялись (становились слабыми) только неударные редуцированные, если они находились: 1) на конце слова (*до́мъ*, *ше́сть*, *си́нии* и др.); 2) перед слогом с нередуцированным гласным (*събира́ти*, *лъга́ти*, *льсти́ти*, *бие́ть*, *весе́лие* и др.); 3) перед слогом с сильным редуцированным (*лъжьць*, *шьвь́ць* и др.) Усиливались (становились сильными) редуцированные 1) под ударением (*дъ́скы*, *ши́ю*, *шесты́и* и др.); 2) перед слогом со слабым редуцированным (*па́льць*, *ро́пътъ*, *но́выи*, *си́нии* и др.); 3) перед плавными *р* и *л* в сочетаниях *ър*, *ьр*, *ъл*, *ьл* между согласными (*кърми́ло*, *мьртвь́ць*, *мълва́*, *жьлтъ́къ* и др.), так как плавные, не будучи гласными, очень долго выполняли их роль и этим сближались со слабыми редуцированными[3].

---

[1] Время формирования русского (великорусского), украинского и белорусского языков часто называют, как было сказано, периодом старорусского (старовеликорусского), староукраинского и старобелорусского языков.

[2] Эта тенденция имела место у всех славян, даже в тех языках, где до сих пор сохранились долгие гласные и музыкальные особенности ударения.

[3] Из сказанного можно вывести практическое правило: слабые и сильные позиции следует определять начиная с конца слова.

В дальнейшей истории древнерусского языка слабые редуцированные переставали звучать, а сильные достигали силы и длительности звучания нередуцированных гласных. При этом сильный редуцированный *ъ* у всех восточных славян превращался в *о* (ср.: *дóски* из *дъскы*, *мох* из *мъхъ*, *рóпот* из *ропътъ*, *молвá* из *мълва*), а сильный редуцированный *ь* — в *е* (ср.: *пáлец* из *пáльць*, *пень* из *пьнь*, *чернéц* из *чьрньць*)[1]. В диалектах, составивших затем основу современного русского языка, сильные редуцированные *ы* и *и* так же, как и сильные *ъ* и *ь*, превращались соответственно в *о* и *е* (ср.: *шéя* из *шию*, *глухóй* из *глухыи*, *зúмней* из *зимьнии*). Но в диалектах, обособлявшихся в украинский и белорусский языки, сильные редуцированные *ы* и *и* превратились в гласные *ы* и *и* полного образования (с последующим совпадением в украинском языке в одном звуке *и*; ср.: белорусск. *лі*, *крый* и укр. *лий*, *крий* из др.-русск. *лии*, *крыи*).

Следует заметить, что в определенных случаях результаты падения редуцированных оказались неожиданными: слабые редуцированные не исчезли, как им полагалось бы, а превратились в гласные полного образования, сильные же редуцированные, наоборот, исчезли. На это были следующие причины:

1. Нередко влияла какая-либо аналогия; например, форма *тъ́пъта* (род. п. ед. ч. от *тъ́пътъ*) должна была бы превратиться в *тóпта* (неударный *ъ* после *т* был слабым, так как стоял перед слогом с гласным полного образования *а*), однако получилось *тóпота* из-за воздействия основы именительного падежа этого слова, где закономерна форма *тóпот* (аналогическое воздействие здесь объясняется стремлением к унификации основы слова в разных падежных формах).

2. Иной раз влияло церковное произношение старославянских форм слов (см. § 30); например, *въздáти* должно было бы превратиться в *вздáть*, но получилось *воздáть*, так как древнерусские книжники читали слабый *ъ* в этом глаголе в старославянских религиозных текстах как *о*.

---

[1] Падение редуцированных происходило в языках не только восточных, но и западных и южных славян. Однако у них изменение сильных *ъ* и *ь* давало иные, чем у восточных славян, результаты (например, общесл. *мъхъ*, *льнъ* в польском языке дали *mech*, *len*, в сербском — *мах*, *лан*, тогда как в древнерусском — *мох*, *лен*).

3. В сочетаниях *ръ*, *рь*, *лъ*, *ль* между согласными *ъ* и *ь* теоретически могли быть сильными или слабыми в зависимости от ударности — неударности и от качества гласного в следующем слоге (т. е. по общему правилу), но, за единичными исключениями, превращались в гласные полного образования, даже в, казалось бы, слабых положениях. Поэтому в говорах будущего русского (великорусского) языка получилось, например, *слезá* (а не *слза*) из *сльза*, *дрова* (а не *дрва*) из *дръва* и т. д. Аналогичные формы возникли и в говорах будущих украинского и белорусского языков, хотя там в предударных (а иногда и в иных) слогах на месте *ъ* и *ь* возникли не *о* и *е*, а другие гласные, порой даже переместившиеся в позицию перед плавным, в чем сказалась тенденция к языковому обособлению этих говоров (ср.: укр. *кривавий* или *кирвавий* из *кръвавыи:* белорусск. *глытаць* из *глътати*, *трывога* из *трьвога*). Лишь в топониме *Псков* (из *Пльсковъ*[1]) и в диалектном глаголе *кстить* (из *крьстити*) да в названиях селений *Ксты* (из *Крьсти*), *Кстово* (из *Крьстово*) и т. п.[2] слабые редуцированные исчезли, что повлекло за собой утрату и плавных, так как наличие их в сочетаниях *плск* и *крст* нарушало бы закон восходящей звучности слога и затрудняло бы произношение.

Причины этого не вполне ясны и истолковываются учеными по-разному[3]. Можно, например, полагать, что слабые *ъ* и *ь* в сочетаниях *ръ*, *рь*, *лъ*, *ль* между согласными не исчезали, а превращались в гласные полного образования или во избежание труднопроизносимых сочетаний согласных (из *кръха* получилось бы *крха*, из *глътъкъ* — *глток* и т. п.), или же благодаря влиянию тех форм соответствующих слов, где указанные *ъ* и *ь* были сильными (например,

---

[1] Город Псков упоминается в форме *Пльсковъ*, например, в Синодальном списке Новгородской I летописи.

[2] Там, где эти названия не объясняются как русифицированные угро-финские по происхождению слова. Так, в Горьковской области на бывшей мордовской территории находится город *Кстово*, а по-мордовски *ксты* (мокшанское) и *кстый* (эрзянское) значит 'земляника'.

[3] См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык, ч. 1, с. 164—166; *Сидоров В. Н.* Редуцированные *ь* и *ъ* в древнерусском языке XI в.— «Труды Ин-та языкознания АН СССР», 1953, т. 2; *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка, с. 142—143; *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка, с. 118—121; *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка, с. 184—186.

можно допустить, что из *сльза* получилось *слеза*, а не *слза* потому, что из *сльзъ* получилось *слёз*). Возможно даже, что происходила утрата слабых редуцированных в сочетаниях *ръ*, *рь*, *лъ*, *ль* между согласными (если не во всех древнерусских говорах, то в некоторых) и что плавные в этих сочетаниях на какое-то время превращались в слоговые[1], а последующая утрата слоговости звуками *р* и *л* приводила к развитию после них (а кое-где диалектно перед ними) вставных гласных (ср. укр. *кривавий* и *кирвавий*).

4. Под влиянием законов начала слова (недостаточно изученных) в говорах будущего русского (великорусского) языка начальный неударный *и* из *jь* сохранялся и превращался в *и* нередуцированный, если даже был в слабой позиции. Поэтому в современном русском языке существуют, например, формы *играть* (а не «*грать*») из **jьgrati*, *иметь* (а не «*меть*») из **jьmĕti*, (ср.: укр. *грати*, *мети*; белорусск. *грацьь*, *мецьь*, так как у предков украинцев и белорусов слабый редуцированный *и* в начале слова утрачивался по общим законам падения редуцированных).

Поскольку, как было сказано, исчезновение редуцированных в некоторых случаях дало не одинаковые результаты в разных говорах восточных славян и привело к различиям в речи будущих русских (великорусов), украинцев и белорусов, то можно думать, что падение редуцированных в древнерусском языке происходило в начальный период обособления языков русского (великорусского), украинского и белорусского.

Утрата слабых редуцированных отражается уже в самых ранних памятниках древнерусской письменности. Например, читаем *кназь* (вместо *кънязь*) в надписи на Тмутараканском камне (1068), в Гнездовской надписи, датируемой археологами X в., в слове *горушна*[2] (в значении 'горчичные') отсутствует *ь* между *ш* и *н*, Константин Ба-

---

[1] О слогообразующих свойствах *р* и *л* в указанных случаях заключают, основываясь, в частности, на данных сербского и чешского языков (ср.: сербск. *дрва* — 'дрова', чешск. *slza* — 'слеза'). В подобных случаях у сербов и чехов плавные до сих пор выполняют роль слогообразующих гласных звуков.

[2] В чтении П. Я. Черных. Предложены и другие чтения Гнездовской надписи: *горухща* — 'горькие пряности' (М. Н. Тихомиров), *горух пса* — 'Горух писал' (Ф. Мареш), *горуща* — 'горючая, горючие' (Г. Ф. Корзухина). Но все они неудачны или по смыслу, или в отношении древнерусских норм слово- и формообразования.

грянородный передает по-гречески древнерусские слова без конечных редуцированных (Νεασητ из др.-русск. *Неѩсыть* или *Неясыть* и др.).

Следовательно, слабые редуцированные в древнерусской речи стали исчезать не позднее чем к XI в., и может быть, сохранившиеся древнейшие памятники восточнославянской письменности отражают не самый ранний этап этого процесса. По мнению А. А. Шахматова, прежде всего слабые редуцированные стали исчезать в начальных слогах слова. По мнению П. Я Черных, первыми стали исчезать конечные слабые редуцированные[1] Другие лингвисты считают, что раньше всего редуцированные перестали звучать в абсолютно слабых позициях, т. е. там, где слабые редуцированные никогда не чередовались с сильными. Например, предполагают, что слабый *ь* в форме *пальца* сохранялся дольше, чем в *чьто*, так как в первом слове *ь* поддерживался формой *пальць* (с сильным *ь* перед *-ць*), а во втором (перед ударным слогом *-то*) сильным никогда не был[2].

Написание букв для обозначения гласных полного образования на месте букв для выражения сильных редуцированных в памятниках древнерусского языка наблюдается со второй половины XII в. и, особенно, с XIII в. (например, *гривенъ* из *гривьнъ* в Смоленской грамоте 1229 г.). Таким образом, превращение сильных редуцированных в гласные полного образования относится к н а ч а л у письменного периода восточнославянской языковой истории и продолжалось не один век.

Можно полагать, что падение редуцированных происходило не одновременно в разных восточнославянских диалектах. На эту мысль наводят данные Новгородской I летописи. В древнейшей части ее Синодального списка (XIII — начало XIV в) буквы для обозначения сильных редуцированных гласных употребляются достаточно правильно, и это указывает на то, что на севере и северо-западе (может быть, не везде) редуцированные сохранялись еще в XIII в., тогда как на юге они в это время исчезали.

---

[1] См.: *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка, с. 111; ср.: *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка, с. 179.

[2] См.: *Фалев И. А.* О редуцированных гласных в древнерусском языке.— В кн.: Язык и литература, т. 2, вып. 1, Л., 1927.

ЗАВЕРШЕНИЕ РАЗВИТИЯ ПЕРВОГО ПОЛНОГЛАСИЯ

Вторичные гласные в сочетаниях первого полногласия долго оставались гласными неполного образования. Можно думать, что их превращение в *о* и *е*, т. е. появление сочетаний *оро*, *ере*, *оло*, *ело* между согласными, относится в основном к тому же времени, что и падение исконных древнерусских редуцированных фонем *ъ* и *ь*.

В украинском языке исконные древнерусские *о* и *е* в слогах, оказавшихся закрытыми после падения редуцированных (см. с. 74), превратились в *i*; тогда как *о* и *е*, возникшие из редуцированных фонем *ъ* и *ь*, сохранились как *о* и *е* [ср.: *ніс* из *носъ* (при *носом*), *лід* из *ледъ* (при *льоду)*, но *сон* из *сънъ*, *темно* из *тьмьно*]. Если бы вторичные гласные в сочетаниях первого полногласия в период падения редуцированных фонем *ъ* и *ь* были уже гласными полного образования, то они у предков украинцев в закрытых слогах давали бы *i*. Однако по-украински в этих случаях вторичные гласные обычно звучат как *о* и *е* (ср.: *голос*, *берег*, *мороз)*, т. е. ведут себя так же, как *о* и *е*, развившиеся из редуцированных фонем *ъ* и *ь*. Следовательно, в древнерусском языке до падения исконных редуцированных вторичные гласные были все еще звуками неполного образования.

Правда, в украинском языке встречаются случаи, когда второй гласный в сочетаниях первого полногласия, оказываясь в закрытом слоге, превращается в *i*, т. е. ведет себя подобно исконному нередуцированному гласному (ср.: *голівка*, *борідка*, *голів* — род. п. мн. ч., *поріг*), а в памятниках древнерусской письменности, не отразивших (или почти не отразивших) падения редуцированных, встречаются обычно сочетания первого полногласия *оро*, *ере*, *оло*, *ело* (а не *оръ*, *ерь*, *олъ*, *елъ)*[1]. Это позволяет думать, что если не во всех, то в каких-то случаях вторичные гласные в сочетаниях первого полногласия из звуков неполного образования превращались в звуки полного образования *о* и *е* все же несколько раньше, чем редуцированные фонемы *ъ* и *ь* в сильной позиции превратились в *о* и *е*. В частности, есть основания считать, что раньше вторичные гласные стали гласными полного образования в тех случаях, когда

[1] Но интересен в Синайской псалтыри (по списку XI в.) случай *золъта* (а не *золота*), который Б. М. Ляпунов считал отражением древнерусского произношения XI в.

полногласие развилось из дифтонгических сочетаний, приобретших новые восходящие ударения вместо старых нисходящих. По наблюдениям Л. А. Булаховского, украинские сочетания первого полногласия с *і* в закрытом слоге обычны там, где были дифтонгические сочетания с новыми восходящими ударениями[1]. Следует заметить, что возникновение *і* в закрытом слоге на месте вторичного гласного в сочетаниях первого полногласия (ср.: *борона — борін, голова — голівка*) надо рассматривать как одно из проявлений начавшегося обособления диалектов будущего украинского языка.

Поскольку вторичные гласные в сочетаниях первого полногласия долгое время по звучанию оставались близкими или подобными редуцированным фонемам *ъ* и *ь*, а в дальнейшем вели себя как редуцированные *ъ* и *ь* в сильной позиции и, по-видимому, сходно с ними превращались в *о* и *е*, то надо предполагать связь между развитием полногласных сочетаний *orъ, erь, olъ, elъ* в *оро, ере, оло, ело* и переходом исконных древнерусских редуцированных фонем *ъ* и *ь* в *о* и *е*.

Возникает вопрос: почему вторичные гласные в сочетаниях первого полногласия на определенном этапе своего развития уподоблялись сильным редуцированным, но никогда не становились слабыми и не утрачивались? Например, почему **zolъto* (из **zolto*) дало *золото*, а не восстановление праформы *золто*, хотя вторичный гласный стоял перед слогом с гласным полного образования *о* и, казалось бы, находился в слабой позиции? Видимо (как полагает, например, А. М. Селищев), вторичные гласные усиливались за счет сокращения долготы утративших слогообразующие свойства плавных *r* и *l*. Причем, возможно, усилению этих вторичных гласных способствовало то, что они во многих случаях принимали на себя ударение или оказывались перед слогом со слабым редуцированным (ср.: *коро́ва* из **korъva*, *го́лос* из **golъsъ*, *берег* из **berьgъ*).

После падения редуцированных вторичные гласные в сочетаниях первого полногласия выполняли уже смысло-

---

[1] Подробнее об истории вторичных гласных в сочетаниях первого полногласия см. в кн.: *Бузук П.* Нарис історії української мови, с. 32; *Ильинский Г. А.* Праславянская грамматика. Нежин, 1916, с. 128 и сл.; *Селищев А. М.* Старославянский язык, ч. 1, с. 169—170; *Очерки* по сравнительной грамматике восточнославянских языков, с. 39.

различительную функцию, т. е. представляли собой фонемы. Так, например, если слова *гърдъ* и **gorъdъ*, *вълкъ* и **volъkъ* до падения редуцированных различались прежде всего фонемами *ъ* и *о* перед плавными согласными, то после падения редуцированных эти слова превратились в *горд* и *город*, *волк* и *волок* и стали различаться только отсутствием или наличием *о* после плавных.

ВАЖНЕЙШИЕ СЛЕДСТВИЯ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ

Падение редуцированных привело к перестройке всей системы древнерусского языка.

Существенные изменения произошли в с т р у к т у р е с л о г а и с л о в а:

1. В результате утраты слабых редуцированных перераспределились звуки по слогам в соответствующих словах, сократилось количество слогов, появились закрытые слоги (следовательно, нарушился закон открытого слога). Например, *пътеньць (пъ-те-нь-ць)* до падения редуцированных состояло из четырех открытых слогов; после падения редуцированных это слово стало двухсложным *(пте-нец)*, причем второй слог *(-нец)* оказался закрытым. Отсюда ясно, что падение редуцированных как проявление тенденции к выравниванию гласных по долготе было в противоречии с законом открытого слога и протекало в условиях борьбы с ним. В одних древнерусских диалектах эта борьба завершилась, видимо, раньше, в других — позднее. Поэтому падение редуцированных в различных диалектах закончилось неодновременно.

2. После утраты слабых редуцированных, представлявших собой окончания, стали обычными очень многие слова без окончаний [*стол* из *стол-ъ*, *писал* из *писал-ъ*, *край* из *краи* (из **krajь*), *нож* из *ножь* и др.]. Раньше такие слова были единичны (*кры* — 'кровь', *любы* — 'любовь' и т. п.), да и они имели на конце не согласный, а гласный.

Изменения в системе г л а с н ы х:

1. На месте старых чередований слабых редуцированных с сильными возникли чередования гласных *о* и *е* с нулем звука, т. е. появились так называемые беглые гласные [*орёл — орла* из *орьлъ — орьла*, *сотня — сотен* из *сътьня — сътьнъ*, *суд'я* (и лишь в написании *судья*) — *судей* из *судия — судии* и др.]. Причем иной раз беглые гласные

в силу аналогии появились и там, где гласные редуцированными не были или отсутствовали (*ров — рва* из *ровъ — рова*, *камень — камня* из *камень — камене*, *доска— досок* из *дъскъ*, *Египет — Египта* из *Егюптъ* и др.).

2. После утраты слабого *ъ* стоявший после него *и* ассимилятивно изменялся в *ы*, так как перед ним оказывался твердый согласный (*подъимати* > *подымать*, *над истъбою* > *над ызбою* и др.)[1].

3. В южных диалектах древнерусского языка (потом ставших украинскими) исконные *о* и *е* в закрытых слогах (возникших после падения редуцированных), оказавшись дифтонгизированными, стали превращаться в *і* [ср.: укр. *сіль* из *соль* (при род. п. *солі*), *осінь* из *осень* (при род. п. *осені*)][2]. В этом нашли свое проявление тенденции к обособлению украинского языка.

Изменения в системе согласных:

1. После выпадения слабых редуцированных стали происходить разного рода изменения в группах оказавшихся рядом согласных, направленные на упрощение произношения (глухие согласные стали озвончаться перед звонкими, звонкие — оглушаться перед глухими, твердые — смягчаться перед мягкими, мягкие — отвердевать перед твердыми, свистящие — уподобляться следующим за ними шипящим, некоторые согласные стали опускаться в произношении и т. д.) [*сьдесь* превратилось в *здесь*, *близъко* — в *блиско* (в произношении), *сънести* — в *снести* (с мягким начальным *с*), *льгъко* — в *лехко* (в произношении)[3], *съжали* — в *жжали* (в произношении), *сьрдьце* — в *серце* (в произношении), *чьстьныи* — в *чесной* (в произношении) и т. п. (см. также об изменениях групп *плск* и *крст* на с. 69).

2. После утраты конечных слабых редуцированных стоявшие перед ними звонкие согласные, кроме сонорных, стали оглушаться (в произношении *дубъ* превратилось в *дуп*, *порогъ* — в *порок* и т. д.). Оказываясь на конце, *л*, не имевший соответствия в ряду глухих согласных, отпадал в глагольных формах, если перед ним стоял согласный

---

[1] Так объясняют этот процесс П. Я. Черных, П. С. Кузнецов и др.

[2] Не исключено, что дифтонгизация началась еще после ослабления редуцированных в определенных позициях.

[3] Чаще получались ассимилятивные изменения групп согласных, но иногда возникала и диссимиляция, как в случае *лехко* (*гък* > *гк* > *кк* > *хк*).

[*привыклъ* превратилось в *привык* (ср. *привыкла*), *паслъ* — в *пас* (ср. *пасли*) и т. д.].

3. В связи с тем, что в ряде говоров будущего русского (великорусского) языка звонкие *в* и *в'* стали оглушаться на конце слов и перед глухими согласными, в этих говорах возникли звуки *ф* и *ф'* как варианты фонем *в* и *в'* (*моркофка* < *мъркъвъка*, *улоф* < *уловъ*, *кроф'* < *кръвь* и др.). А в заимствованных словах в этих же говорах *ф* и *ф'* стали чаще сохраняться как самостоятельные фонемы (*фунт*, *тафта*, *философ* и др.)[1].

4. Поскольку звонкость — глухость произношения согласного стала зависеть от положения в слове, эти качества согласного уже не могли быть всегда достаточным средством смыслоразличения (например, *мог* от *мочь* и *мок* от *мокнуть* произносятся одинаково)[2].

5. Наоборот, мягкость — твердость произношения согласного стала одним из обычных средств смыслоразличения, тогда как до падения редуцированных эти качества согласного были преимущественно позиционными, определялись качеством стоявшего за ним гласного. Например, до падения редуцированных *былъ* отличалось от *быль* гласным *ъ* и *ь*, с утратой же этих редуцированных указанные слова стали различаться только качеством (твердостью — мягкостью) *л*[3].

6. В тех случаях, когда мягкость — твердость произношения согласного не влияла на смысл, мягкие согласные после падения редуцированных во многих случаях стали отвердевать (например, из *дьньмь* получилось *днём* — с отвердевшими *д* и *м*). В юго-западных древнерусских говорах стали отвердевать все конечные губные согласные. И это

---

[1] Как самостоятельные фонемы *ф* и *ф'* до сих пор у восточных славян встречаются лишь в заимствованных из других языков словах и морфемах. А в тех восточнославянских диалектах, где *в* и *в'* не стали оглушаться, и в заимствованных словах *ф* и *ф'* продолжают заменять иными согласными (*Хвилипп* вместо *Филипп*, *понарь* вместо *фонарь*, *Хома* вместо *Фома* и др.).

[2] Впрочем, в говорах будущего украинского языка позиционное озвончение — оглушение согласных было или очень слабым, часто непоследовательным, или же вовсе отсутствовало. Поэтому смыслоразличительная роль глухости — звонкости согласных в той или иной мере сохранилась. В этом сказалось начавшееся обособление украинских говоров в самостоятельный язык.

[3] Но все же надо помнить, что в ряде случаев мягкость — твердость произношения согласного служила для смыслоразличения и до падения редуцированных.

было еще одной из особенностей складывавшихся украинского и белорусского языков (ср.: белорусск. *сем*, укр. *степ*), так как в большинстве говоров русского (великорусского) языка конечные губные согласные, в прошлом стоявшие перед слабым *ь*, остались мягкими. Исключение в этих говорах составляло лишь отвердение (*-мь* > *-м*) окончаний творительного падежа единственного числа (*днём*, *столом* и др.).

7. В результате утраты слабых редуцированных стали возможны такие сочетания согласных, как *тл*, *дл*, согласный перед *j*, *гт* или *кт* перед гласным переднего ряда и др., которые раньше были недопустимыми и всегда подвергались тем или иным изменениям [*стат'jа* (в написании *статья*) из *статию*, *когти* из *когъти*, *метла* из *метьла* и др.][1].

Изменения в сочетаниях гласных с сонорными:

1. В результате утраты слабых редуцированных и прояснения сильных или из-за вставки *о* и *е* стали возможны такие сочетания гласных с сонорными на конце слова или перед согласным, как *ом*, *ем*, *он*, *ен*, *ор*, *ер*, *ел* и др., которые раньше подвергались по закону открытого слога различным изменениям (*полк* из *пълкъ*, *мертв* из *мьртвъ*, *полка* из *полъка*; *огонь* из *огнь*, *сосенка* из *соснъка* или *сосънъка*, *сосьнъка* и др.).

2. Падение редуцированных привело к тому, что с сочетаниями первого полногласия *оро*, *ере*, *оло*, *ело* (из *or*, *er*, *ol*, *el* между согласными) совпали, главным образом на северо-западе Древней Руси, сочетания иного происхождения — развившиеся из *ър*, *ьр*, *ъл*, *ьл* между согласными, так как они в некоторых диалектах превращались не в *ор*, *ер*, *ол*, *ел*, как полагалось бы по общим нормам падения редуцированных, а в *оро*, *оло*, *ере*, *ело*, именуемые (вслед за А. А. Потебней) сочетаниями второго полногласия. Например, из *кърмъ*, *сьрпъ*, *хълмъ*, *чьлнъ* в северо-западных древнерусских говорах получилось *кором*, *сереп*, *холом*, *челон*, тогда как в других — *корм*, *серп*, *холм*, *чёлн*. В некоторых словах сочетания второго полногласия распространились у восточных славян не только

[1] В говорах обособлявшихся украинского и белорусского языков сочетания переднеязычных согласных с *j* не удержались, стали преобразовываться в удвоенные согласные (ср. укр. *життя* вместо *житиѥ* при обычном русском произношении [жыт'jо] из *житиѥ*).

на их северо-западе, но и в других районах (ср.: совр. русск. *верёвка* из *вьрвъка*, *полость* из *пълсть*, *остолоп* из *остълпъ*).

О причинах развития второго полногласия в науке нет единого мнения. Одни ученые полагают, что возникновение второго полногласия, т. е. превращение *ър*, *ьр*, *ъл*, *ьл* между согласными в *ъръ*, *ьрь*, *ълъ*, *ьль*, относится к дописьменному времени и объясняется теми же причинами, что и появление первого полногласия[1]. В подтверждение этого вывода нередко указывается, что в ранних памятниках древнерусской письменности, главным образом в северо-западных, многочисленны случаи написания *ъръ*, *ьрь*, *ълъ*, *ьлъ* между согласными вместо *ър*, *ьр*, *ъл*, *ьл* (например, *жьрьтву*, *скъръбь*, *стълъпъ*, *пълънъ* в Новгородских служебных минеях). Ко времени падения редуцированных, по мнению сторонников этой точки зрения, в сочетаниях второго полногласия *ъ* и *ь* перед плавными сохраняли качество сильных редуцированных (возникшее ранее), а после плавных в одних говорах были подобны *ъ* и *ь* в сочетаниях первого полногласия, тогда как в других говорах могли быть сильными и слабыми, но слабые *ъ* и *ь* оказывали аналогическое воздействие на сильные *ъ* и *ь* и мешали их превращению в *о* и *е*. Так объясняют, почему в одних говорах возникли формы второго полногласия *оро*, *ере*, *оло*, *ело*, а в других не возникли (если не считать исключений).

Другие ученые рассуждают в основном так же, но считают, что второе полногласие было особенностью преимущественно северо-западных диалектов древнерусского языка и что позднее некоторые слова с сочетаниями второго полногласия проникли в иные диалекты в результате междиалектного взаимовлияния и миграций населения[2].

Есть также ученые[3], которые думают, что сочетания *ър*, *ьр*, *ъл*, *ьл* между согласными утратили слоговость плавных лишь в результате падения редуцирован-

---

[1] См.: *Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка, с. 154—159.

[2] См.: *Ляпунов Б. М.* Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летописи, вып. 1. Спб., 1899, с. 255—256; *Гринкова Н. П.* О случаях второго полногласия в северо-западных диалектах.— «Труды Ин-та русского языка АН СССР», 1950, т. 2, с. 211—227.

[3] См.: *Шахматов А. А.* К истории звуков русского языка, с. 280—318; *Сидоров В. Н.* Редуцированные гласные *ъ* и *ь* в древнерусском языке XI в., с. 190—219.

ных, т. е. процесса, прекратившего действие закона открытого слога. Причем в некоторых случаях, главным образом в северо-западных диалектах древнерусского языка, после утративших слоговость (а с нею и долготу звучания) плавных возникли вставные гласные *о* или *е*, соответствующие *о* или *е* перед плавными, и следовательно, возникли сочетания второго полногласия *оро*, *ере*, *оло*, *ело*. Написания *ъръ*, *ьръ*, *ълъ*, *ьлъ* между согласными (вместо *ър*, *ьр*, *ъл*, *ьл*) в ранних древнерусских памятниках эти ученые считают искусственными (призванными обозначать слоговость плавных или возникшими под влиянием старославянских написаний; см. с. 177).

Наконец, можно думать, что утрата слоговости плавными в сочетаниях *ър*, *ьр*, *ъл*, *ьл* между согласными в большинстве древнерусских говоров произошла не раньше падения редуцированных, тогда как в некоторых говорах, главным образом северо-западных, завершилась уже до начала падения редуцированных, так как оно здесь тормозилось действием закона открытого слога. Это и обусловило в соответствующих говорах превращение *ър*, *ьр*, *ъл*, *ьл* между согласными в *ъръ*, *ьрь*, *ълъ*, *ьлъ*, подобно тому как в свое время сочетания *or*, *er*, *ol*, *el* между согласными превращались в *orъ*, *erь*, *olъ*, *elь*. Новые сочетания *ъръ*, *ьрь*, *ълъ*, *ьлъ* между согласными с падением редуцированных превращались в *оро*, *ере*, *оло*, *ело* (т. е. уподоблялись сочетаниям первого полногласия), так как *ъ* и *ь* перед плавными, видимо, сохраняли возникшее ранее качество сильных редуцированных, а *ъ* и *ь* после плавных вели себя так же, как *ъ* и *ь* в сочетаниях первого полногласия.

УТРАТА НЕУДАРНОГО *и* В КОНЦЕ СЛОВ

Неударный звук *и* в конце слов стал исчезать из-за ослабления его произношения в данном положении. Преимущественно это сказалось на глагольных формах инфинитива, 2-го лица единственного числа изъявительного и повелительного наклонений (см. с. 123, 128, 142) и лишь в некоторых случаях — на формах других частей речи [*ходити* превратилось в *ходить*, *видиши* — в *видишь*, *остави* — в *оставь*, *мати* (им. п.) — в *мать*, *домови* (дат. п.) — в *домовь* и затем в *домой* и т. д.]. Процесс этот, очевидно, начался после падения редуцированных и протекал

медленно, непоследовательно, так как нарушался влиянием различных аналогий (ср.: русск. *помни*, укр. *мати* — 'мать'). В области инфинитивов он почти не затронул диалекты складывавшегося украинского языка (ср.: укр. *ходити, бачити, розуміти*)[1].

СУДЬБА ѣ

Во многих говорах складывавшихся русского (великорусского) и белорусского языков ѣ в силу утраты долготы не мог сохранить старых артикуляционных качеств и постепенно превратился в *е* (ср.: совр. русск. *лес* из *лѣсъ*, *лень* из *лѣнь*). В других древнерусских говорах ѣ совпал не с *е*, а с *и*. Так получилось в большинстве будущих украинских говоров, в новгородских и (в определенных положениях) в некоторых иных северных говорах (ср. укр. *місто* и новг. *мисто* из *мѣсто*). Однако в некоторых украинских, белорусских и (в определенных случаях) в некоторых севернорусских (северновеликорусских) говорах ѣ, не совпав ни с *е*, ни с *и*, до сих пор звучит как дифтонг *ие* или как напряженный (закрытый) *ê*, близко к *и*[2], т. е. близко к своему первоначальному древнерусскому звучанию [ср.: в полесских (украинских) и вологодско-кировских (русских) говорах *хлиеб*, *тиело* из *хлѣбъ*, *тѣло* и др., в говорах северного Поморья *вêра*, *сêн'и* и др.].

В разных восточнославянских говорах указанные изменения ѣ начались не одновременно. Так, судя по памятни-

---

[1] Подобно *и* в ряде случаев утрачивались и другие конечные гласные (*аже* > *аж*, *бы* > *б*, *ся* > *с'*, *тако* > *так*, *тамо* > *там* и т. д.).

[2] Детали изменения ѣ неясны, так как не вполне установлены его первоначальные древнерусские артикуляции. Но то, что указанные изменения ѣ были следствием сокращения его длительности, достаточно ясно: 1) если верно, что первоначально в древнерусском языке ѣ был долгим монофтонгом $\bar{\hat{e}}$, то дифтонгизация его в *ие* может быть объяснена лишь как следствие замены долготы и как одна из ступеней превращения в нормально краткие *и* или *е*; 2) если же правы те ученые, которые полагают, что первоначально в древнерусском языке ѣ представлял собой дифтонг *ие* (со второй слоговой частью, что в праславянское время отличало его от прочих дифтонгов, у которых вторая часть неслоговая), то утрата этим дифтонгом первого или второго элемента (т. е. превращение в *и* или *е*) было опять-таки не чем иным, как следствием сокращения долготы.

кам письменности, в смоленских говорах совпадение ѣ с *е* имело место уже в начале XIII в., а в московском говоре — лишь после XIV в., изменение ѣ в *и* в новгородских говорах относится, вероятно, к концу XIII — началу XIV в.[1], а в южных говорах происходило, может быть, уже в конце XI в.[2] О неодновременности изменения ѣ в разных местах свидетельствуют и особенности ёканья.

РАЗВИТИЕ ЁКАНЬЯ

Ёканьем называют произношение *о* вместо *е* (в том числе и вместо *е* из *ь*) после мягких согласных, после шипящих и *ц* перед следующим твердым согласным или в конце слова. В современных русском (великорусском) и белорусском языках под ударением такое произношение представляет собой литературную норму [ср.: русск. *н'ос* (пишут *нес*, *нёс*) из *неслъ*, *жог* (пишут *жег* и *жёг*) из *жьглъ*, *отцом* из *отьцьмь*, *лицо* из *лице;* белорусск. *јомка* (пишут *ёмка)* из *јьмъко*, *в'оска* (пишут *вёска* —'деревня') из *вьсъка*, *быц'ц'о* (пишут *быццё*) из *бытије*].

Многим северным русским (великорусским) говорам ёканье свойственно в предударных и заударных слогах *(н'осý* из *несу*, *жонá* из *жена*, *јомý* из *ѥму*, *м'ел'ом* из *мелемъ*, *сп'úт'о* из *съпите* и др.). В украинском языке ёканье известно независимо от ударения, но в большинстве говоров и в литературной речи наблюдается только после шипящих, *ц*, *ј* и *л* в середине слова (например, в украинской орфографии *жóвтий* — 'желтый', *чоловiк*, *цьогó* — 'этого', *йогó* — *'его'*, *льон*, *нальотý)*.

Итак, ёканье свойственно всем восточным славянам, но в каждом из трех языков имеет свои особенности (в том числе и диалектные). Следовательно, надо думать, что ёканье зародилось в древнерусском языке, а окончательно

---

[1] Правда, в новгородской письменности есть единичные спорные случаи замены ѣ на *и* и в памятниках XI в. [например, *стину* (вместо *стѣну*), *звири* (вместо *звѣри*)]. Но это объясняют или как описки, или как показатель того, что соответствующий памятник не является чисто новгородским (см.: *Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка, с. 201; *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка, с. 128).

[2] См.: *Тимченко Е.* Курс історії україньского язика, с. 117—119; *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка, с. 126—128.

развилось уже в период обособления русского (великорусского), украинского и белорусского языков.

Однако в древнерусском языке в дописьменный период оно, вероятно, еще отсутствовало. Ведь тогда была сильна тенденция к внутрислоговому сингармонизму звуков, проявляясь, в частности, в смягчении полумягких согласных перед гласными переднего ряда и в лабиализации твердых согласных перед гласными непереднего ряда. Даже и во время падения редуцированных, т. е. в начале письменного периода, эта тенденция проявилась, например, в замене *и* на *ы*, когда *и* попадал в позицию после твердого согласного. А ёканье, представляя собой замену гласного переднего ряда *е* на гласный заднего ряда *о* после мягких согласных, нарушало внутрислоговой сингармонизм и, следовательно, могло возникнуть лишь при ослаблении его роли.

Если же предположить, что ёканье стало развиваться сначала только после полумягких согласных (до их полного смягчения перед *е*, т. е. еще в дописьменное время), то, конечно, ёканье будет меньше противоречить тенденции к внутрислоговому сингармонизму. Но тогда будет совершенно непонятной мягкость былых полумягких согласных перед *о*, заменившим *е*: полумягкие согласные, оказавшись перед *о*, должны были бы не смягчаться, а отвердевать, подчиняясь тенденции к внутрислоговому сингармонизму (например, из *везлъ* получилось бы сначала *возлъ*, потом *воз*, а не *в'оз* — 'вёз').

Таким образом, ёканье стало развиваться, скорее всего, в начале письменного периода истории древнерусского языка[1]. Памятники древнерусской письменности подтверждают это. В самых ранних из них есть лишь единичные случаи написания *о* вместо *е* после мягких (шипящих) согласных перед твердыми (*чоловѣка* — Изборник Святослава 1073 г.; *жона* — Изборник Святослава 1076 г.; *ничосо* — «Слово» Григория Богослова). В более поздних памятниках подобные написания встречаются значительно чаще. Появляются, правда редко, написания *о* вместо *е* даже после неисконно мягких согласных (например, *от потра* — 'от Петра', *к ному* — 'к нему' — новгородская берестяная грамота; *лѣзомъ* — 'лезем' — Переяславль-Залесский суд-

[1] Но есть мнения и о большей древности ёканья (см.: *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 184—202).

ный список; *кростом* — 'крестом' — купчая Троице-Сергиева монастыря)[1].

Ёканье в древнерусском языке развивалось постепенно. Некоторые ученые (А. А. Шахматов, Л. П. Якубинский и др.) различают два этапа в этом процессе. На первом этапе изменялось *е* в *о* только после исконно мягких согласных (после шипящих, *ц*, *j*), и именно эти изменения, отраженные в наиболее ранних памятниках древнерусской письменности, оказываются общими у всех восточных славян. На втором этапе *е* изменялось в *о* и после остальных мягких согласных, это явление распространилось преимущественно лишь в говорах будущих русского (великорусского) и белорусского языков.

На завершение развития ёканья к XV—XVI вв. (в разных диалектах неодновременно) указывают следующие обстоятельства:

1. Не перешло в *о* то *е*, которое во многих древнерусских говорах возникло из *ѣ*. Следовательно, во время превращения *ѣ* в *е* в этих говорах ёканье уже не развивалось. Только в отдельных из них, например в Поветлужье, ёканье появилось и на месте предударного *ѣ* (по-видимому, здесь очень рано совпавшего с *е*). Да еще кое-где (например, в Москве) отдельные слова по аналогии стали произносить с *о* на месте *ѣ* (*гнёзда*, *звёзды*, *сёдла*, *вёдра* и др.).

2. В русском (великорусском) языке ёканье перед отвердевшими шипящими нерегулярно, а в белорусском языке оно перед этими звуками вообще отсутствует (ср.: русск. *грабёж*, но *головешка;* белорусск. *адзежа*). В обоих языках нет ёканья перед отвердевшим *ц*' (ср.: русск. *огурец*, *молодец*, *кузнец;* белорусск. *айцец* — 'отец', *маладзец*). Значит, в говорах складывавшихся русского (великорусского) и белорусского языков ёканье развивалось до отвердения шипящих или во время их отвердения, но до отвердения *ц*' (см. с. 86—87).

Перед твердыми согласными ёканье развилось потому, что они в древнерусском языке были лабиализованными

---

[1] Малочисленность подобных написаний, конечно, не свидетельствует о том, что ёканье после неисконно мягких согласных было в древнерусском языке редким явлением. Просто эти написания слишком искажали слова и поэтому использовались мало. Писцы предпочитали не обозначать ёканье после неисконно мягких согласных. Буквы *ё* в их распоряжении еще не было; она введена в употребление Н. М. Карамзиным в конце XVIII в.

и оказали ассимилятивное воздействие на предшествующий *е* (разного происхождения), лабиализировав его в *о*. Из сказанного ясно, что это воздействие было неодинаковым в разных говорах древнерусского языка.

Ёканье на конце слов надо объяснить причинами аналогического воздействия. Во-первых, тут сказалось то, что в середине слова стал возможен *о* после мягких согласных, а во-вторых, повлияли слова, которые имели на конце *о* после твердого согласного (например, *лицо* из *лице*, *хорошо* из *хороше* — как *окно*, *тепло*).

Правда, в ряде случаев ёканье обнаруживается и там, где не было вышеуказанных причин, или, наоборот, не встречается там, где причины были. Но это объясняется воздействием какой-либо аналогии: или слишком поздним отвердением согласного после *е* в соответствующем слове, или иноязычным происхождением слова. Например: 1) *идёте* (с заменой *е* на *о* перед мягким *т*) — как *идёт* (где *т* твердый), *лестно* (без замены *е* на *о* перед твердым *с*) — как *лесть* (где группа *ст* мягкая); 2) *полезный* (без перехода *е* в *о* перед твердым *з*), так как *з* в этом слове когда-то был перед *ь* (*польѕьно*) и долго сохранял мягкость; 3) *верх*, *первый*, *держит*, *сердце* (без перехода *е* в *о* перед твердым *р*), так как *р* когда-то в сочетании *ьр* между согласными произносился мягко и в ряде слов отвердел очень поздно (ср.: *чёрствый*, *вёрсты*, *твёрдый*); 4) *лев*, *небо*, *современный* (с *е* перед твердым согласным) являются заимствованными (первое слово — из латинского языка, остальные — из старославянского).

РАЗЗИТИЕ АКАНЬЯ

Аканьем у восточных славян называют очень сложное фонетическое явление, основная суть которого состоит в том, что в предударном слоге в соответствующих говорах звук *о* перестал отличаться от звука *а*. Произносят, например, не *сова́*, а *съва́* или *сава́* (как *тръва́* или *трава́*), не *сорву́*, а *сарву́* (как *скажу́*). Разновидностью аканья является яканье, т. е. употребление в предударном слоге *а* на месте любого гласного неверхнего подъема после мягкого согласного. В одних говорах яканье никак не обусловлено особенностями ударного слога, в других зависит от мягкости — твердости согласного, начинающего этот слог,

или же от подъема ударного гласного (*в'архо́м* — 'верхом', *в л'асу́* — 'в лесу', *м'аста́* — 'места', *н'ас'и́* — 'неси', *пр'ад'о́ш* — 'прядешь' и др.)[1].

При аканье гласные *а*, *о*, *е* в остальных неударных слогах звучат неотчетливо, как *ъ* или *ь*, потому что подвергаются позиционной редукции (*въдъваро́т* — 'водоворот' *п'ьр'ьгърад'и́лъ* — 'перегородила', *пръв'аду́т'* — 'проведут' и др.). Однако в начале слова и в конечном слоге вместо редуцированного звука может быть явственный звук *а* (*атапр'и́т'а* и *ътапр'и́т'ь* — 'отоприте', *шо́рах* и *шо́ръх* — 'шорох' и др.). Аканье без яканья свойственно русскому литературному произношению, а с яканьем — южному наречию и средневеликорусским говорам русского (великорусского) языка и белорусскому языку.

А. А. Шахматов предполагал, что первоначально аканье у восточных славян было отличительной диалектной чертой древних вятичей и возникло у них задолго до XIII в., но потом распространилось шире и в разных местах по-разному изменилось. Другие ученые (например, Р. И. Аванесов) считают, что аканье, поскольку оно сопровождается редукцией *а*, *о*, *е* в неударных слогах, не могло развиться раньше падения старых редуцированных *ъ*, *ь*, *ы*, *и*, и следовательно, появилось не раньше второй половины XII — начала XIII в. В памятниках древней письменности восточных славян аканье получило отражение с XIV в. [наиболее ранние случаи: *в апустѣвшии*, *прадающимъ* — Московское евангелие; *жалаше* — Евангелие из Переяславля-Залесского; *Алкерд* (вместо *Ольгерд*) — Смоленская грамота 1359 г.; *Маскву* — псковский Пролог; *понавляху*, *понавляюмъ* (при *поновляюмъ*) — «Слово» Кирилла Туровского; *Яронимъ* (вместо *Иеронимъ*) — Переяславль-Залесский судный список][2].

Причины появления аканья не выяснены; предлагаемые объяснения спорны, противоречивы или не поддаются про-

---

[1] См.: *Кузнецов П. С.* Русская диалектология, с. 52—56, 59—67.

[2] См.: *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 75—78; *Шахматов А. А.* Введение в курс истории русского языка, ч. 1, с. 51—54; *Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка, с. 187—193; *Аванесов Р. И.* Проблемы образования языка великорусской народности.— «Вопросы языкознания», 1955, № 5; *Карский Е. Ф.* Язык белорусского народа, вып. 1. М., 1955, с. 133—148, 179—186.

верке[1]. Развитие и распространение аканья в период распада древнерусского языка стало признаком, отличавшим складывавшийся белорусский язык и южное наречие формировавшегося русского (великорусского) языка от северного наречия этого языка и от обособлявшегося украинского языка.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЧЕТАНИЙ *гы, кы, хы* В *г'и, к'и, х'и*

Первоначально в древнерусском языке не было сочетаний *г'и*, *к'и*, *х'и*, так как *gi*, *ki*, *chi* общеславянского праязыка перешли в древнерусский язык как *ж'и*, *ч'и*, *ш'и* или *з'и* (*д'з'и*), *ц'и*, *с'и*. Исключения могли наблюдаться лишь в словах иноязычного происхождения, вроде попавших из греческого *гидра*, *ехидна*, *кит* и др. Однако со временем твердые *г*, *к*, *х* в положении перед *ы* стали утрачивать лабиализацию и в связи с этим из заднего ряда перемещались в средний, приближаясь к смягченным согласным, звук *ы* после них из среднего ряда перемещался в передний и сливался с *и*. Так возникли сочетания *г'и*, *к'и*, *х'и* с мягкими среднеязычными *г'*, *к'*, *х'* (например, *Кыевъ* превратилось в *Киев*, *погыбати* — в *погибать*, *хытрость* — в *хитрость*). Процесс этот начался на юге (в говорах будущих украинцев), судя по памятникам письменности, еще в XII в., постепенно распространяясь к северу, и можно полагать, что в северном Поморье он завершился не ранее XVI в.

ОТВЕРДЕНИЕ ШИПЯЩИХ И *ц'*

Шипящие и *ц'* в древнерусском языке, представляя собой результат смягчения согласных, первоначально были мягкими звуками. Однако в период распада древнерусского языка шипящие и *ц'* начали отвердевать. Дело в том, что в складывавшихся восточнославянских языках усиливалась смыслоразличительная роль мягкости — твердости произношения согласных, а мягкие шипящие и *ц'* никаким твердым шипящим и *ц* противопоставлены не были. Следовательно, их мягкость (т. е. их произношение с более высо-

---

[1] См. материалы дискуссии о времени и причинах возникновения аканья на страницах журнала «Вопросы языкознания» (1963, № 2; 1964, № 1, 4, 5; 1965, № 4).

кой и, значит, более трудоемкой, чем у твердых шипящих и *ц*, артикуляцией) была излишней (избыточной). Поэтому в современном русском литературном произношении *ж*, *ш* и *ц* слышатся всегда твердо (*мыш*, *шыл*, *шум*, *жыр*, *жук*, *жар*, *цэл*, *цап* и т. д.), и лишь орфография в определенных случаях указывает на былую их мягкость (*жир*, *шило*, *мышь*, *цел* и др.).

Однако процесс отвердения шипящих и *ц'* в языке русских (великорусов) не закончился до сих пор: в литературной речи и в большинстве говоров еще вполне сохраняют свою мягкость *щ'* (*ш'ч'*) и *ч'* (*чюдо*, хотя пишут *чудо*, *щи* и пр.), в некоторых говорах (например, в Горьковской и Ярославской областях) мягко произносят *ж'* и *ш'* (*служю*, *жяр*, *шюм*, *душя* и др.), в некоторых говорах, особенно цокающих, слышится мягко *ц'*(*цяс* — 'час', *улиця* и др.).

Памятники письменности указывают, что отвердение *ж'* и *ш'* в говорах складывавшегося русского (великорусского) языка имело место уже в XIV в. (*межы нас*, *от оспожына заговенья* — перемирная грамота Дмитрия Донского; *служыти*, *Шышкина дела*, *жырошкины деревни* — духовная грамота Дмитрия Донского). Отвердение *ц'*, судя по памятникам письменности, у будущих русских (великорусов) началось позднее, однако в московской речи XVI в. уже завершилось (так, в духовной грамоте Ивана Грозного встречаем *Троицы*, *волость Гуслицы*, а в «Домострое» — *ставцы*).

О времени отвердения шипящих и *ц'* дает возможность судить и развитие ёканья. В современном русском языке ёканье отсутствует перед отвердевшим *ц'*, но развилось (хотя и не во всех случаях) перед отвердевшими шипящими (*от'éц*, но *ид'óш* при *т'ёшеш* и др.). Следовательно, отвердение *ц'* в говорах складывавшегося русского (великорусского) языка завершилось позднее отвердения соответствующих шипящих. Но с другой стороны, поскольку ёканье в языках восточных славян развилось после шипящих, то, следовательно, в начальный период развития ёканья шипящие были еще мягкими.

В говорах складывавшихся украинского и белорусского языков отвердение шипящих и *ц'* имело свои особенности и дало несколько иные, чем в говорах будущего русского (великорусского) языка, результаты. Например, украинцы до сих пор в определенных случаях произносят мягко *ц'*, а *ч'* у белорусов и украинцев отвердел.

ИЗМЕНЕНИЕ *ж'д'ж'* И *ш'ч'*

В системе согласных древнерусского языка с дописьменных времен, как указывалось, были мягкие сложные шипящие согласные *ж'д'ж'* и *ш'ч'* (т. е. *ш'т'ш*), возникшие из сочетаний *zgj*, *zdj*, *skj*, *stj*, *zg'* и *sk'*. После падения редуцированных появились новые — *ж'д'ж'* и особенно *ш'ч'* (за счет выпадения слабых редуцированных в сочетаниях *съч'*, *зъч'*, *зъж'* и др.). Например, *изъжити* дало *иждж'ить* (через ступень *изжить*), *съчетъ* — *шчет* (через ступень *счет*) и т. д. Причем на письме *ш'ч'* обычно изображалось как *щ*, а *ж'д'ж'* — как *жд*, *жч*, *жг* (*дъжчь* — Ипатьевская летопись; *дъжгь* — Синодальный список Новгородской I летописи; *проеждяя* — «Повесть о разорении Рязани»; *щопы* — Никоновская летопись).

В период распада древнерусского языка эти сочетания в большинстве говоров будущего русского (великорусского) языка стали упрощаться. При этом *ж'д'ж'* в произношении обычно давало двойное мягкое *ж*, т. е. *ж'ж'*, а *ш'ч'* — двойное мягкое *ш*, т. е. *ш'ш'* (*еж'ж'у*, *иш'ш'у* и т. д.). В говорах же будущих украинского и белорусского языков *ж'д'ж'* и *ш'т'ш'* своих взрывных элементов не утратили, зато, как и прочие шипящие, перестали быть мягкими (ср.: укр. *під'їжджати* — 'подъезжать' и *щирий*[1] — 'искренний'; белорусск. *пад'яжджаць* — 'подъезжать' и *шчупак* — 'щука').

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОЗДНЕГО ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

С начала до середины II тысячелетия восточнославянская фонетическая система перестроилась во многих отношениях. Наиболее существенные сдвиги состояли в следующем:

1. Изменились артикуляции большинства гласных фонем: 1) в зависимости от диалекта *ѣ* преобразовался в *е*, *и* или в дифтонг *ие*; 2) у фонемы *е* возник вариант *о* перед твердым согласным и на конце слова (*н'есý* — *н'óс*, *т'окýт* — *т'éч'* и т. д.), причем употребление этого нового варианта в разных диалектах имело свои особенности; 3) у исконных фонем *е* и *о* в южных говорах появился позиционный вариант в виде *і* или дифтонга в закрытом слоге

[1] В украинской графике буквой *щ* передается звучание *шч*.

(несу — ніс, ходити — хід и т. д.); 4) редуцированные *ъ* и *ь* превратились в нередуцированные беглые *(сто — сот* вместо *съто — сътъ, дно — донце* вместо *дъно — дънце* и т. д.); 5) аканье — яканье распространилось, видимо, на все диалекты будущего южновеликорусского наречия и будущего белорусского языка, и в силу этого здесь у фонем *о* и *е* стали обычными неударные варианты *а* (или звуки, близкие к *а*), особенно в первом предударном слоге, а иногда в начале слова или в конечном слоге[1]; 6) фонема *и* после твердого согласного стала звучать как *ы (игра — сыграл* и т. д.); в южных говорах началось даже артикуляционное объединение *и* и *ы*, независимо от позиций, например, в парах *мил — мыл, пил — пыл* на месте *и* и *ы* оказался звук, средний между *и* и *ы*[2].

2. Изменились артикуляции ряда согласных фонем: 1) отвердели все или некоторые шипящие и *ц* (в разных диалектах не одинаково); 2) в ряде диалектов произошло упрощение сложных шипящих *ж'д'ж'* > *ж'ж'* и *ш'т'ш'* > *ш'ш' (щ')*[3]; 3) у заднеязычных фонем *г, к, х* в большинстве говоров появились мягкие варианты перед гласными переднего ряда *(нога — ног'и, рука — рук'и, муха — мух'и* и т. д.).

3. Число гласных фонем сократилось с девяти до восьми[4], так как *и* и *ы* стали вариантами одной фонемы или даже совпали в звучании. Да и восьмифонемная система гласных во всех диалектах оказалась в той или иной стадии преобразования в пятифонемную, потому что: 1) фонема *ѣ*, изменив артикуляции, в одних диалектах объединилась с фонемой *и*, в других позиционно совпала с *е* или *и* и, значит, начала сближаться с фонемами *и* или *е*; 2) небеглые фонемы *о* и *е* в некоторых случаях стали беглыми *(ров — рва* из *ровъ —*

---

[1] Диалектная позиционная редукция неударных гласных неверхнего подъема до *ъ* и *ь* типа *нъсавôj* — 'носовой' и *с'ьм'ана* — 'семена', вопреки мнению некоторых ученых, возникла, видимо, в дописьменное время — в связи с диалектными особенностями сокращения долгих гласных.

[2] Вероятно, это произошло к XIV в.

[3] Диалектное упрощение аффрикаты *д'ж'* в *ж'*, видимо, происходило в дописьменное время, но, может быть, относится и к письменному периоду.

[4] Если не брать в расчет одной частности — что в некоторых диалектах было на одну фонему больше, так как фонематическую значимость приобрело произношение *ô* или *ўо* (вместо *о*), возникшее под восходящим ударением *(ôсмь — осми́,* но *нôсъ — носъкы́)*,

рова, ремен' — *ремня* из *ремень* — *ремене* и т. д.); беглые фонемы *о* и *е*, наоборот, в некоторых случаях стали утрачивать беглость (*рот* — *роток* из *ротъ* — *ротъкъ*, *чест'* — *честил* из *чьсть* — *чьстилъ* и т. д.), а у фонемы *е* появился вариант *о* (*чту* — *поч'óт* — *пóчест'* из *чьту* — *почьтъ* — *почьсть*, *н'есу* — *н'ос* из *несу* — *неслъ* и т. д.),— значит, фонемы *о* и *е* стали объединяться; 3) в южных говорах небеглые фонемы *о* и *е* приобрели вариант *i* в закрытом слоге и, значит, стали сближаться с фонемой *i* < *ѣ*.

4. Количество согласных фонем увеличилось, так как былая позиционная мягкость согласных после падения редуцированных и развития ёканья в еще большем числе случаев, чем до этого, стала самостоятельным средством смыслоразличения (*вос* < *возъ* и *в'ос* < *везлъ*, *ряп* < *рябъ* и *ряп'* < *рябь*, *тóлку* < *тълку* и *т'óлку* < *телъку* и т. д.).

5. У глухих согласных фонем появились звонкие позиционные варианты, а у звонких — глухие (*кáтка* < *кадъка* и *кáтка* < *катъка*, *лук* < *лугъ* и *лук* < *лукъ*, *перемешка* < *перьмежька* и *перемешка* < *перьмѣшька* и т. д.).

6. Стали возможны такие сочетания звуков друг с другом, какие до падения редуцированных отсутствовали: *дл*, *тл*, *кт*, *гт* > *кт*, «согласный + *j*», *ор*, *ол*, *ер*, *ел* между согласными и *ор*, *ол* в начале слова перед согласными.

7. Усилилось межслоговое и ослабло внутрислоговое взаимодействие гласных и согласных в слове. Например, в случаях типа *в'осла* < *весла* и *л'огок* < *льгъкъ* начальные слоги состоят из мягкого согласного перед лабиализованным заднеязычным *о*, чего раньше не допускалось, а этот *о* заменил *е* или *ь* под воздействием согласного в следующем слоге.

8. В разных древнерусских диалектах фонетическая система приобрела заметные частные особенности, многие из которых возникли в связи с начавшимся обособлением русского (великорусского), украинского и белорусского языков, например: 1) изменение *е* > *о* перед твердым согласным и на конце слова независимо от ударения и от качества предшествующего мягкого согласного, сохранение мягкости *ч'*, упрощение *ж'д'ж'* > *ж'ж'* и *ш'т'ш'* > *ш'ш'*, переход *ыj* > *оj* и *иj* > *еj* (*мыjу* > *моjу*, *чиjи* = *чьjь* > *чеj* и т. д.) были признаками всех или многих будущих великорусских говоров; 2) чередование *о*—*i* и *е*—*i*, изменение *ѣ* > *i*, объединение артикуляций *и*—*ы*, неразвитость озвончения и оглушения согласных, позиционное сохранение мягкости *ц'*, сохранение неударных инфинитивных суф-

фиксов в виде *-ти* характеризовали многие южные (будущие украинские) говоры; 3) отсутствие перехода ударных *е* в *о* перед шипящими (*бярэш* < *береши* и т. д.) стали одной из особенностей обособлявшегося белорусского языка[1].

---

[1] К началу обособления белорусского языка надо относить также изменение *д* и *т*, смягченных перед гласными переднего ряда, в *д'з'* и *ц'* (*дѣти* > *д'з'ец'і* и т. д.) и отвердение *р* (*три* > *тры* и т. д.). Но эти особенности в западных говорах древнерусского языка появились, вероятно, уже в дописьменное время. Во всяком случае, нет убедительных доказательств более позднего возникновения указанных явлений.

МОРФОЛОГИЯ

Анализ форм словоизменения в древнерусской письменности и сравнительно-историческое изучение морфологии разных славянских языков (в их литературных и диалектных разновидностях) показывают, что морфологический строй древнерусского языка был в основном таким же, как и в развившихся на его основе русском (великорусском), украинском и белорусском языках. Однако говорить о тождестве морфологического строя современных восточнославянских языков и древнерусского языка нельзя. Важнейшие отличия древнерусского языка заключаются в следующем:

1. По особенностям падежных окончаний существительные были не трех типов (как, например, в современном русском), а пяти или шести (см. с. 94—95), падежей было семь, причем первые пять были такие же, как в современном русском языке. Шестой падеж первоначально не был еще предложным, так как существительные в этом падеже часто употреблялись без предлога[1] (например, *Родися Новѣгородѣ у Ярослава сынъ* в Синодальном списке Новгородской I летописи), а так как этот падеж очень часто слу-

[1] См.: *Топоров В. Н.* Локатив в славянских языках. М., 1961.

жил для обозначения обстоятельства места, то его принято называть местным. Седьмой падеж — звательный — служил для выражения грамматического обращения. Он имел особые формы лишь для существительных мужского и женского рода в единственном числе, а в остальных случаях не отличался от именительного (например, *Чему, господине, насильно вѣеши* в «Слове о полку Игореве»)[1]. Названия одушевленных предметов первоначально склонялись так же, как и названия неодушевленных предметов (см. с. 105) (ср.: совр. русск. *вижу столб, вижу быка*).

2. Чисел было три: единственное — для обозначения одного предмета, двойственное — для обозначения двух или парных предметов (например, *Лось рогомаболъ* в «Поучении» Владимира Мономаха) и множественное — для обозначения не менее чем трех предметов. Причем при склонении слов в двойственном числе всегда совпадали формы именительного падежа и винительного[2], дательного и творительного, родительного и местного. При спряжении у слов в двойственном числе совпадали формы 2-го и 3-го лица (судя по памятникам письменности).

3. Временны́х форм у глаголов было больше, чем в любом из современных восточнославянских языков (см. § 14). Первоначально было лишь в зачаточном состоянии морфологическое противопоставление глаголов совершенного и несовершенного вида, возвратные формы глаголов отсутствовали и, значит, не было морфологического способа выражения глагольных залогов с помощью возвратной частицы *-ся*.

Таким образом, морфологическая система древнерусского языка сохраняла заметные следы тех изменений, которые совершались в морфологическом строе общеславянского праязыка.

---

[1] Нередко звательный падеж называют не падежом, а звательной формой, так как он не выражал отношений существительного к другим словам в словосочетании (см.: *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1965, с. 190). Однако он мог иметь зависимые слова (см. с. 106) и не может быть исключен из системы склонения, значит, его допустимо считать падежом.

[2] Кроме форм именительного и винительного падежей местоимения 1-го лица (см. с. 106—107).

§ 10. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

ТИПЫ СКЛОНЕНИЯ И ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ

1. Существительные первого[1] типа склонялись в древнерусском языке по следующим образцам:

	ед. ч.		мн. ч.	
И.	*рыб-а*	*дол-я*	*рыб-ы*	*дол-ѣ*
Р.	*рыб-ы*	*дол-ѣ*	*рыб-ъ*	*дол-ь*
Д.	*рыб-ѣ*	*дол-и*	*рыб-амъ*	*дол-ямъ*
В.	*рыб-ѫ* (> *-у*)	*дол-ѭ* (> *-ю*)	*рыб-ы*	*дол-ѣ*
Т.	*рыб-оѭ* (> *-ою*)	*дол-еѭ* (> *-ею*)	*рыб-ами*	*дол-ями*
М.	*рыб-ѣ*	*дол-и*	*рыб-ахъ*	*дол-яхъ*
З.	*рыб-о*	*дол-е*		

	двойств. ч.	
И. — В.	*рыб-ѣ*	*дол-и*
Р. — М.	*рыб-у*	*дол-ю*
Д. — Т.	*рыб-ама*	*дол-яма*

Этот тип объединял существительные женского и мужского рода с окончаниями *-а*, *-я* в именительном падеже единственного числа, а также все слова женского рода, которые в этом падеже имели форму на *-и* (типа *рабыни*, *другыни*, *пустыни*[2]). Вариант склонения зависел от мягкости — твердости конечного согласного основы: если слово имело в именительном падеже единственного числа на конце основы твердый согласный, то оно склонялось по твердому варианту (как *рыба*), если мягкий согласный — то по мягкому варианту (как *доля*).

2. Существительные второго типа склонялись по следующим образцам:

	ед. ч.					
И.	*год-ъ*	*окън-о*	*кон-ь*	*краи*	*мор-е*	*усили-ѥ*
Р.	*год-а*	*окън-а*	*кон-я*	*кра-я*	*мор-я*	*усили-я*
Д.	*год-у*	*окън-у*	*кон-ю*	*кра-ю*	*мор-ю*	*усили-ю*
В.	*год-ъ*	*окън-о*	*кон-ь (-я)*	*краи*	*мор-е*	*усили-ѥ*
Т.	*год-ъмь*	*окън-ъмь*	*кон-емь*	*кра-имь*	*мор-ьмь*	*усили-имъ*
М.	*год-ѣ*	*окън-ѣ*	*кон-и*	*кра-и*	*мор-и*	*усили-и*
З.	*год-е*		*кон-ю*	*кра-ю*		

[1] Порядковое определение типов склонения у разных авторов отличается, так как не имеет принципиального значения.

[2] Предполагается, что эти формы раньше имели на конце *-а*, которое затем превратилось (в результате редукции) в *-и*; не следует смешивать их с формами каких-либо иных падежей (ср. *сынове мои и княгини моя* в духовной грамоте Ивана Калиты).

мн. ч.

И.	*год-и*	*окън-а*	*кон-и*	*кра-и*	*мор-я*	*усили-я*
Р.	*год-ъ*	*окън-ъ*	*кон-ь*	*краи*	*мор-ь*	*усилии*[1]
Д.	*год-омъ*	*окън-омъ*	*кон-емъ*	*кра-ѥмъ*	*мор-емъ*	*усили-ѥмъ*
В.	*год-ы*	*окън-а*	*кон-ѣ*	*кра-ѣ*	*мор-я*	*усили-я*
Т.	*год-ы*	*окън-ы*	*кон-и*	*кра-и*	*мор-и*	*усили-и*
М.	*год-ѣхъ*	*окън-ѣхъ*	*кон-ихъ*	*кра-ихъ*	*мор-ихъ*	*усили-ихъ*

двойств. ч.

И. — В.	*год-а*	*окън-ѣ*	*кон-я*	*кра-я*	*мор-и*	*усили-и*
Р. — М.	*год-у*	*окън-у*	*кон-ю*	*кра-ю*	*мор-ю*	*усили-ю*
Д. — Т.	*год-ома*	*окън-ома*	*кон-ема*	*кра-ѥма*	*мор-ема*	*усили-ѥма*

Так склонялось большинство существительных мужского и среднего рода, если они оканчивались в именительном падеже единственного числа на *-ъ* или *-ь* (в мужском роде) и на *-о* или *-е* (в среднем роде). Вариант склонения зависел от тех же причин, что и у существительных первого типа склонения.

3. Существительные третьего типа склонялись так:

ед. ч.		мн. ч.	двойств. ч.	
И.	*вьрх-ъ*	*вьрх-ове*	И. — В.	*вьрх-ы*
Р.	*вьрх-у*	*вьрх-овъ*	Р. — М.	*вьрх-ову*
Д.	*вьрх-ови*	*вьрх-ъмъ*	Д. — Т.	*вьрх-ъма*
В.	*вьрх-ъ*	*вьрх-ы*		
Т.	*вьрх-ъ ь*	*вьрх-ъми*		
М.	*вьрх-у*	*вьрх-ъхъ*		
З.	*вьрх-у*			

Так изменялись немногие существительные мужского рода с окончанием *-ъ* в именительном падеже единственного числа [их было меньше двадцати[2], важнейшие: *сынъ*, *медъ*, *полъ* (в значении ‘половина’), *вьрхъ*, *волъ*, *домъ*, *низъ*, *чинъ*, *миръ*]. Мягкого варианта в этом склонении не было.

4. Существительные четвертого типа склонялись по следующим образцам:

---

[1] Написание *и* после гласного (в соответствии с *ь* после согласных) в творительном падеже единственного числа и в родительном падеже множественного числа существительных мужского и среднего рода (мягкий вариант) объясняется тем, что *и* представляет собой редуцированный гласный, возникший из *jь*. До этого было, например, не *краимъ*, а **kraj-ьmь* (как *kon-ьmь*). Такого же происхождения *и* в формах именительного и винительного падежей единственного числа слова *краи* (<**krajь*).

[2] См.: *Шахматов А. А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 82—86.

	ед. ч.		мн. ч.	
И.	*тат-ь*	*плет-ь*	*тат-ие (-ье)*	*плет-и*
Р.	*тат-и*	*плет-и*	*тат-ии (-ьи)*	*плет-ии (-ьи)*
Д.	*тат-и*	*плет-и*	*тат-ьмъ*	*плет-ьмъ*
В.	*тат-ь (-я)*	*плет-ь*	*тат-и*	*плет-и*
Т.	*тат-ьмь*	*плет-иѭ (> -ию, -ью)*	*тат-ьми*	*плет-ьми*
М.	*тат-и*	*плет-и*	*тат-ьхъ*	*плет-ьхъ*
З.	*тат-и*	*плет-и*		

двойств. ч.

И. — В.	*тат-и*	*плет-и*
Р. — М.	*тат-ию (-ью)*	*плет-ию (-ью)*
И. — Т.	*тат-ьма*	*плет-ьма*

Так склонялись все существительные женского рода с окончанием *-ь* в именительном падеже единственного числа (типа *даль*, *кость*, *мышь*, *ночь*, *ръжь*, *рѣчь*, *сѣть*), а также многие аналогичные существительные мужского рода (*гвоздь*, *гость*, *гѫсь* > *гусь*, *звѣрь*, *зѧть* > *зять*, *медвѣдь*, *огнь*, *пѫть* > *путь*, *тьсть* и др.). Этот тип склонения не имел твердого варианта основ.

5. Существительные пятого типа склонялись по следующим образцам:

ед. ч.

И.	*камы*	*чудо*	*племѧ (> -я)*	*робѧ (> -я)*	*мати*
Р.	*камен-е*	*чудес-е*	*племен-е*	*робѧт-е* *(> -ят-е)*	*матер-е*
Д.	*камен-и*	*чудес-и*	*племен-и*	*робѧят-и* *(> -ят-и)*	*матер-и*
В.	*камен-ь*	*чудо*	*племѧ (> -я)*	*робѧ (> -я)*	*матер-ь*
Т.	*камен-ьмъ*	*чудес-ьмь*	*племен-ьмь*	*робѧт-ьмь* *(> -ят-ьмь)*	*матер-иѭ* *(> -ию, -ью)*
М.	*камен-е*	*чудес-е*	*племен-е*	*робѧт-е* *(> -ят-е)*	*матер-е*

мн. ч.

И.	*камен-е*	*чудес-а*	*племен-а*	*робѧт-а*	*матер-е*
Р.	*камен-ъ*	*чудес-ъ*	*племен-ъ*	*робѧт-ъ* *(> -ят-ъ)*	*матер-ъ*
Д.	*камен-ьмъ*	*чудес-ьмъ*	*племен-ьмъ*	*робѧт-ьмъ* *(> -ят-ьмъ)*	*матер-ьмъ*
В.	*камен-и*	*чудес-а*	*племен-а*	*робѧт-а* *(> -ят-а)*	*матер-и*
Т.	*камен-ьми*	*чудес-ы*	*племен-ы*	*робѧт-ы* *(> -ят-ы)*	*матер-ьми*
М.	*камен-ьхъ*	*чудес-ьхъ*	*племен-ьхъ*	*робѧт-ьхъ* *(> -ят-ьхъ)*	*матер-ьхъ*

двойств. ч.

И. — В.	*камен-и*	*чудес-ѣ (-и)*	*племен-ѣ (-и)*
Р. — М.	*камен-у*	*чудес-у*	*племен-у*
Д. — Т.	*камен-ьма*	*чудес-ьма*	*племен-ьма*

И. — В.	*робѧт-ѣ (-и)* [>*робят-ѣ (-и)*]	*матери*
Р. — М.	*робѧт-у* (>*робят-у*)	*матер-у*
Д. — Т.	*робѧт-ьма* (>*робят-ьма*)	*матер-ьма*

Этот тип имел три варианта склонения в зависимости от рода существительного: 1) по образцу *камы* склонялись существительные мужского рода, у которых основа оканчивалась на *-ен* во всех падежах (кроме им. п. ед. ч., где вместо *-ен* было *-ы*); по этому образцу склонялось и существительное *дьнь*, основа которого во всех падежах одинакова (*дьн-*); 2) по образцу *чудо*, *племѧ*, *робѧ* склонялись существительные среднего рода, основа которых во всех падежах (кроме им. и вин. п. ед. ч.) имела на конце *-ен*, *-ес*, *-ѧт* (>*-ят*), а в именительном и винительном падежах единственного числа оканчивалась на *-о* или *-ѧ* (>*-я*); 3) по образцу *мати* склонялось существительное женского рода *дъчи* (позднее превратилось в *дочь*); другие существительные этого варианта в древнерусском языке неизвестны.

Для данного типа существительных не установлена какая-либо особая форма звательного падежа.

6. Существительные ш е с т о г о типа склонялись следующим образом:

ед. ч.		мн. ч.	двойств. ч.	
И.	*букы*	*букъв-е*	И. — В.	*букъв-и*
Р.	*букъв-е*	*букъв-ъ*	Р. — М.	*букъв-у*
Д.	*букъв-и*	*букъв-амъ (-ъмъ)*	Д. — Т.	*букъв-ама*
В.	*букъв-ъ*	*букъв-и*		
Т.	*букъв-иѭ* (> *-ию, -ью*)	*букъв-ами (-ьми)*		
М.	*букъв-е*	*букъв-ахъ*		

По этому образцу склонялись существительные женского рода, если они имели *-ъв* на конце основы во всех падежах, кроме именительного единственного числа, где вместо *-ъв* было *-ы*. Существительные этого типа не имели мягкого варианта склонения, а по падежным окончаниям и по характеру основы были очень близки к словам женского рода пятого типа склонения (типа *мати*) и часто с ними смешивались. Шестой тип склонения, как и пятый, не имел особой формы звательного падежа, поэтому многие ученые оба типа склонения объединяют.

ОТРАЖЕНИЕ В ФОРМАХ ДРЕВНЕРУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ВРЕМЕНИ

В древнерусском языке нередко одинаковые по роду и окончаниям именительного падежа единственного числа существительные склонялись по-разному. Так, одни слова мужского рода с окончанием *-ь* в именительном падеже единственного числа изменялись по второму типу склонения (*въпль*, *конь*, *лучь*, *ножь* и др.), а другие — по четвертому (*гвоздь*, *голѫбь*, *лось* и др.); одни существительные мужского рода с окончанием *-ъ* в именительном падеже единственного числа изменялись по второму типу (*возъ*, *годъ*, *колъ*, *мостъ*, *столъ*, *шагъ* и др.), а другие — по третьему (*вьрхъ*, *медъ* и др.). Кроме того, существительные среднего рода с окончанием *-о* в именительном падеже единственного числа склонялись по второму типу склонения (*весло*, *масло*, *перо*, *село*, *стькло* и др.), а подобные им существительные среднего рода с конечным суффиксальным *-о* (*коло*, *небо*, *слово*, *чудо* и др.) — по пятому.

Объясняется это тем, что древнерусские типы склонения существительных восходят к праиндоевропейским, которые выделялись не в зависимости от падежных окончаний, а в зависимости от конечных звуков основ существительных. Первый древнерусский тип склонения возник в результате преобразования форм праиндоевропейских существительных с основами на *-ă* (*-ĭā*), второй — с основами на *-ŏ* (*-ĭŏ*), третий — с основами на *-ŭ*, четвертый — с основами на *-ĭ*, пятый — с основами на согласные *n*, *r*, *s*, *t*, шестой — с основами на *-ū*. Указанные основы перешли в праславянский язык и в течение некоторого времени сохранялись в нем. Однако позднее по закону открытого слога (в силу которого в словах отпадали конечные согласные, упрощались группы согласных и устранялись дифтонги), концы основ существительных в большинстве случаев примкнули к окончаниям и фонетически изменились. Например, до монофтонгизации дифтонгов форма именительного падежа множественного числа существительного *годъ* представляла собой основу **godŏ-* и окончание *-ĭ*. Следовательно, на конце возникал дифтонг *oĭ*, который в дальнейшем монофтонгизировался и дал древнерусское *и* = *ī*. Поэтому форма именительного падежа множественного числа слова *годъ* в древнерусском языке была *год-и*

с сократившейся основой *год-* (утратившей конечное *-о*). Подобные изменения привели к тому, что в древнерусском языке совпали по окончаниям именительного падежа единственного числа (да и по некоторым иным окончаниям) существительные разных праиндоевропейских типов, тогда как в ряде других падежей такого совпадения не произошло. Следовательно, древнейшие типы склонения в древнерусском языке сохранились, но различались уже не основами, как было раньше (так как все основы теперь стали заканчиваться согласными), а соответствующими падежными окончаниями (где они не совпали).

У существительных пятого и шестого типов склонения в именительном падеже единственного числа основа была короче, чем в других падежах. Это объясняется тем, что в процессе развития закона открытого слога основы этих существительных в форме именительного падежа претерпели значительные упрощения, тогда как в формах других падежей сохранились без существенных изменений. Упрощения были такие: *ы* на концах основ мужского рода (*камы*) — из *ons* (*ons* > *ŭns* > *ūn* > *ы*), а на концах основ женского рода (*букы*) — из *ūs*; *ѧ* на концах основ среднего рода — из *en* (*сѣмѧ*) или из *ent* (*робѧ*); *и* на концах основ женского рода (*мати*) — из *ēr* (*ēr* > *ē* > *i*); *о* на концах основ среднего рода (*слово*) — из *os*.

Если на конце основы существительного оказывались заднеязычные *г*, *к*, *х*, то они перед окончаниями *-и* и *-ѣ* изменялись в свистящие, а перед окончанием *-е* — в шипящие. Например, для существительного второго типа склонения *другъ* форма местного падежа единственного числа *друзѣ*, звательного падежа *друже*, именительного падежа множественного числа *друзи*, местного падежа множественного числа *друзѣхъ*, а для существительного первого типа склонения *уха* форма дательного и местного падежей единственного числа *усѣ*. Это объясняется тем, что еще в древности у славян по фонетическим причинам заднеязычные *г*, *к*, *х* перед гласными переднего ряда по первому смягчению согласных изменялись в шипящие, а по второму — в свистящие (*ѣ* и *и* в соответствующих падежных окончаниях после свистящих были дифтонгического происхождения).

Существительные группы *отьць*, *купьць*, *кънѧзь* (т. е. на *-ць*, *-зь*) в древнерусском языке изменялись по мягкому варианту второго типа склонения, однако звательный падеж образовывали по твердому варианту (например,

отьци — мест. п. ед. ч., *отьче* — зв. п. ед. ч.). Так получилось потому, что до третьего смягчения заднеязычных эти существительные на конце основ имели не мягкие *ц*', *з*', а твердые *к*, *г*.

ИЗМЕНЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПОЗДНЕМ ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Предпосылки для изменения морфологической системы существительных возникли еще в самом раннем периоде истории древнерусского языка и прежде всего заключались в следующем: 1) наличие шести (или пяти) типов склонения существительных уже не было мотивировано, так как смысловая разница между этими типами, имевшая место в дославянском и, может быть, в раннеславянском языковом периоде и выражавшаяся конечными звуками или звукосочетаниями основы, древнерусским языком унаследована не была; 2) действие закона открытого слога значительно изменило формы основ существительных и их падежных окончаний; 3) задолго до обособления древнерусского языка были забыты причины, которые обусловили распределение существительных по трем грамматическим родам: стало неясно, например, почему слово *столбъ* приняло форму мужского рода, *нога* — женского, а *дѣтя* — среднего (ведь ребенок или мужского, или женского пола). Поэтому некоторые изменения в морфологической системе древнерусских существительных изредка наблюдаются уже в самых ранних памятниках письменности, т. е. уже в XI—XII вв., особенно же заметными они становятся с XIII—XV вв.

1. Тенденция к объединению типов и вариантов склонения нашла свое выражение в следующем:

В единственном числе третий, пятый и шестой типы склонения существительных постепенно перестали существовать как самостоятельные: входившие в них существительные объединились со словами других трех типов. И в дальнейшем память об утраченных типах осталась лишь в том, что в некоторых падежах старого второго типа склонения появились ранее отсутствовавшие варианты окончаний, да еще в том, что некоторые существительные утраченных типов склонения не полностью перешли в сохранившиеся типы. Например, в современном русском языке возможны формы родительного падежа единственного числа *из леса*

и *из лесу* (окончание *-а* исконное, а окончание *-у* перешло из утраченного третьего типа склонения и стало вариантом окончания *-а*). Или слово *дочь:* по падежным окончаниям оно уподобилось существительным старого четвертого типа склонения (*плеть*, *дверь* и др.), но былая принадлежность *дочь* к утраченному пятому типу склонения обнаруживается в противопоставлении основ именительного и винительного падежей *доч-* основам иных падежей *дочер-*.

Во множественном числе объединение существительных разных типов оказалось еще более тесным: в дательном, творительном и предложном (местном) падежах все существительные стали оканчиваться соответственно на *-ам*, *-ами*, *-ах*[1], а в именительном, винительном и родительном падежах окончание стало зависеть не от типа склонения, а от рода существительного и от мягкости — твердости конечного согласного основы. Например, формы именительного падежа *столи*, *вълли* и винительного падежа *столы*, *вълл*ѣ по окончаниям стали аналогичны формам слов другого склонения — *рыбы*, *земл*ѣ > *земли*. Следовательно, во множественном числе типы склонения перестали различаться.

Разные для мягкого и твердого вариантов склонения окончания одного и того же падежа в ряде случаев совпали. Наиболее заметные результаты этот процесс дал в говорах складывавшегося русского (великорусского) языка. Например, в единственном числе окончания дательного и местного падежей существительных мягкого варианта первого типа склонения были заменены окончаниями твердого варианта (вместо *к земли*, *на земли* получилось *к земле*, *на земле* — как *к стене*, *на стене*). То же произошло с формами местного падежа существительных второго типа склонения (*в поли* — *в поле*). Окончание ѣ родительного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа мягкого варианта существительных первого типа склонения и винительного падежа множественного числа существительных мужского рода второго типа склонения было заменено окончанием *-и* (соответственно *-ы* в твердом варианте)[2].

---

[1] Хотя отдельные слова продолжают употребляться с более ранними окончаниями (например, *людьми*).

[2] К этому времени *ы* и *и* в говорах складывавшегося русского (великорусского) языка стали превращаться в варианты одной фонемы.

2. Существительные стали распределяться по типам склонения в зависимости от рода. Уже в дописьменное время существительные пятого типа склонения имели три варианта — в зависимости от рода существительного, а не от типа основы [на *-ен*, *-ят* (<*-ят*), *-ес*, *-ер*]. В письменный период эта тенденция проявилась в том, что:

1) существительные трех исчезавших типов склонения распределились по сохранившимся в зависимости от рода: слова мужского и среднего рода присоединились ко второму типу склонения (*камень*, *сын*, *мед*, *небо*, *слово* и др.), а слова женского рода — к первому или четвертому (*свекровь* из *свекры*, *любовь* из *любы*, *тыква* из *тыкы*, *буква* из *букы* и др.);

2) существительные мужского рода из четвертого типа склонения перешли во второй; исключение составило лишь слово *путь:* оно не вошло во второй тип склонения и в современном русском языке в единственном числе продолжает склоняться с прежними окончаниями (если не считать, что в творительном падеже *-ьмъ* фонетически перешло в *-ём*); тем не менее и принадлежностью к мужскому роду, и окончанием творительного падежа *-ём* слово *путь* оказалось обособленным от всех остальных слов старого четвертого типа склонения (они женского рода с окончанием творительного падежа *-ью*); в диалектах и слово *путь* или переходит во второй тип склонения, или же, оставаясь в старом четвертом типе, относится к словам женского рода (диал. *к тому путю*, *та путь* и т. д.)[1].

3. Тенденция к распределению существительных по типам склонения в зависимости от рода была в противоречии с тенденцией к объединению всех типов склонения в один. И она настолько сильно препятствовала этому объединению, что три из шести типов склонения сохранились до сих пор во всех современных восточнославянских языках. Однако и строгого распределения существительных по ти-

---

[1] Родовое переосмысление слова *путь* — случай не единственный. Например, в древнерусском языке в значении ‘лицо’ употребляли *лице* (ср. р.) и *ликъ* (м. р.); современное слово мужского рода *налог* еще в XVII в. относили к женскому роду (им. п. ед. ч. *налога*); древнерусские существительные единственного числа женского рода с собирательным значением типа *господа*, *друзия* постепенно переосмыслились как формы множественного числа для существительных мужского рода типа *господин*, *друг*. Это результат того, что первопричины отнесения существительных к тому или иному грамматическому роду были забыты.

пам склонения в зависимости от рода не получилось: второй тип склонения объединяет слова двух родов — мужского и среднего, а к первому типу склонения относятся слова не только женского рода, но и мужского (*папа*, *дядя*, *Вася* и др.). Во множественном числе влияние рода на формы склонения было гораздо меньше, чем в единственном числе. Поэтому существительные мужского и среднего рода, входившие во второй тип склонения, в именительном и винительном падежах множественного числа стали во многих диалектах смешиваться (ср.: им. п. мн. ч. ср. р. *окошки* из *окошка* — как *пироги*, а им. п. мн. ч. м. р. *края* — как *моря*). В обособлявшемся русском языке это привело к тому, что окончания среднего рода *-а*, *-я* стали возможны во многих словах мужского рода (и продолжают вытеснять окончания *-ы*, *-и*[1]), тогда как украинскому и белорусскому языкам это и теперь не свойственно. В белорусском языке, напротив, окончания *-ы*, *-и* проникли из мужского рода в средний и стали литературной нормой (*азёры*, *окны*, *палі*, *мясты* и др.).

4. Возникла тенденция к унификации основ разных падежей. В говорах складывавшегося русского (великорусского) языка постепенно перед гласными *и* и *ѣ* конечные заднеязычные основы *г*, *к*, *х* перестали изменяться в свистящие. Например, вместо *волци* (им. п. мн. ч.) стали употреблять *волки* с основой *волк-* (как в формах *волк*, *волк-а*, *волк-ам* и др.), следовательно, два варианта основы *волк-* и *волц-* слились в одну. Это стало заметно отличать говоры русского языка от говоров украинского и белорусского языков, в которых старые чередования *г*, *к*, *х* с *з*, *ц*, *с* на конце основ существительных сохраняются до сих пор. У существительных пятого и шестого типов склонения основа именительного падежа единственного числа в большинстве случаев приобретала форму основ других падежей (*камы* превратилось в *камень*, *коло* — в *колесо* и т. д.). Иногда же основы других падежей существительных пятого типа склонения стали уподобляться основе именительного падежа единственного числа (так, *слово* ни в одном из падежей не сохранилось с полной основой *словес-*).

---

[1] Другие причины этого вытеснения связаны с влиянием форм именительного — винительного падежей двойственного числа (*рога*, *глаза* и др.) и собирательных существительных единственного числа женского рода (*братия*, *господа* и др.), которые стали переосмысляться как формы множественного числа.

5. Проявилась тенденция к совпадению окончаний разных падежей. Одинаковые окончания некоторых падежей были унаследованы древнерусским языком от общеславянского праязыка. Например, у всех существительных среднего рода всегда были общими окончания именительного и винительного падежей, у существительных первого типа склонения в единственном числе совпадали окончания дательного и местного падежей, у существительных четвертого типа склонения в единственном числе окончания родительного падежа совпадали с окончаниями дательного и местного падежей, а окончания именительного — с окончаниями винительного, в двойственном числе у существительных всегда совпадали по окончаниям именительный падеж с винительным, родительный — с местным и дательный — с творительным. Это способствовало прежде всего тому, что в дальнейшем у всех восточных славян постепенно совпали окончания именительного и винительного падежей во всех случаях, кроме существительных первого типа склонения в единственном числе[1]. Поэтому сейчас по-русски говорят, например, *стоят столбы* и *вижу столбы*, тогда как по изначальным древнерусским нормам в первом случае надлежало употребить именительный падеж *столби*, в отличие от винительного падежа второго выражения *столбы*. А в ряде говоров, возможно, по этой же причине, винительный падеж без предлога совпал с именительным и у существительных первого типа склонения в единственном числе. Поэтому, может быть, в ряде северных русских (великорусских) диалектов говорят *срубить берёза*, *срубил берёза*, *срубим берёза* и т. д.[2]

Кроме того, тенденция к совпадению окончаний разных падежей повлияла на судьбу звательного падежа. В говорах складывавшегося русского (великорусского) языка он уподобился именительному падежу, т. е. фактически исчез. Этому способствовало то, что у многих существительных уже в общеславянском праязыке звательный падеж не отличался от именительного. В говорах формировавшихся украинского и белорусского языков утраты звательного падежа, правда, не произошло, но сфера его упо-

[1] И кроме случаев, относящихся к обозначению в винительном падеже одушевленного предмета.

[2] О других причинах совпадения форм винительного и именительного падежей существительных первого склонения в единственном числе см. § 19.

требления значительно уменьшилась (особенно это заметно в современном белорусском литературном языке)[1].

6. Появилась категория одушевленности, т. е. грамматического противопоставления названий одушевленных и неодушевленных предметов. Совпадение в древнерусском языке окончаний именительного и винительного падежей существительных, обозначавших живые существа, нередко затрудняло понимание высказывания, так как оказывалось невозможным отличить подлежащее от прямого дополнения (ср.: *Ярославъ... пусти попъ*, *Святослав присла свой тысяцкыи* — Синодальный список Новгородской I летописи; *имеаше бо на то конь добръ* — «Александрия»). Поэтому восточные славяне в таких случаях все чаще стали выражать прямое дополнение формой родительного падежа в значении винительного.

Факты замены винительного падежа родительным для существительных единственного числа мужского рода, обозначавших полноправных лиц, видимо, имели место уже в дописьменный период. В письменности такие замены стали довольно часты и постепенно распространились на названия не только лиц, но и всех живых существ (ср.: *прислалъ въ Ригу своего лучьшего попа* — Смоленская грамота 1229 г.; *привезлъ жеребца* — «Хожение за три моря Афанасия Никитина»).

В диалектах обособлявшегося русского (великорусского) языка категория одушевленности получила развитие не только в единственном числе, но и во множественном[2], а в диалектах украинского и белорусского языков — лишь в единственном числе.

7. Когда речь шла о двух предметах, восточные славяне постепенно стали заменять формы двойственного числа формами множественного. В конце концов двойственное число совсем исчезло. Однако и теперь сохраняются еще некоторые

---

[1] Впрочем, тенденция к совпадению окончаний разных падежей в языках восточных славян не получила широкого распространения, тогда как в болгарском языке она привела к утрате изменения существительных по падежам (если не считать остаточных явлений).

[2] Исключение — слова *мать* и *дочь*, формы именительного и винительного падежей которых в единственном числе не различаются. У существительных первого типа склонения замены винительного падежа родительным в единственном числе не произошло, потому что и так винительный падеж отличался от именительного (ср.: *вдова — вдовѫ > вдову*).

следы его, например, в сочетаниях существительных с числительным *дъва*, в которых существительное мужского рода с окончаниями *-а*, *-я* по происхождению из именительного — винительного двойственного числа (*два конца* и др.).

8. Местный падеж превратился в предложный, т. е. постепенно существительные в местном падеже перестали употребляться без предлогов, а функции этого падежа стали значительно шире, чем были раньше.

§ 11. МЕСТОИМЕНИЯ

Древнерусские местоимения по морфологическим свойствам разделялись на две группы: личные и возвратное, неличные.

ЛИЧНЫЕ И ВОЗВРАТНОЕ МЕСТОИМЕНИЯ

К личным местоимениям относились местоимения 1-го и 2-го лица. Изменялись они следующим образом:

	ед. ч.		мн. ч.	
И.	*яз-ъ*	*ты*	*м-ы*	*в-ы*
Р.	*мен-е*	*теб-е*	*н-асъ*	*в-асъ*
Д.	*мън-ѣ, ми*	*тоб-ѣ, ти*	*н-амъ, ны*	*в-амъ, вы*
В.	*мен-е, мѧ (> мя)*	*теб-е, тѧ (> тя)*	*н-асъ, ны*	*в-асъ, вы*
Т.	*мън-ож҄ (> -ою)*	*тоб-ож҄ (> -ою)*	*н-ами*	*в-ами*
М.	*мън-ѣ*	*тоб-ѣ*	*н-асъ*	*в-асъ*

двойств. ч.

И.	*в-ѣ*	*в-а*
В.	*н-а*	*в-а*
Р. — М.	*н-аю*	*в-аю*
Д. — Т.	*н-ама*	*в-ама*

Возвратное местоимение не имело формы именительного падежа единственного числа и форм множественного и двойственного числа. В остальном это местоимение изменялось аналогично местоимению 2-го лица:

Р.	*себ-е*	Т.	*соб-ож҄ (> -ою)*
Д.	*соб-ѣ, си*	М.	*соб-ѣ*
В.	*себ-е, сѧ (> ся)*		

В дательном и винительном падежах единственного и множественного числа личные и возвратное местоимения имели

полные и краткие формы. Краткие формы могли употребляться без ударения, примыкать к предшествующим словам. У местоимения 1-го лица в двойственном числе формы именительного и винительного падежей не совпадали.

В дальнейшей истории древнерусского языка изменения личных и возвратного местоимений были очень незначительными:

1) исчезли краткие формы (если не считать некоторых говоров современного украинского языка), причем краткая форма *ся* превратилась в глагольную возвратную частицу (см. с. 136—137, 142);

2) основы местоимения 2-го лица *тоб-* и возвратного местоимения *соб-* в формировавшемся русском литературном языке и в большинстве обособлявшихся русских (великорусских) говоров сохранились лишь в творительном падеже, а в дательном и предложном уподобились основам винительного падежа *теб-*, *себ-;* в говорах, превращавшихся в украинский и белорусский языки, исконные основы сохранились во всех трех падежах (правда, в белорусском из-за аканья в этих основах *о* звучит как *а*);

3) окончание родительного и винительного падежей единственного числа *-е* в северных (будущих северновеликорусских) говорах и в формировавшемся русском (великорусском) литературном языке было вытеснено окончанием *-я* (возможно, или под влиянием кратких форм винительного падежа *мя*, *тя*, *ся*, или из-за перехода конечного ударного *е* в *я* по аналогии с такими явлениями, как *кро́ме* и *окромя́*, *по́сле* и *опосля́*, или по аналогии с окончаниями родительного падежа единственного числа существительных типа *конь*, *житель*);

4) формы двойственного числа исчезли в связи с отмиранием этой грамматической категории в других частях речи;

5) по фонетическим причинам (утрата слабых редуцированных, изменение ѣ и др.) произошли некоторые изменения в формах личных и возвратного местоимений.

НЕЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Неличные местоимения представляли собой разные смысловые группы слов: указательные (*тъ* — 'тот', *сь* — 'сей', *онъ* — 'тот, оный' и др.), притяжатель-

ные (*мои*, *твои*, *свои* и др.), вопросительные (*къто*, *чьто* и др.) и т. д. Но по морфологическим особенностям они делились лишь на слова с твердой или мягкой основой.

Неличные местоимения с твердой основой изменялись по образцу местоимения *тъ* — 'тот':

	ед. ч.			мн. ч.		
	м. р.	ср. р.	ж. р.	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	*т-ъ*	*т-о*	*т-а*	*т-и*	*т-а*	*т-ы*
Р.	*т-ого*	*т-ого*	*т-оѣ*	*т-ѣхъ*	*т-ѣхъ*	*т-ѣхъ*
Д.	*т-ому*	*т-ому*	*т-ои*	*т-ѣмъ*	*т-ѣмъ*	*т-ѣмъ*
В.	*т-ъ*, *т-ого*	*т-о*	*т-ѫ* (> *т-у*)	*т-ы*	*т-а*	*т-ы*
Т.	*т-ѣмъ*	*т-ѣмь*	*т-оѭ* (> *т-ою*)	*т-ѣми*	*т-ѣми*	*т-ѣми*
М.	*т-омь*	*т-омь*	*т-ои*	*т-ѣхъ*	*т-ѣхъ*	*т-ѣхъ*

двойств. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И. — В.	*т-а*	*т-ѣ*	*т-ѣ*
Р. — М.	*т-ою*	*т-ою*	*т-ою*
Д. — Т.	*т-ѣма*	*т-ѣма*	*т-ѣма*

Неличные местоимения с мягкой основой изменялись по образцу местоимения *и* = *jь* — 'тот, который':

	ед. ч.			мн. ч.		
	м. р.	ср. р.	ж. р.	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	*j-ь*	*j-е*	*j-а*	*j-и*	*j-а*	*j-ѣ*
Р.	*j-его*	*j-его*	*j-еѣ*	*j-ихъ*	*j-ихъ*	*j-ихъ*
Д.	*j-ему*	*j-ему*	*j-еи*	*j-имъ*	*j-имъ*	*j-имъ*
В.	*j-ь*, *н-ь*, *j-его*	*j-е*	*j-ѭ* (> *j-ю*)	*j-ѣ*	*j-а*	*j-ѣ*
Т.	*j-имъ*	*j-имъ*	*j-еѭ* (> *j-ею*)	*j-ими*	*j-ими*	*j-ими*
М.	*j-емь*	*j-емь*	*j-еи*	*j-ихъ*	*j-ихъ*	*j-ихъ*

двойств. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И. — В.	*j-а*	*j-и*	*j-и*
Р. — М.	*j-ею*	*j-ею*	*j-ею*
Д. — Т.	*j-има*	*j-има*	*j-има*

Неличные местоимения в двойственном и множественном числе родовые различия сохраняли лишь в именительном и винительном падежах. В других падежах эти различия исчезли, по-видимому, еще в общеславянский языковой период в связи с развитием той же, что и у существительных, тенденции к объединению разных типов склонения и сла-

бостью во множественном и двойственном числе влияния грамматического рода (см. § 10)[1].

Особых замечаний требуют вопросительные местоимения *къто* и *чьто*, которые не имели двойственного и множественного числа. Склонялись у них лишь первые части (*къ-* — по твердому варианту и *чь-* — по мягкому варианту), так как элемент *-то* был частицей. *Къто* употреблялось применительно к одушевленным предметам (винительный падеж совпадал с родительным), а *чьто* относилось к неодушевленным предметам (винительный падеж совпадал с именительным). Поскольку в окончании творительного падежа единственного числа неличных местоимений твердого варианта *-ѣмь* был дифтонгического происхождения *ѣ*, то *к* перед ним в местоимении *къто* изменялся в *ц (цѣмь)*.

В дальнейшем в первоначальной системе неличных местоимений древнерусского языка произошли важные изменения:

1) не стало форм двойственного числа;

2) окончательно исчезли родовые различия во множественном числе;

3) несколько иными стали многие падежные окончания и иногда основы, что было вызвано главным образом падением редуцированных и изменением звучания *ѣ*, а также другими фонетическими преобразованиями и аналогическим воздействием одних падежных форм на другие: а) *тъ* превратилось в *тот*, *сь* — в *сей*; б) в формах творительного падежа *цѣмь* и *чимь* после падения редуцированных отвердел *м*, а по аналогии с основами других падежей *ц* в *цѣмъ* был заменен на *к*, у обособлявшихся русских возникшая форма *кѣм* и затем *кем* повлияла на местоимение *чьто* и прежнее *чимъ* стало звучать как *чем* (не с *и*, а с *е*); в) в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода окончания *-ого*, *-его* превратились в ряде северных говоров в *-ово*, *-ево* в силу ослабления и утраты *г* и появления между оказавшимися рядом гласными вставного *в*, близкого по губному образованию к *о*;

4) в тех случаях, когда местоимения относились к одушевленным существительным, формы винительного падежа стали сходны с формами родительного;

---

[1] См.: *Мейе А*. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, с. 332—338; *его же*. Общеславянский язык, с. 350—351.

5) перестали употребляться некоторые неличные местоимения (например, *и*, *овъ* — ‘иной, некоторый’).

Все эти изменения особенно заметны стали с XIII—XIV вв. и в складывавшихся русском (великорусском), украинском и белорусском языках дали не всегда одинаковые результаты.

МЕСТОИМЕНИЕ 3-го ЛИЦА

Первоначально славяне для указания на 3-е лицо не имели специального личного местоимения, а использовали для этого какое-либо из указательных местоимений (*тъ*, *и*, *онъ* и др.). Но постепенно из числа местоимений для обозначения 3-го лица в именительном падеже все чаще стали использовать местоимение *онъ* (в соответствующем роде и числе), а в остальных падежах — *и* (в соответствующем роде и числе). Причем эти разные по основам формы начали осознаваться как падежные формы одного слова. Так возникло местоимение 3-го лица; полагают, что у восточных славян формирование его относится к периоду существования древнерусского языка.

Следы возникновения местоимения 3-го лица из неличных местоимений остались в современных восточнославянских языках до сих пор: местоимение 3-го лица имеет окончания неличных местоимений и изменяется по родам, может относиться не только к лицам, но и к предметам (тогда как местоимения 1-го и 2-го лица по окончаниям отличаются от неличных, по родам не изменяются и могут относиться лишь к лицам и олицетворяемым предметам).

Надо заметить, что формы винительного падежа местоимения 3-го лица как в единственном числе, так и во множественном по аналогии с древними личными местоимениями (1-го и 2-го лица) совпали с формами родительного падежа; старые же формы местоимения 3-го лица *и*, *ѥ*, *ю*, *я*, *ѣ* исчезли[1] [ср.: *ту и налезоша* и *срѣте и Ратишка с перевѣтом* — Синодальный список Новгородской I летописи; *вѣдають его* (*его* вместо *и*), *чим их изобидит* (*их* вместо *ѣ*) — грамота Дмитрия Шемяки; *выкупите ее* (*ее* вместо *ю*) — Двинская грамота].

[1] Полагают, что и местоимения 1—2-го лица также произошли из указательных местоимений, но значительно раньше, задолго до обособления древнерусского языка (см.: *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка, с. 205—206).

§ 12. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Древнерусские прилагательные изменялись по родам, числам и падежам, имели три степени сравнения (положительную, сравнительную и превосходную), а по своим окончаниям были двух видов — к р а т к и е (*старъ*, *каменъ* и др.) и п о л н ы е (*старый*, *зимьнии* и др.). По значению и грамматическим признакам прилагательные разделялись на к а ч е с т в е н н ы е (*новъ*, *тихъ* и др.), о т н о с и т е л ь н ы е (*дръвянъ*, *каменъ* и др.) и п р и т я ж а т е л ь н ы е (*отрочь*, *Боянь*, *Игоревъ*, *Мьстишинъ* и др.). Между ними была морфологическая разница: 1) только качественные прилагательные имели все степени сравнения, тогда как относительные и притяжательные употреблялись лишь в одной положительной степени; 2) притяжательные прилагательные не употреблялись в полных формах.

Специальных форм звательного падежа древнерусские прилагательные обычно не имели и в сочетании с существительными в звательном падеже принимали форму именительного падежа (*Яръ туре Всеволоде, стоиши ли на борони* — «Слово о полку Игореве»; *дѣво прѣчистая, неискусна браку* — «Повесть временных лет»).

КРАТКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Формы числа и падежа кратких прилагательных зависели от рода: 1) в мужском роде краткие прилагательные склонялись как сходные по основам существительные мужского рода второго типа склонения [*тихъ* — как *годъ* (основа на твердый согласный), *Боянь* — как *конь* (основа на мягкий согласный)]; 2) в среднем роде они склонялись как сходные по основам существительные среднего рода второго типа склонения [*тихо* — как *окъно* (основа на твердый согласный), *Бояне* — как *море* (основа на мягкий согласный)]; 3) в женском роде они склонялись как сходные по основам существительные первого типа склонения [*тиха* — как *рыба* (основа на твердый согласный), *Бояня* — как *доля* (основа на мягкий согласный)].

В древнерусском языке краткие прилагательные встречались и в роли определений (*мъногамъ душамъ* — Остромирово евангелие), и в составе сказуемых (*наши князи добри суть* — Лаврентьевская летопись). Однако в про-

цессе обособления трех современных восточнославянских языков непритяжательные краткие прилагательные постепенно перестали употребляться в роли определений, уступив эту функцию полным прилагательным. А так как в составе сказуемых обычной была форма именительного падежа, то со временем они перестали склоняться и в неименительном падеже сохранились лишь в некоторых застывших выражениях (*на босу ногу* и др.).

В связи с общей тенденцией к утрате родовых различий во множественном числе краткие прилагательные также перестали различаться по родам, сохранив окончание *-ы* после твердых согласных (*стары*) и *-и* после мягких согласных (*сини*).

Двойственное число краткие прилагательные утратили по тем же причинам, что и существительные и местоимения (см. § 11).

Притяжательные прилагательные в роли определений стали в ряде падежей из кратких превращаться в полные (например, совр. русск. *дядиного* вместо *дядина* — род. п.). Притяжательные прилагательные типа *Боянь*, *отрочь*, *кънѧжь* > *княжь* (по происхождению — с притяжательным суффиксом *-j-*; ср. *отрочь* < **otrokjos*) постепенно перестали употребляться, хотя иногда встречались еще в XVII в.

ПОЛНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

В древнерусском языке полные прилагательные склоняя лись в зависимости от рода и твердости — мягкости конечного согласного основы (например, на конце основы *стар* твердый согласный, на конце основы *син-* — мягкий).

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	*стар-ыи*	*стар-оѥ*	*стар-аꙗ*
	син-ии	*син-еѥ*	*син-ꙗꙗ*
Р.	*стар-ого*	*стар-ого*	*стар-оѣ (-ыѣ)*
	син-его	*син-его*	*син-еѣ*
Д.	*стар-ому*	*стар-ому*	*стар-ои (-ѣи)*
	син-ему	*син-ему*	*син-еи*
В.	*стар-ыи, -ого*	*стар-оѥ*	*стар-ѫѭ (> -ую)*
	син-ии, -его	*син-еѥ*	*син-ѭѭ (> -юю)*
Т.	*стар-ымь (-ыимь)*	*стар-ымь (-ыимь)*	*стар-оѭ (> -ою)*
	син-имь (-иимь)	*син-имь (-иимь)*	*син-еѭ (> -ею)*
М.	*стар-омь (-ѣмь)*	*стар-омь (-ѣмь)*	*стар-ои (-ѣи)*
	син-емь	*син-емь*	*син-еи*

мн. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	*стар-ии, син-ии*	*стар-аꙗ, син-ꙗю*	*стар-ыѣ, син-ѣѣ*
Р.	*стар-ыхъ*	*(-ыихъ), син-ихъ*	*(-иихъ)*
Д.	*стар-ымъ*	*(-ыимъ), син-имъ*	*(-иимъ)*
В.	*стар-ыѣ, син-ѣѣ*	*стар-аꙗ, син-ꙗꙗ*	*стар-ыѣ, син-ѣѣ*
Т.	*стар-ыми*	*(-ыими), син-ими*	*(-иими)*
М.	*стар-ыхъ*	*(-ыихъ), син-ихъ*	*(-иихъ)*

двойств. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И. — В.	*стар-аꙗ, син-ꙗꙗ*	*стар-ѣи, син-ии*	*стар-ѣи, син-ии*
Р. — М.	*стар-ую, син-юю*	*стар-ую, син-юю*	*стар-ую, син-юю*
Д. — Т.	*стар-ыма (-ыима)* *син-има (-иима)*	*стар-ыма (-ыима)* *син-има (-иима)*	*стар-ыма (-ыима)* *син-има (-иима)*

В двойственном и множественном числе полные прилагательные сохраняли остатки родовых различий лишь в формах именительного и винительного падежей; родовые различия в формах других падежей были утрачены (как и у неличных местоимений).

Как появились полные прилагательные? У всех славян на очень ранних этапах их языковой истории (некоторые ученые думают даже, что еще в период балто-славянского языкового единства[1]) местоимение *и* (в соответствующем роде, числе и падеже) выполняло в необходимых случаях роль артикля (наподобие нем. *der*, *die*, *das;* франц. *le*, *la*, *les* и артиклей некоторых других языков). В этой функции *и*, которое ставилось после краткого прилагательного (если оно, конечно, было при соответствующем существительном), постепенно стало сливаться с окончанием этого прилагательного. Слитное произношение окончания прилагательного с соответствующей формой местоимения привело к их упрощению и изменению. Например, из формы дательного падежа мужского рода *добру ѥму* получилось сначала *добруѥму*, а через ряд промежуточных форм — *доброму*. Это привело к утрате артикля, но вместе с тем и к возникновению новых форм прилагательных. Их-то и принято называть полными или членными прилагательными.

В древнерусском языке окончания полных прилагательных уже значительно отличались от тех звукосочетаний, из которых они сформировались (т. е. от окончаний кратких прилагательных с присоединившимися к ним формами мес-

---

[1] См.: *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка, с. 146.

тоимения *и*). Так называемые нестяженные варианты с элементом *-ыи-* или *-ии-* (*добрыимь*, *синиихъ* и др.) были архаичнее и ближе к первоначальным сочетаниям, чем варианты, утратившие второй гласный этих элементов (*добрымъ*, *синихъ* и др.). Некоторые варианты падежных окончаний прилагательных с твердой основой, например окончания местного падежа слов мужского и среднего рода единственного числа *-омь* (*добромь* и др.) и женского рода *-ои* (*доброи* и др.), появились под влиянием соответствующих окончаний неличных местоимений с твердой основой (таких, как *тъ*).

Возникнув как определения, полные прилагательные в древнерусском языке не могли употребляться в функции сказуемого (или составной его части).

В процессе обособления русского (великорусского), украинского и белорусского языков полные формы прилагательных претерпели некоторые изменения: 1) были утрачены формы двойственного числа, остатки родовых различий во множественном числе (по тем же причинам, что и у неличных местоимений) и архаичные (в том числе и нестяженные) варианты падежных окончаний; 2) по фонетическим причинам (вследствие падения редуцированных гласных, изменения *ѣ* и др.) и под влиянием морфологической аналогии окончания некоторых падежей стали несколько иными; например, окончания творительного падежа единственного числа прилагательных мужского и среднего рода *-ымь*, *-имь* превратились в *-ым*, *-им*, а окончания *-ого*, *-его*, как и у неличных местоимений, стали в некоторых обособлявшихся русских (великорусских) говорах произносить не с *г*, а с *в*, в родительном падеже единственного числа окончания прилагательных женского рода *-оѣ*, *-еѣ* превратились во многих диалектах в *-ой*, *-ѐй* и т. д.; 3) постепенно полные формы прилагательных стали употребляться в составе сказуемых (их происхождение и первоначальная функция были окончательно забыты); в связи с этим перестали использовать (даже и для выражения сказуемого) краткие формы относительных прилагательных.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Древнерусские формы прилагательных, рассмотренные выше, представляют собой формы п о л о ж и т е л ь н о й степени. От основ положительной степени качественных

прилагательных с помощью специальных суффиксов образовывались основы сравнительной степени. Этими суффиксами во всех формах, кроме именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода, были -*ѣиш*- (например, им. п. мн. ч. ср. р. *новѣиша*), возникший из -*ѣјьш*- < -*ējĭsj*-, и -*ьш*- (например, вин. п. ед. ч. ж.р. *хужьшѫ*), возникший из -*jĭsj*-[1]. Суффикс -*ьш*- прибавлялся лишь к бессуффиксным основам положительной степени. Если с помощью этого суффикса образовывалась основа сравнительной степени от основы положительной степени, имевшей свои суффиксы, то они опускались (ср.: *тъньше* от *тънъкъ*, *дальше* от *далькъ*).

В именительном падеже единственного числа у прилагательных мужского рода основа сравнительной степени образовывалась с помощью суффиксов -*ѣи* (вместо -*ѣиш*-) и -*ьи* или -*ии* (вместо -*ьш*-) (*новѣи*, *хужьи* или *хужии* и др.). Объясняется это тем, что суффиксальное *ш* здесь отсутствовало по закону открытого слога, причем -*ѣи*, по-видимому, оказал воздействие на -*ь*- (ср. -*ьш*-) и превратил его в -*ьи* или -*ии*.

У прилагательных среднего рода в именительном падеже единственного числа основа сравнительной степени образовывалась с помощью суффиксов -*ѣе* и -*е* (*новѣе*, *хуже* и др.), возникших из -*ējes*- и -*jes*- (представлявших собой варианты суффиксов -*ējĭsj*- и -*jĭsj*-) по закону открытого слога.

К основам сравнительной степени прибавлялись такие же окончания, какие были у кратких или полных прилагательных с основой на мягкий согласный в положительной степени[2]. Так возникали соответствующие формы рода, числа и падежа кратких или полных прилагательных сравнительной степени.

Исключения состояли лишь в следующем:

1. В именительном падеже единственного числа краткие прилагательные мужского и среднего рода в сравнительной степени не имели окончаний, а их формы винительного падежа могли совпадать с формами именительного.

2. В именительном падеже единственного числа у кратких прилагательных женского рода в сравнительной степени было окончание не -*я* (ср. *синя*), а -*и* (*старьши* и др.),

---

[1] В суффиксе -*jĭsj*- начальный *j* отходил к предшествующему согласному и смягчал его.

[2] Так как *ш* в конце основ сравнительной степени был мягким,

подобно форме именительного падежа единственного числа существительных *рабыни*, *другыни* и т. д.

3. В именительном падеже множественного числа у кратких прилагательных мужского рода в сравнительной степени было окончание не *-и* (ср. *сини*), а *-е* (*старьше* и др.), как у существительных мужского рода пятого типа склонения. Объясняется это, по-видимому, тем, что когда-то краткие прилагательные склонялись не только подобно существительным первого и третьего типов склонения, а и по другим образцам (в частности, подобно существительным пятого типа склонения).

4. В зависимости от указанных особенностей окончаний кратких прилагательных в сравнительной степени в именительном падеже единственного числа мужского, среднего и женского рода и в именительном падеже множественного числа мужского рода были некоторые расхождения и в соответствующих окончаниях полных прилагательных положительной и сравнительной степени. Например, форма именительного падежа единственного числа прилагательного женского рода в положительной степени *стар-ая*, а в сравнительной — *старѣиш-ия*, а прилагательного мужского рода в положительной степени *стар-ыи*, в сравнительной — *старѣи*. Однако в дальнейшем в таких случаях окончания сравнительной степени уподобились окончаниям положительной степени.

Склонялись прилагательные в сравнительной степени по следующим образцам:

Краткие прилагательные

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	*новѣи, хужии (хужьи)*	*новѣе, хуже*	*новѣиш-и, хужьши-и*
Р.	*новѣиш-а (я)*	*новѣиш-а (-я)*	*новѣиш-ѣ*
Д.	*новѣиш-ю (-у)*	*новѣиш-ю (-у)*	*новѣиш-и*
В.	*новѣиш-ь (новѣи), новѣиш-а (-я)*	*новѣиш-е (новѣе)*	*новѣиш-ѭ (> -ю)*
Т.	*новѣиш-ьмь*	*новѣиш-ьмь*	*новѣиш-еѭ (> -ею)*
М.	*новѣиш-и*	*новѣиш-и*	*новѣиш-и*

мн. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	*новѣиш-е*	*новѣиш-а (-я)*	*новѣиш-ѣ*
Р.	*новѣиш-ь*	*новѣиш-ь*	*новѣиш-ь*
Д.	*новѣиш-емъ*	*новѣиш-емъ*	*новѣиш-амъ*

В.	*новѣиш-ѣ*	*новѣиш-а (-я)*	*новѣиш-ѣ*
Т.	*новѣиш-и*	*новѣиш-и*	*новѣиш-ами*
М.	*новѣиш-ихъ*	*новѣиш-ихъ*	*новѣиш-ахъ*

двойств. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И. — В.	*новѣиш-а (-я)*	*новѣиш-и*	*новѣиш-и*
Р. — М.	*новѣиш-ю (-у)*	*новѣиш-ю (-у)*	*новѣиш-ю (-у)*
Д. — Т.	*новѣиш-ема*	*новѣиш-ема*	*новѣиш-ама (-яма)*

Полные прилагательные

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	*новѣи (>новѣиш-ии)*	*новѣе (>новѣиш-ее)*	*новѣиш-ия (>новѣиш-ая)*
Р.	*новѣиш-его*	*новѣиш-его*	*новѣиш-еѣ*
Д.	*новѣиш-ему*	*новѣиш-ему*	*новѣиш-еи*
В.	*новѣиш-ии, новѣиш-его*	*новѣиш-ее*	*новѣиш-ѭѭ (>-юю, -ую)*
Т.	*новѣиш-имь*	*новѣиш-имь*	*новѣиш-еѭ (> -ею)*
М.	*новѣиш-емь*	*новѣиш-емь*	*новѣиш-еи*

мн. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	*новѣиш-еи*	*новѣиш-ая (-яя)*	*новѣиш-ѣѣ*
Р.		*новѣиш-ихъ (-иихъ)*	
Д.		*новѣиш-имъ (-иимъ)*	
В.	*новѣиш-ѣѣ*	*новѣиш-ая (-яя)*	*новѣиш-ѣѣ*
Т.		*новѣиш-ими (-иими)*	
М.		*новѣиш-ихъ (-иихъ)*	

двойств. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.—В.	*новѣиш-ая (-яя)*	*новѣиш-ии*	*новѣиш-ии*
Р.—М.	*новѣиш-юю (-ую)*	*новѣиш-юю (-ую)*	*новѣиш-юю (-ую)*
Д.—Т.	*новѣиш-има (-иима)*	*новѣиш-има (-иима)*	*новѣиш-има(-иима)*

Формы превосходной степени прилагательных в древнерусском языке образовывались от форм положительной или сравнительной степени с помощью служебных усилительных слов (например, *вельми: бысть вода велика вельми* — Синодальный список Новгородской I летописи), а в книжной речи — с помощью приставок *наи-*, *прѣ-* (*наилучьшеи*, *прѣпростъ* и др.).

В поздний период истории древнерусского языка в говорах складывавшегося русского (великорусского) языка краткие прилагательные в сравнительной степени (подобно

кратким прилагательным в положительной степени и по тем же причинам) перестали склоняться и «застыли» в форме именительного падежа единственного числа мужского или среднего рода или множественного числа мужского рода (*добрей*, *добрее*, *тише*, *больше* и др.), а полные прилагательные в сравнительной степени были переосмыслены и стали осознаваться как формы превосходной степени. В говорах складывавшихся украинского и белорусского языков древнерусские полные формы сравнительной степени сохранили свое прежнее значение сравнительной степени.

§ 13. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

В древнерусском языке числительные еще недостаточно обособились в самостоятельную часть речи и по своим свойствам примыкали или к относительным прилагательным, или к существительным.

Порядковые числительные современных восточнославянских языков в древнерусском языке и по формам, и по употреблению в речи были относительными прилагательными (*пьрвъ*, *сема*, *шесто* — краткие формы; *пьрвыи*, *седмая*, *сътое* — полные формы) и особого рассмотрения не требуют (см. § 12).

Количественные числительные со значением 1, 2, 3, 4 тоже были близки к кратким прилагательным и, как они, относясь к существительному, согласовывались с ним в роде, числе и падеже:

1) числительное, обозначавшее 'один', могло относиться к существительному только единственного числа и само не имело ни двойственного, ни множественного числа; оно изменялось по родам (м. р. *одинъ*, ср. р. *одьно* или *одино*, ж. р. *одьна* или *одина*) и склонялось, как *тъ*, *то*, *та*;

2) числительное, обозначавшее 'два' или пару предметов, не имело форм ни единственного, ни множественного числа, а в двойственном числе имело такие формы:

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И. — В.	*дъва*		*дъвѣ*
В. — М.		*дъву* или *дъвою*	
Д. — Т.		*дъвома* или *дъвѣма*	

аналогично изменялись *оба* и *обѣ* (ср. склонение существительных, неличных местоимений и кратких прилагательных в двойственном числе);

3) числительное со значением 'три' осознавалось как форма множественного числа и изменялось, как существительное четвертого типа склонения во множественном числе, причем в именительном падеже форма *трие* или *трье* была мужского рода, а форма *три* — среднего или женского;

4) числительное со значением 'четыре' осознавалось тоже как форма множественного числа и изменялось по падежам, как существительное пятого типа склонения, при этом форма именительного падежа *четыре* относилась к мужскому роду, а форма *четыри* — к среднему или женскому.

Все остальные непроизводные числительные осознавались как существительные и в сочетании с названиями предметов требовали, чтобы эти названия стояли в родительном падеже:

1) *пѧть* (> *пять*), *шесть*, *семь*, *осмь* (и *восмь*), *девѧть* (> *девять*) осознавались как существительные единственного числа женского рода четвертого типа склонения (ср. *кость*);

2) *десѧть* (> *десять*) осознавалось как существительное женского рода (иногда мужского рода), склонялось и изменялось по числам, как существительное пятого типа склонения;

3) *сорок*[1] осознавалось как существительное мужского рода и изменялось по падежам и числам, как существительное второго типа склонения;

4) *девѧносъто* и *съто* во всем были подобны существительным среднего рода второго типа склонения (ср.: *село*, *окъно*);

5) *тысѧча* (> *тысяча*) и *тьма* (в значении 'десять тысяч') изменялись по числам и падежам, как существи-

---

[1] Так оно звучало после падения редуцированных. В письменных памятниках, например в «Русской правде», нередко писалось *сорокъ*. Это числительное Ф. И. Буслаев связывал с греч. σαράκοντα — 'сорок'. Другие ученые соотносят *сорок* со словом *сорочка* — уменьшительным от *сорока* — 'шуба из 40 шкурок белки, соболя или иного зверя' (см.: *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959, с. 150; *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка, с. 237).

тельные женского рода первого типа склонения (ср.: *тҗча*, *рыба*).

Все производные числительные (соответствующие совр. русск. *тринадцать*, *двадцать*, *двадцать пять*, *сто сорок* и т. п.) в древнерусском языке составлялись из непроизводных. При этом составляющие числительные обычно оставались самостоятельными словами и во многих случаях соединялись союзом *и* или *да* (например, *дъва десяти и шесть*). Особо надо сказать следующее:

1) названия чисел с 11 по 19 образовывались по типу *одинъ на десяте*, *семь на десяте* [т. е. 'десять и одна (семь и т. п.) единиц сверх десяти']; впрочем, со временем в этих сочетаниях *десяте* стало упрощаться в *дцать*, а сами сочетания превращались в одно слово;

2) числа, обозначавшие несколько единиц, десятков или сотен и половину единицы, десятка или сотни, надо полагать, когда-то образовывались по типу *три* и *полъ четверта* — 'три с половиной', *одинъ и полъ втора десяте* — 'пятнадцать'; однако, видимо, очень рано такие обороты стали упрощать, не упоминая целые единицы, десятки или сотни; так в древнерусском языке возникли числительные типа *полъ въторa* — 'полтора', *полъ шеста* — 'пять с половиной', *полъ третья десяте* — 'двадцать пять'.

В позднем древнерусском языке в системе и формах числительных происходят изменения, причем неодинаковые в говорах будущих русского (великорусского), украинского и белорусского языков. Отметим важнейшие из них:

1. В каждом из трех складывавшихся восточнославянских языков формы многих числительных по фонетическим причинам приобрели свои особенности (ср.: русск. *две*, укр. *дві*).

2. Все количественные числительные, кроме обозначающих единицу и две единицы, утратили родовое осмысление. В связи с этим из форм именительного падежа *трие* (или *трье*) и *три*, *четыре* и *четыри* сохранились *три*, *четыре* (в говорах складывавшегося русского языка) и *четыри* (в других говорах; ср.: укр. *чотири*, белорусск. *чатыры*). В говорах будущих украинского и белорусского языков исчезло родовое различие между *оба* и *обе* (ср.: совр. укр. *обоє*, белорусск. *абое*).

3. С утратой двойственного числа числительные *два*, *двѣ*, *оба*, *обѣ* стали по формам склонения приближаться к числительным *три*, *четыре* (*четыри*), в то же время

кое в чем влияя на них (в разных говорах неодинаково). Кроме того, на каждом из этих числительных сказалось влияние неличных местоимений. Поэтому, например, в родительном падеже в говорах будущего русского (великорусского) языка получилось *двух*, *трех*, *четырех* (ср. *тѣхъ*), а в говорах будущего украинского языка — *двох*, *трьох*, *чотирьох*, в творительном падеже в говорах будущего великорусского языка получилось *двумя*, *тремя*, *четырьмя*, в говорах будущего украинского языка — *двома*, *трьома*, *чотирьома*, а в говорах будущего белорусского — *двума*, *трыма*, *чатырма*.

4. В говорах складывавшегося украинского языка склонение числительных *два (двѣ)*, *три*, *четыри* повлияло на склонение других количественных числительных (ср.: укр. *п'ятьох*, *п'ятидесятьох* — как род. п. *трьох*).

5. Окончания числительных *сорок*, *девяносто*, *сто* совпали в дательном, творительном и предложном (местном) падежах с окончанием родительного падежа *-а* (ср.: совр. русск. *сорока*, *девяноста*, *ста*).

6. Сложные числительные типа *три на десяте* или *шесть десятъ* постепенно объединились одним ударением и превратились в одно слово.

7. Сочетаясь с формой именительного падежа числительных *два*, *три*, *четыре*, существительные в говорах складывавшегося русского языка стали употребляться в форме именительного падежа двойственного числа, переосмысленного как родительный падеж единственного числа, а в говорах складывавшихся украинского и белорусского языков — в форме именительного падежа множественного числа (ср.: совр. русск. *два стола*, *три стола*, *четыре стола;* укр. *два столи*, *три столи*, *чотири столи;* белорусск. *два сталы*, *тры сталы*, *чатыры сталы*, тогда как в древнерусском было *дъва стола*, но *трие столи*, *четыре столи)*.

§ 14. ГЛАГОЛЫ

В составе глагольных форм древнерусского языка различались: формы, составлявшие систему трех наклонений — изъявительного, повелительного и условного, или сослагательного, и формы, стоявшие вне системы наклонений,— инфинитив (или неопределенная форма), супин и причастия. Впрочем, следует заметить, что супин нередко

считают формой особого древнерусского достигательного наклонения (см. с. 129). Глаголу были свойственны видовые различия, но не совсем такие, как в современном русском языке, а формальные признаки залога в древнерусском языке имели преимущественно причастия хотя и не только они (см. с. 136—142).

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В изъявительном наклонении глаголы имели формы настоящего, будущего и прошедшего времени.

1. В настоящем времени глаголы распределялись по трем спряжениям.

Глаголы I спряжения изменялись по следующим образцам:

1) при основе на твердый согласный в 1-м лице единственного числа и в 3-м лице множественного числа:

	ед. ч.	мн. ч.	двойств. ч.
1-е лицо	*ид-ѫ* (> *-у*)	*ид-е-мъ*	*ид-е-вѣ*
2-е лицо	*ид-е-ши* (*-шь*)	*ид-е-те*	*ид-е-та*
3-е лицо	*ид-е-ть*	*ид-ѫть* (> *-уть*)	*ид-е-та*

2) при основе на мягкий согласный в 1-м лице единственного числа и в 3-м лице множественного числа:

	ед. ч.	мн. ч.	двойств. ч.
1-е лицо	*мел-ѭ* (> *-ю*)	*мел-е-мъ*	*мел-е-вѣ*
2-е лицо	*мел-е-ши* (*-шь*)	*мол-е-те*	*мел-е-та*
3-е лицо	*мел-е-ть*	*мел-ѭть* (> *-ють*)	*мел-е-та*

Глаголы II спряжения изменялись по следующим образцам:

1) при основе не на шипящий согласный:

	ед. ч.	мн. ч.	двойств. ч.
1-е лицо	*вел-ѭ* (> *-ю*)	*вел-и-мъ*	*вел-и-вѣ*
2-е лицо	*вел-и-ши* (*-шь*)	*вел-и-те*	*вел-и-та*
3-е лицо	*вел-и-ть*	*вел-ѧть* (> *-ять*)	*вел-и-та*

2) при основе на шипящий согласный:

	ед. ч.	мн. ч.	двойств. ч.
1-е лицо	*уч-ѭ* (> *-ю*, *-у*)	*уч-и-мъ*	*уч-и-вѣ*
2-е лицо	*уч-и-ши* (*-шь*)	*уч-и-те*	*уч-и-та*
3-е лицо	*уч-и-ть*	*уч-ѧть* (> *-ять*, *-ать*)	*уч-и-та*

Глаголы I спряжения отличались от глаголов II спряжения окончаниями 3-го лица множественного числа (при-

меры см. выше) и разными тематическими гласными (*е* или *и*[1]) перед всеми окончаниями, кроме окончаний 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа. Написание *-у* < *-ѫ* или *-ю* < *-ѭ* в окончаниях 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа глаголов I спряжения зависело от твердости — мягкости предшествующего согласного. Написание *-у* < *-ѫ* в окончании 1-го лица единственного числа и написание *-а* < *-ѧ* в окончании 3-го лица множественного числа глаголов II спряжения было возможно после шипящих (так как они были мягкими, а потом отвердели). Окончание 2-го лица единственного числа *-шь*, возможно, употреблялось и в дописьменное время (как вариант *-ши*), но, скорее, появилось для обозначения на письме перехода *-ши* в *-ш'* > *ш*.

По III спряжению изменялись всего лишь четыре глагола: *ѥсмь* (при инфинитиве *быти*), *ѣмь* (при инфинитиве *ѣсти*), *вѣмь* (при инфинитиве *вѣдѣти* — 'знать'), *дамь* (при инфинитиве *дати*). Из них *ѣмь*, *вѣмь* и *дамь* спрягались совершенно одинаково, а у *ѥсмь* имелись свои особенности:

	ед. ч.	мн. ч.	двойств. ч.
1-е лицо	*да-мь*, *ѥс-мь*	*да-мъ*, *ѥс-мъ*	*да-вѣ*, *ѥс-вѣ*
2-е лицо	*да-си*, *ѥ-си*	*дас-те*, *ѥс-те*	*дас-та*, *ѥс-та*
3-е лицо	*дас-ть*, *ѥс-ть*	*дад-ѧть* (> *-ять*), *с-ѫть* (>*-уть*)	*дас-та*, *ѥс-та*

Надо заметить, что глагол *дамь* в 3-м лице множественного числа наряду с *дадять* (< *-ѧть*) мог иметь форму *дадуть* (< *-ѫть*).

В отличие от глаголов I и II спряжений глаголы III спряжения в 1-м лице единственного числа имели окончание *-мь* [а не *-у* (< *-ѫ*), *-ю* (< *-ѭ*)], во 2-м лице единственного числа *-си* (а не *-шь*, *-ши*) и не имели перед соответствующими окончаниями тематического *е* или *и*. По последней особенности глаголы III спряжения называют нетематическими, а глаголы I и II спряжений — тематическими. Окончания *-у*, *-ю* в 1-м лице единственного числа тематических глаголов, а также элементы окончаний 3-го лица множественного числа тематических и нетематических глаголов *у*, *ю*, *а*, *я* возникли из соответ-

[1] Эти *е* и *и* в праславянском языке относились к основам глаголов, но постепенно отходили к окончаниям и полностью слились с ними в письменный период истории славянских языков.

ствующих носовых гласных. В некоторых древнерусских диалектах глаголы в 3-м лице единственного и множественного числа употреблялись и без конечного *-ть* (например, *глаголеть*, но *напише* в записи к Остромирову евангелию).

2. В древнерусском языке были три будущих времени — одно простое и два сложных.

Будущее простое время по окончаниям совпадало с настоящим временем, так как лишь постепенно развивалось в древнерусском языке в связи с переосмыслением тех глаголов настоящего времени, которые начали приобретать значение совершенного вида (см. с. 137—138). Например, противопоставление *несешь* (как формы настоящего времени) и *принесешь* (как формы будущего времени) усиливалось по мере того, как все больше бесприставочный глагол *несешь* становился выразителем несовершенного вида, а приставочный *принесешь* — выразителем совершенного вида.

Будущее сложное первое время образовывалось путем спряжения вспомогательного глагола *почьнѫ*, *начьнѫ*, *имѫ*, *хочѫ* или *похочѫ* в настоящем времени в сочетании с инфинитивом того глагола, который надо было употребить в будущем сложном первом времени. Это будущее время постепенно приобретало значение несовершенного вида (например, *аже начнеть не знати у кого купилъ* в «Русской правде» — 'если не будет знать, у кого купил').

Будущее сложное второе время образовывалось спряжением вспомогательного глагола *бѫдѫ* в настоящем времени в сочетании с кратким причастием на *-л* (см. с. 130—132) в соответствующем роде и числе. Это будущее время обозначало такое действие, которое должно будет совершиться раньше какого-то другого действия. Иногда оно имело значение предполагаемого будущего действия (чем сближалось с формами сослагательного наклонения; см. с. 129). Например, *оже будеть убилъ... тъ тако ему платити* в «Русской правде» значит 'когда убьет, то так должен будет платить'; *и будеши ответъ имелъ, княже, оже ти монастыре разъграбять* в «Повести временных лет» значит 'и, пожалуй, будешь отвечать (перед богом), князь, если те монастыри разграбят'.

3. В древнерусском языке было четыре прошедших времени: два простых — аорист и имперфект — и два сложных — перфект и три варианта плюсквамперфекта.

Аорист образовывался от инфинитивных основ глаголов при помощи суффикса *-с-* (с его вариантами *х* и *ш*) и окончаний. Если на конце инфинитивной основы был какой-либо гласный, то к ней суффикс и окончания аориста присоединялись непосредственно. Если же основа инфинитива оканчивалась на согласный, то после нее вставлялся тематический гласный *о* или *е*.

Глаголы с инфинитивными основами на гласный спрягались в аористе по следующему образцу (инфинитив *зъвати* имеет основу *зъва-*):

	ед. ч.	мн. ч.	двойств. ч.
1-е лицо	*зъва-хъ*	*зъва-хомъ*	*зъва-ховѣ*
2-е лицо	*зъва*	*зъва-сте*	*зъва-ста*
3-е лицо	*зъва*	*зъва-шѧ* (> *-шя*, *-ша*)	*зъва-ста*

Глаголы с инфинитивными основами на согласный спрягались в аористе так (инфинитив *плести* имеет основу *плет-*):

	ед. ч.	мн. ч.	двойств. ч.
1-е лицо	*плет-о-хъ*	*плет-о-хомъ*	*плет-о-ховѣ*
2-е лицо	*плет-е*	*плет-о-сте*	*плет-о-ста*
3-е лицо	*плет-е*	*плет-о-шѧ* (> *-шя*, *-ша*)	*плет-о-ста*

Если глагол в аористе имел инфинитивную основу на согласный, то во всех его формах возникал тематический гласный *о* (кроме форм 2—3-го лица единственного числа, где тематическим гласным был *е*). Во 2—3-м лице единственного числа аорист обоих вариантов не имел суффикса и окончаний. Звуки *я* или *а* в окончаниях 3-го лица множественного числа аориста восходят к *ѧ*, а суффиксальные звуки *х*, *с*, *ш* первоначально, в общеславянский языковой период, представляли собой *s*[1].

Особо надо заметить, что глагол *быти* в аористе имел два варианта основы: *бы-* и *бѣ-*. Причем нередко после основы *бы-* (как и после основ других нетематических глаголов в аористе) в 3-м лице единственного числа употреблялось (по аналогии с формами настоящего времени) вторичное окончание *-сть (бысть)*[2].

---

[1] В одних случаях этот аористный *-s-* перешел в *-ch-* по фонетическим причинам, в других — по аналогии, а *-ch-*, в свою очередь, изменился в *-š'-* по первому смягчению заднеязычных. Отсюда чередование *с—х—ш*.

[2] О других особенностях образования аориста, например о *рѣхъ* (вместо *рекохъ*) от *речи* <**rektei*, о *начѧть* (вместо *начѧ*) от *начѧти*, см.: *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка, с. 152, 205.

Аорист первоначально обозначал такое прошедшее действие, которое говорящим не характеризовалось по степени длительности и завершенности, мыслилось как неопределенное. Однако в дальнейшем аорист все чаще стал использоваться для выражения прошедшего действия совершенного вида (например, *придоша языци незнаеми* в Синодальном списке Новгородской I летописи значит ‘пришли народы неизвестные’, а *въписахомъ о нихъ* — ‘мы вписали о них’).

Имперфект, как и аорист, образовывался главным образом от инфинитивных основ глагола с помощью суффикса *-ѣах-* с вариантами *-ѣаш-* (перед гласным переднего ряда *е*) и *-ѣас-* (перед *т*) и личных окончаний. Однако начальная часть имперфектного суффикса еще в дописьменный период истории древнерусского языка превратилась из *ѣа* в *а*, так как сочетание *ѣа*, не разделенное согласным и поэтому неудобное для произношения, стянулось в один гласный (изображавшийся как *а*, *я* = *ю* или *ѧ*). На это указывают раннеписьменные факты (*бѧше* — Изборник Святослава 1073 г.; *течѧху* — Изборник Святослава 1076 г.; *оукарѧхути* — Житие Феодосия; *вложаху*, *стою-ше* — Лаврентьевская летопись). О происхождении стянутых форм с *а* из нестянутых с *ѣа* свидетельствуют старославянские памятники (*идѣаста* — Остромирово евангелие; *ведѣахѫ* — Зографское евангелие; *биѣахѫ* — Мариинское евангелие). Поскольку *а* возник из *ѣа*, начинавшегося с гласного переднего ряда (*ѣ*), то согласные перед имперфектным суффиксом в письменный период всегда были мягкими. При образовании имперфекта от инфинитивных основ, кончавшихся гласным *а* или *ѣ*, этот гласный сливался с суффиксом в одном — *я* или *а*. В некоторых случаях в древнерусском языке при образовании имперфекта инфинитивная основа заменялась основой настоящего времени (1-го лица ед. ч. или 3-го лица мн. ч.). Так было, например, когда основа инфинитива оканчивалась на *и*, *ы*, *ѫ* (>*у*), а также на вставной гласный *ъ* > *о* и *ь* > *е* в сочетаниях первого полногласия (*вари-ти*, *кры-ти*, *съхнѫ-ти*, *коло-ти*, *умере-ти* и др.).

В имперфекте глаголы спрягались так:

	ед. ч.	мн. ч.	двойств. ч.
1-е лицо	*плет-ях-ъ*	*плет-ях-омъ*	*плет-ях-овѣ*
2-е лицо	*плет-яш-е*	*плет-яс-те (-яш-ете)*	*плет-яс-та (-яш-ета)*
3-е лицо	*плет-яш-е (-яш-еть)*	*плет-ях-ѫ (> -ях-у, -ях-ѫть > -ях-уть)*	*плет-яс-та (-яш-ета)*

Формы на *-яшета* (2—3-е лицо двойств. ч.) и на *-яшете* (2-е лицо мн. ч.) в древнерусском языке были архаичными и в памятниках древнерусской письменности встречаются очень редко[1]. Формы на *-яше* и *-яхѫ* > *-яху* (3-е лицо ед. и мн. ч.) нередко употреблялись с элементом *-ть* (*варяшеть, зъвахуть* и др.), появившимся по аналогии с окончаниями 3-го лица единственного и множественного числа настоящего времени.

Первоначально имперфект обозначал длительное или повторявшееся (причем не ограниченное во времени) прошедшее действие. Однако позже имперфект стал все чаще использоваться для выражения прошедшего действия несовершенного вида (например, *Не хожаше зять по невесту, но приводяху вечеръ* в «Повести временных лет» значит 'не ходил зять за невестой, но ее приводили вечером', *и браци не бываху въ нихъ* — 'и браков не бывало у них').

Перфект образовывался присоединением вспомогательного глагола *ѥсмь* (в нужном числе и лице) к краткому причастию на *-л* (в нужном роде и числе; см. с. 131) и обозначал результат прошедшего действия, сохраняющийся в момент высказывания. Например, в выражении *Княже, сдумал еси на святую Софью* из Синодального списка Новгородской I летописи перфект *сдумалъ еси* значит 'ты есть тот, который вздумал', а в выражении *яз, князъ Андрѣи Василевич, пожаловал есмь... игумена* из грамоты угличского князя Андрея Большого *пожаловал есмь* значит 'являюсь лицом пожаловавшим'.

Плюсквамперфект образовывался сочетанием с кратким причастием на *-л* (в соответствующем роде и числе; см. с. 131) вспомогательного глагола *быть* (в соответствующем лице и числе) в имперфекте, аористе (с основой *бѣ-*) или в перфекте и обозначал действие, предшествовавшее другому прошедшему действию. Например, *Томъ же лѣтѣ ростовци и суздальци выгнаша Леона епископа, зане умножилъ бяше церкви* в Московском летописном своде значит 'в то лето выгнали ростовцы и суздальцы епископа Леона, так как он умножил число церквей'; *Фрязи печальни бывъше... не тако бо бѣ казалъ имъ цесарь* в Синодальном списке Новгородской I летописи — 'латиняне были опе-

---

[1] Происхождение вариантов на *-яста* и *-ясте* недостаточно выяснено. И вообще о возникновении славянского имперфектного суффикса ученые пока спорят (см.: *Кузнецов П. С.* Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961, с. 110—127).

чалены, ибо не так сказал им цесарь', а *избиша новгородцевъ, котории (суть) были пошли на Юргу* — 'перебили новгородцев, которые пошли на Юргу'; *А што былъ если взялъ подо мною Ржову, буда со мною не в любви, и я тебе... перепросил* в докончальной грамоте тверского князя Бориса — 'а Ржеву, которую ты у меня отнял, будучи со мною во вражде, я у тебя снова выпросил'.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Формы повелительного наклонения образовывались от глагольных основ 3-го лица множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения с помощью тематических гласных и личных окончаний. В единственном числе повелительное наклонение имело форму 2—3-го лица, а в двойственном и множественном числе — формы 1—2-го лица.

Тематические глаголы с твердым согласным на конце основы спрягались в повелительном наклонении по следующему образцу (*бер-ѫть* имеет основу на твердый *р*):

	ед. ч.	мн. ч.	двойств. ч.
1-е лицо	—	*бер-ѣ-мъ*	*бер-ѣ-вѣ*
2-е лицо	*бер-и*	*бер-ѣ-те*	*бер-ѣ-та*
3-е лицо	*бер-и*	—	—

Тематические глаголы с мягким согласным на конце основы спрягались в повелительном наклонении так (*пиш-ѫть* — глагол I спряжения с основой на мягкий *ш*', *прос-ѧть* — глагол II спряжения с основой на мягкий *с*'):

	ед. ч.	мн. ч.	двойств. ч.
1-е лицо	—	*пиш-и-мъ, прос-и-имъ*	*пиш-и-вѣ, прос-и-вѣ*
2-е лицо	*пиш-и, прос-и*	*пиш-и-те, прос-и-те*	*пиш-и-та, прос-и-та*
3-е лицо	*пиш-и, прос-и*		

Нетематические глаголы в повелительном наклонении спрягались по следующему образцу (*дад-ѧть* имеет основу 3-го лица мн. ч. *дад-*):

	ед. ч.	мн. ч.	двойств. ч.
1-е лицо	—	*дад-и-мъ*	*дад-и-вѣ*
2-е лицо	*дажь* (< **dad-jь*)	*дад-и-те*	*дад-и-та*
3-е лицо	*дажь* (< **dad-jь*)	—	

Следовательно, в повелительном наклонении нетематические глаголы отличались от тематических (с мягкой основой настоящего времени) лишь в единственном числе. Перед тематическими гласными *ѣ* и *и*, возникшими из дифтонга *oĭ*[1], заднеязычные согласные превращались в свистящие. Например, для глагола *мочи* с основой настоящего времени *мог-* формы повелительного наклонения были *мози*, *мозѣте* и т. д. Повелительные формы единственного числа нетематических глаголов когда-то образовывались с помощью *-jь*, сочетание с ним *д* давало *д'ж'* > *ж'* (*ѣжь*, *вѣжь*)[2]. У тематического глагола *видѣти* повелительные формы единственного числа были такие же, как у нетематических,— *вижь* (< **vidjь*). Повелительные формы 3-го лица единственного числа имели значение пожелания (например, *а богъ буди за тѣмь* в Мстиславовой грамоте — 'а бог пусть будет за тем'). Временны́х различий глаголы в повелительном наклонении не имели.

УСЛОВНОЕ (СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ) НАКЛОНЕНИЕ

Формы условного (сослагательного) наклонения образовывались сочетанием вспомогательного глагола *быти* (в соответствующем лице и числе) в аористе с основой *бы-* и краткого причастия на *-л* (в соответствующем роде и числе; см. с. 130—132) и служили для выражения предполагаемого действия, т. е. действия, которое может совершиться при определенных условиях (например, *А быхъ не сълала къ нему слезъ* в «Слове о полку Игореве» значит 'а я бы не слала к нему слез').

СУПИН

Супин, или, как его называл А. Х. Востоков, достигательное наклонение, представлял собой неизменяемую глагольную форму с основой инфинитива и суффиксом *-тъ* и служил для обозначения цели движения[3],

[1] В повелительных формах некоторых групп глаголов тематический *и* был иного происхождения (см.: *Елкина Н. М.* Старославянский язык, с. 164—166).

[2] От нетематического глагола *ѥсмь* повелительные формы не образовывались.

[3] По происхождению супин представлял собой форму винительного падежа единственного числа существительного третьего типа склонения.

5 Зак, 1322

выраженного другим глаголом (например, *Прислаша сѧ ко князю Андрею Романъ с братьею своею просяще Роману Ростиславичу Кыева княжитъ* в Суздальской летописи значит 'прибыли к князю Андрею Роман и его братья и просят Киев, чтобы в нем Роману Ростиславовичу княжить').

ИНФИНИТИВ

Инфинитив представлял собой неизменяемую глагольную форму с суффиксом *-ти* (*нес-ти*, *брес-ти* и др.) и служил для обозначения действия безотносительно к наклонению, времени и лицу. Если основа инфинитива оканчивалась на согласный *г* или *к*, то суффикс *-ти* сливался с ним (см. с. 55) и в результате возникало *-чи* (*печи* < **pektei*, *стеречи* < **stergtei* и др.). Позднее суффиксальный *и* у инфинитива в древнерусском языке мог утрачиваться[1].

ПРИЧАСТИЯ

Древнерусские причастия обладали рядом глагольных признаков (время, залог, вид) и в то же время сближались с прилагательными возможностью изменяться по родам и падежам, наличием кратких и полных форм и синтаксическими функциями. Образовывались причастия с помощью специальных суффиксов и кратких или полных окончаний, аналогичных окончаниям прилагательных (см. § 12). Особо надо указать следующее:

1. Нестрадательные причастия[2] настоящего времени образовывались от основ тематических глаголов настоящего времени I спряжения с помощью суффикса *-ѫч-* > *-уч-*, а II спряжения — с помощью суффикса *-ѧч-* > *-ач-* (*-яч-*) (например, *кол'-ѫч-и*, *нес-ѫч-и*, *сѣд-ѧч-и*, *търп-ѧч-и*, *тѫж-ѧч-и* — краткие формы им. п. ед. ч. м. р.). Аналогично образовывали нестрадательные причастия настоящего времени и нетематические глаголы (*приношаху по неи, что вдадуче* — «Повесть временных лет»).

[1] По происхождению инфинитив — форма дательного падежа единственного числа существительного четвертого типа склонения (ср.: *знати*, *кости*).

[2] Нестрадательные причастия часто именуют действительными. Но это неточно, так как не все они выражают направленность действия от субъекта к объекту (ср.: *горячи*, *устала* и др., а также совр. русск. *горевший*, *сидящий* и т. п.).

2. Нестрадательные причастия прошедшего времени образовывались от глагольных основ инфинитива с помощью суффиксов *-въш-* (если инфинитивная основа оканчивалась на гласный), *-ъш-* (если инфинитивная основа оканчивалась на согласный) и *-л-* (от любых инфинитивных основ) (например, *коло-въш-и*, *нес-ъш-и*, *люби-въш-и*, *коло-л-а*, *нес-л-а*, *люби-л-а*, *уста-л-а* — краткие формы им. п. ед. ч. ж. р.). Для кратких форм причастия на *-л* косвенные падежи неизвестны.

3. Страдательные причастия настоящего времени образовывались от глагольных основ настоящего времени с помощью суффиксов *-ом-* (от основ на твердый согласный), *-ем-* (от основ глаголов I спряжения на мягкий согласный) и *-им-* (от основ глаголов II спряжения) (например, *нес-ом-ъ*, *зна-ем-ъ*, *люб-им-ъ*— краткие формы им. п. ед. ч. м. р.).

4. Страдательные причастия прошедшего времени образовывались от глагольных основ инфинитива с помощью суффиксов *-н-* (и его варианта *-ен-*) или *-т-* [например, *узна-н-ъ*, *принес-ен-ъ*, *съкош-ен-ъ* (< **sŭnkosj-en-*), *съши-т-ъ* — краткие формы им. п. ед. ч. м. р.].

5. Краткие нестрадательные причастия настоящего времени мужского и среднего рода в именительном падеже единственного числа с дописьменных времен вместо вышеуказанных суффиксов имели *-а* (после твердого согласного) и *-ѧ*, затем переходившее в *-я* (после мягкого согласного), возможно, уподоблявшиеся окончаниям[1]. Причем очень рано *-а* стали заменять на *-я* (ср.: *веза* и *везя* — 'везущий, везущее', *зная* — 'знающий, знающее', *видя* — 'видящий, видящее' и др.).

6. Краткие нестрадательные причастия прошедшего времени мужского и среднего рода в именительном падеже единственного числа, издавна у славян не имевшие окончания, с развитием закона открытого слога утратили конечный суффиксальный согласный (*коловъ* — 'коловший, коловшее', *везъ* — 'везший, везшее' и др.).

7. У кратких нестрадательных причастий женского рода с основами не на суффиксальный *-л-* в именительном падеже единственного числа было окончание *-и*, а мужского рода в именительном падеже множественного числа — *-е*, как у прилагательных в сравнительной степени (например,

---

[1] О происхождении этих форм см.: *Шахматов А. А.* Историческая морфология русского языка, с. 134—139.

коловъш-и, *несъш-и* — формы им. п. ед. ч. ж. р., *коловъш-е*, *несъш-е* — формы им. п. мн. ч. м. р.). У кратких прилагательных на *-л* были оконачания прилагательных положительной степени.

8. Указанные особенности кратких форм причастий нестрадательного залога мужского, среднего и женского рода в именительном падеже единственного числа и мужского рода в именительном падеже множественного числа отражались на соответствующих полных формах. Однако очень рано окончания причастий стали уподобляться окончаниям полных прилагательных в положительной степени, а основы причастий мужского и среднего рода в именительном падеже единственного числа — основам других падежей (например, от глагола *бьрати* им. п. ед. ч. м. р. причастия в краткой форме *бера* и *беря*, *бьравъ*, а в полной — *бераи* и *беряи*, *бьравый* и затем *беручий*, *бравший*).

Древнерусскую систему склонения причастий иллюстрируют причастные формы глагола *плести* (< **plettei*):

1) краткие формы (нестрадательного и страдательного залогов, настоящего и прошедшего времени):

единственное число

мужской род

И.	*плета* (> *-я*)	*плетъ*	*плетом-ъ*	*плетен-ъ*
Р.	*плетѫч-а* (*-я*)	*плетъ-а* (*-я*)	*плетом-а*	*плетен-а*
Д.	*плетѫч-ю* (> *-у*)	*плетъш-ю* (> *-у*)	*плетом-у*	*плетен-у*
В.	*плетѫч-ь*	*плетъш-ь*	*плетом-ъ*	*плетен-ъ*
	плетѫч-а (*-я*)	*плетъш-а* (*-я*)	*плетом-а*	*плетен-а*
Т.	*плетѫч-ьмь*	*плетьш-ьмь*	*плетом-ъмь*	*плетен-ъмь*
М.	*плетѫч-и*	*плетъш-и*	*плетом-ѣ*	*плетен-ѣ*

средний род

И.	*плета* (> *-я*)	*плетъ*	*плетом-о*	*плетен-о*
В.	*плетѫч-е*	*плетъш-е*	*плетом-о*	*плетен-о*

Р., Д., Т. и М. — как соответствующие формы мужского рода

женский род

И.	*плетѫч-и*	*плетъш-и*	*плетом-а*	*плетен-а*
Р.	*плетѫч-ѣ*	*плетъш-ѣ*	*плетом-ы*	*плетен-ы*
Д.	*плетѫч-и*	*плетъш-и*	*плетом-ѣ*	*плетен-ѣ*
В.	*плетѫч-ѭ* (> *-ю*)	*плетъш-ѭ* (> *-ю*)	*плетом-ѫ* (> *-у*)	*плетен-ѫ*. (> *-у*)
Т.	*плетѫч-еѭ* (> *-ею*)	*плетъш-еѭ* (> *ею-*)	*плетом-оѭ* (> *-ою*)	*плетен-оѭ* (> *-ою*)
М.	*плетѫч-и*	*плетъш-и*	*плетом-ѣ*	*плетен-ѣ*

Множественное число

мужской род

И.	*плетѫч-е*	*плетъш-е*	*плетом-и*	*плетен-и*
Р.	*плетѫч-ь*	*плетъш-ь*	*плетом-ъ*	*плетен-ъ*
Д.	*плетѫч-емъ*	*плетъш-емъ*	*плетом-омъ*	*плетен-омъ*
В.	*плетѫч-ѣ*	*плетъш-ѣ*	*плетом-ы*	*плетен-ы*
Т.	*плетѫч-и*	*плетъш-и*	*плетом-ы*	*плетен-ы*
М.	*плетѫч-ихъ*	*плетъш-ихъ*	*плетом-ѣхъ*	*плетен-ѣхъ*

средний род

И. — В. *плетѫч-а (-я)* *плетьш-а (-я)* *плетом-а* *плетен-а*
Р., Д., Т. и М. — как соответствующие формы мужского рода

женский род

И.	*плетѫч-ѣ*	*плетъш-ѣ*	*плетом-ы*	*плетен-ы*
Р.	*плетѫч-ь*	*плетъш-ь*	*плетом-ъ*	*плетен-ъ*
Д.	*плетѫч-амъ (-ямъ)*	*плетъш-амъ (-ямъ)*	*плетом-амъ*	*плетен-амъ*
В.	*плетѫч-ѣ*	*плетъш-ѣ*	*плетом-ы*	*плетен-ы*
Т.	*плетѫч-ами (-ями)*	*плетъш-ами (-яма)*	*плетом-ами*	*плетен-ами*
М.	*плетѫч-ахъ (-яхъ)*	*плетъш-ахъ (-яхи)*	*плетом-ахъ*	*плетен-ахъ*

двойственное число

мужской род

И. — В.	*плетѫч-а (-я)*	*плетъш-а (-я)*	*плетом-а*	*плетен-а*
Р. — М.	*плетѫч-ю (-у)*	*плетъш-ю (-у)*	*плетом-у*	*плетен-у*
Д. — Т.	*плетѫч-ема*	*плетъш-ема*	*плетом-ома*	*плетен-ома*

средний род

И. — В.	*плетѫч-и*	*плетъш-и*	*плетом-ѣ*	*плетен-ѣ*
Р. — М.	*плетѫч-ю (-у)*	*плетъш-ю (-у)*	*плетом-у*	*плетен-у*
Д. — Т.	*плетѫч-ема*	*плетъш-ема*	*плетом-ома*	*плетен-ома*

женский род

И. — В.	*плетѫч-и*	*плетъш-и*	*плетом-ѣ*	*плетен-ѣ*
Р. — М.	*плетѫч-ю (-у)*	*плетъш-ю (у)*	*плетом-у*	*плетен-у*
Д. — Т.	*плетѫч-ама (-яма)*	*плетъш-ама (-яма)*	*плетом-ама*	*плетен-ама*

2) полные формы (нестрадательного и страдательного залогов, настоящего и прошедшего времени):

единственное число

мужской род

И.	*плетаи (> -яи)*	*плетыи (< -ъи)*	*плетом-ыи*	*плетен-ыи*[1]
	плетѫч-ии	*плетъш-ии*		
В.	*плетѫч-его*	*плетъш-его*	*плетом-ого*	*плетен-ого*
Д.	*плетѫч-ему*	*плетъш-ему*	*плетом-ому*	*плетен-ому*
В.	*плетѫч-ии (-его)*	*плетъш-ии (-его)*	*плетом-ыи*	*плетен-ыи (-ого)*
Т.	*летѫч-имь*	*плетъш-имь*	*плетом-ымь*	*плетен-ымь*
			(-ого)	
М.	*плетѫч-емь*	*плетъш-емь*	*плетом-омь (-ѣмь)*	*плетен-омь (-ѣмь)*

средний род

И. — В. *плетѫч-ее* *плетъш-ее*[2] *плетом-ое* *плетен-ое*

Р., Д., Т. и М. — как соответствующие формы мужского рода.

женский род

И.	*плетѫч-ия*	*плетъш-ия*	*плетом-ая*	*плетен-ая*
Р.	*плетѫч-еѣ*	*плетъш-еѣ*	*ппетом-оѣ (-ыѣ)*	*плетен-оѣ (-ыѣ)*
Д.	*плетѫч-еи*	*плетъш-еи*	*плетом-ои (-ѣи)*	*плетен-ои (-ѣи)*
В.	*плетѫч-ѭѭ (> -юю, -ую)*	*плетъш-ѭѭ (> -юю, -ую)*	*плетом-ѫѭ (> -ую)*	*плетен-ѫѭ (> -ую)*
Т.	*плетѫч-еѭ (> -ею)*	*плетъш-еѭ (> -ею)*	*плетом-оѭ (> -ою)*	*плетен-оѭ (> -ою)*
М.	*плетѫч-еи*	*плетъш-еи*	*плетом-ои (-ѣи)*	*плетен-ои (-ѣи)*

---

[1] Полные формы этого типа в древнерусском языке первоначально, как и краткие, были без удвоения суффиксального *н*. Удвоение (*ньн > нн*) началось благодаря старославянскому влиянию: в литературной письменной речи удвоение *н* иногда имело место уже в раннеписьменное время, в разговорной речи появилось, возможно, не раньше XVII в. (см.: *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка, с. 286).

[2] В именительном падеже среднего рода настоящего и прошедшего времени нестрадательного залога теоретически первоначально были возможны *плетае* (*<плета + ѥ*) и *плетые* (*< плетъѥ < плетъ + ѥ*), но такие примеры трудно найти в памятниках письменности, так как формы именительного падежа среднего рода полных причастий действительного залога в древнерусской письменности очень редки.

множественное число

И.	мужского рода:		
	плетѫч-еи	*плетъш-еи*	*плетом-ии*
И.	среднего рода:		
	плетѫч-ая (-яя)	*плетъш-ая (-яя)*	*плетом-ая*
И.	женского рода:		
	плетѫч-ѣѣ	*плетъш-ѣѣ*	*плетом-ыѣ*

множественное число

Р.	для всех родов:		
	плетѫч-ихъ (-иихъ)	*плетъш-ихъ (-иихъ)*	*плетом-ыхъ (ыихъ)*
Д	для всех родов:		
	плетѫч-имъ (-иимъ)	*плетъш-имъ (-иимъ)*	*плетом-ымъ(-ыимъ)*
В	мужского и женского рода:		
	плетѫч-ѣѣ	*плетъш-ѣѣ*	*плетом-ыѣ*
В	среднего рода:		
	плетѫч-ая (-яя)	*плетъш-ая (-яя)*	*плетом-ая*
Т	для всех родов:		
	плетѫч-ими (-иими)	*плетъш-ими (-иими)*	*плетом-ыми (-ыими)*
М.	для всех родов:		
	плетѫч-ихъ (-иихъ)	*плетьш-ихъ (-иихъ)*	*плетом-вхъ (-ыихъ)*

И.	мужского рода:	*плетен-ии*
И.	среднего рода:	*плетен-ая*
И.	женского рода:	*плетен-ыѣ*
Р.	для всех родов:	*плетен-ыхъ (-ыихъ)*
Д.	для всех родов:	*плетен-ымъ (-ыимъ)*
В.	мужского и женского рода:	*плетен-ыѣ*
В.	среднего рода:	*плетен-ая*
Т.	для всех родов:	*плетен-ыми (-ыими)*
М.	для всех родов:	*плетен-ыхъ (-ыихъ)*

двойственное число

И. — В. мужского рода:

плетѫч-ая (-яя), плетъш-ая (-яя), плетом-ая, плетен-ая

И. — В. женского и среднего рода:

плетѫч-ии, плетъш-ии, плетом-ѣи, плетен-ѣи

Р. — М. для всех родов:

плетѫч-юю (-ую), плетъш-юю (-ую), плетом-ую, плетен-ую

Д. — Т. для всех родов:

плетѫч-има (-иима), плетъш-има (-иима), плетом-ыма (-ыима), плетен-ыма (-ыима)

ЗАЛОГ

Первоначально в древнерусском языке все причастия и некоторые непричастные образования имели формальные признаки залогового противопоставления глаголов (т. е. признаки, с помощью которых морфологически выражаются отношения между производителем действия и объектом, на который оно направлено. Причастия с суффиксами *-ѫч-* > *-уч-*, *-ѧч-* > *-яч-(-ач-)*, *-въш-* > *-вш-*, *-ъш-* > *-ш-* и *-л-* были нестрадательного залога, а с суффиксами *-ом-*, *-ем-*, *-им-*, *-н-*, *-т-* были страдательного залога.

Иными средствами выражения глагольного залога являлись:

1) чередования гласных в некоторых корнях; например, *сажѫ* (с корневым *а*) обозначало действие субъекта, направленное на объект (действительный залог), а *сижѫ* (с заменой *а* на *и* в том же корне) обозначало состояние самого субъекта (средне-возвратный залог); ср. также: *лупити — лопнѫти*, *положѫ — лежѫ* и т. п.; в паре *(по)лагаѭ — лѧгѫ* корневой гласный *а* служил признаком действия, направленного от субъекта на объект (действительный залог), а гласный *ѧ* показывал, что объектом действия являлся сам субъект (средне-возвратный залог);

2) чередования некоторых суффиксов; например, в парах *громити — гремѣти*, *зълити — зълѣти*, *ослабити — ослабѣти*, *чьрнити — чьрнѣти* суффикс *-и-* указывал на действие субъекта, направленное на объект (действительный залог), а суффикс *-ѣ-* указывал на то, что́ претерпевал сам субъект (средне-возвратный залог) (ср. также: *мочити — мокнѫти*, *тѫшити — тѫхнѫти* с чередованием суффиксов *-и-* и *-нѫ-*).

Эти непричастные средства выражения глагольных залогов были унаследованы древнерусским языком от соответствующих праславянских и праиндоевропейских диалектов, так как они сходны с теми, какие можно наблюдать в древних, а иногда и в новых неславянских индоевропейских языках (ср.: нем. *trinken* — 'пить' и *trenken* — 'поить', *hingen* — 'висеть' и *hengen* — 'вешать'). Однако эти средства в древнерусском языке были уже непродуктивными, так как 1) они проявляли себя не всегда; если в *тѫшити — тѫхнѫти* суффиксы *-и-* и *-нѫ-* выражали залоговое противопоставление, то в *палити — пальнѫти* они этой функции не выполняли; если чередование корне-

вых *о* и *е* в *положѫ* — *лежѫ* выражало залоговые различия, то в *возити* — *везти* не выражало; 2) в письменный период истории древнерусского языка указанные средства различения залогов уже не развивались, а заменялись новыми (для этой цели стала использоваться возвратная частица *-ся*; см. с. 107, 142).

ВИД

Формальные и смысловые различия грамматического вида глаголов в древнерусском языке находились в стадии преобразования. Полагают, что сначала в индоевропейском праязыке не было противопоставления глагольных форм времени и вида, но глаголы, обозначавшие начало действия, развивающееся действие, момент завершения действия, законченное действие, имели разные формальные признаки[1]. В дальнейшем на этой основе начала складываться система грамматических форм времени и вида. В формах времени выражаемое глаголом действие или состояние приобретало характеристику, отвечающую на вопрос «когда?», а в формах вида — характеристику, отвечающую на вопрос «как?». При этом в разных языках, развившихся из индоевропейского праязыка, получилось не все одинаково. В германских и романских языках, например, стали преобладать временны́е оттенки глагольного действия или состояния и образовалась сложная система глагольных времен, тогда как видовые оттенки не получили развития. У славян же формы времени и вида оказались противопоставленными совершенно отчетливо.

Первоначально славянский глагольный вид, отвечая на вопрос «как?», выражал разные степени длительности действия (иначе — количество действия или состояния) путем изменения корневых гласных и суффиксов. Это видовое свойство славянские глаголы сохраняют до сих пор. Например, в современном русском языке глаголы способны передавать четыре степени длительности действия или состояния: конкретную и абстрактную, однократно-мгновенную и многократную. Так, *бреду* обозначает конкретную длительность действия, тогда как *брожу* (возникшее из

[1] См.: *Мейе А*. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, с. 211—213; *Кузнецов П. С*. Историческая грамматика русского языка, с. 209—230; *Якубинский Л. П*. История древнерусского языка, с. 229—240.

бреду благодаря замене корневого *е* на *о* и добавлению суффикса *-i-* > *-j-*: **brodjom* > *брожу*) обозначает абстрактную (неконкретную), бо́льшую в сравнении с *бреду*, длительность; *плеснуть* обозначает однократно-мгновенную длительность благодаря суффиксу *-ну-*, тогда как *плескать* — повторяющуюся, многократную длительность благодаря замене *-ну-* на *-а-*.

Затем у славян, может быть, еще в их праязыке, а может, уже после его распада, в дополнение к количественным признакам глагольного вида стали развиваться новые признаки, качественные, указывающие на завершенность или незавершенность действия или состояния. В раннем древнерусском языке они еще были слабыми. Но постепенно на основе ставших более четкими по грамматическому выражению и по смыслу видовых различий между глаголами конкретно-длительного и однократного действия или состояния и глаголами абстрактно-длительного и многократного или повторяющегося действия или состояния (ср.: *положити* — *полагати* с противопоставлением гласных *о* и *а* в корне, *стукну* — *стукываю* с противопоставлением суффиксов *-н-* и *-ываj-*) бинарное противопоставление глаголов по признаку завершенности — незавершенности выражаемого ими действия или состояния усиливается. Оно стало совмещаться с видовым противопоставлением глаголов по нескольким степеням длительности (количества) действия или состояния и подчинять их.

Для формального выражения обоих новых признаков вида в древнерусском языке использовались, во-первых, старые способы — изменения корневого гласного и некоторые суффиксы, во-вторых, для этой цели стали приспосабливаться некоторые временны́е формы (см. с. 124—127), а в-третьих, начали использоваться словообразовательные приставки (*съпати* — *засыпати*, *дати* — *да-ва-ти*, *несяхъ* — 'нес' — *несохъ* — 'принес', *нести* — *принести* и др.). Но эти средства оставались неупорядоченными. Например, *по Оцѣ... где втечеть в Волгу* в «Повести временных лет» — здесь *втечеть* означает 'впадает', а не 'впадет'; *мне мужа своего не кресити* — здесь *не кресити* — 'не воскресить', а не 'воскрешать'; *закон имуть отецъ своих... ни красти, ни оклеветати, ли убити, ли зъло деяти* — в одном ряду глаголы, одни из которых, по современным русским нормам, должны выражать действия совершенного вида, а другие — действия несовершенного вида.

ИЗМЕНЕНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕРУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Важнейшие преобразования первоначальных глагольных форм относятся к периоду складывания на основе древнерусского языка трех новых восточнославянских языков.

1. Видовое противопоставление глаголов по завершенности — незавершенности выражаемого действия или состояния продолжало усиливаться и было одной из основных причин изменения глагольной системы.

2. Формы аориста (начавшего приспосабливаться для выражения завершенного прошедшего действия) и имперфекта (начавшего выражать незавершенное прошедшее действие) не выдержали конкуренции с перфектом совершенного — несовершенного вида и стали исчезать. Полагают, что в разговорной восточнославянской речи они перестали употребляться уже в начале письменного периода древнерусского языка, хотя в некоторых диалектах и в книжной речи сохранялись дольше.

3. С утратой аориста и имперфекта исчезли соответствующие спрягаемые части сослагательного наклонения и плюсквамперфекта.

4. Параллельно в перфекте и плюсквамперфекте исчез вспомогательный глагол *ѥсмь*. И в конце концов, формы прошедшего времени изъявительного наклонения стали состоять только из причастий на *-л*. В большей части говоров складывавшегося русского (великорусского) языка это привело к слиянию перфекта и плюсквамперфекта. Следовательно, единственной формой прошедшего времени осталось краткое причастие на *-л* в соответствующем роде и числе (так как плюсквамперфектное вспомогательное причастие на *-л* стало опускаться). В говорах складывавшихся украинского и белорусского языков и в некоторых северновеликорусских говорах различия между перфектом и плюсквамперфектом сохранились и затем дали формы прошедшего и преждепрошедшего времени.

5. Признаком условного (сослагательного) наклонения при причастии на *-л* в каждом из складывавшихся восточнославянских языков стала частица *бы*, *б* — застывшая форма аориста от *быти* во 2—3-м лице единственного числа.

6. Вместо двух сложных форм будущего времени в складывавшихся восточнославянских языках постепенно утвердилась одна: из инфинитива основного глагола (как в древне-

русском будущем сложном первом) и спрягаемой формы глагола *быть* (как в древнерусском будущем сложном втором). Она везде стала обозначать действие несовершенного вида, тогда как будущее простое время — действие совершенного вида. Однако в говорах складывавшегося украинского языка и в некоторых говорах формировавшегося белорусского языка древнерусское будущее сложное первое время не исчезло, а преобразовалось в формы несовершенного вида (вроде укр. *ходитиму*, белорусск. *хадзіцьму* и т. д.). Лишь в некоторых великорусских говорах будущее сложное первое время с вспомогательным глаголом *иму* пережиточно употребляется до сих пор. Древнерусское будущее сложное второе время, по-видимому, к XVII в. перестало употребляться во всех восточнославянских диалектах, так как присущие ему значения стали выражаться формами будущего времени совершенного вида (т. е. будущего простого) в сочетании (где необходимо) с условными союзами (*если*, *коли* и др.).

7. Вышли из употребления формы двойственного числа (в связи с общей утратой его и в других частях речи).

8. К концу XV в. исчез супин, слившись с близким к нему по форме и значению инфинитивом[1].

9. В повелительном наклонении перестали употребляться формы 3-го лица единственного числа, формы 2-го лица множественного числа подверглись воздействию форм 2-го лица единственного числа (*несите* вместо *несѣте*, *ставьте* вместо *ставите* при *неси*, *ставь*), а формы 1-го лица множественного числа подверглись воздействию форм 1-го лица множественного числа изъявительного наклонения (*напишем* вместо *напишимъ* и др.). На конце глагольных основ в повелительном наклонении перестали употребляться свистящие *з*', *ц*' (вместо заднеязычных согласных; см. § 4). Эти процессы не были одинаковыми в трех формировавшихся восточнославянских языках и дали порой разные результаты (ср.: русск. *пойди*, *беги*, *бежим*, *пойдёмте*, *пойдите*, *бегите*; укр. *ходи*, *біжи*, *ходімо*, *біжімо*, *ходіть*, *біжіть*; белорусск. *сядзь*, *бяжи*, *сядзьма*, *бяжым*, *сядзьце*, *бяжыце*)[2].

---

[1] Хотя можно предполагать, что в некоторых русских говорах супин сохранился (см.: *Кузнецов П. С.* Русская диалектология, с. 113).

[2] См.: *Очерки* по сравнительной грамматике восточнославянских языков, с. 202—207.

10. Нетематический тип спряжения исчез, так как входившие в него глаголы (см. с. 123) утратили большинство своих былых признаков — уподобились тематическим глаголам. С тех пор незначительными следами нетематического спряжения в русском языке являются лишь литературные формы *ем*, *дам*, *есть*, *суть* и диалектизмы *еси* — 'ешь', *даси* — 'дашь' и некоторые другие; в украинском и белорусском языках остатков нетематического спряжения сохраняется несколько больше (ср.: укр. *даси* — 'дашь', *дасте* — 'дадите'; белорусск. *ясі* — 'ешь', *ясце* — 'едите').

11. В северных говорах (т. е. в говорах будущего северновеликорусского наречия) стало отвердевать конечное *т* в формах 3-го лица глаголов настоящего времени, что отразилось на нормах современного русского литературного произношения (*ведет*, *ведут*, *носит*, *носят* и др.; ср.: укр. *нóсить*, *несуть;* белорусск. *бяжыць*, *нясуць*).

12. Краткая форма нестрадательных причастий на *-л* стала осознаваться как глагольная форма прошедшего времени изъявительного наклонения. Другие краткие формы причастий нестрадательного залога тоже перестали склоняться и превратились в деепричастия (восходящие к форме именительного падежа единственного числа кратких причастий мужского, среднего или женского рода; ср.: русск. *зная*, *узнав*, *вылезши*, *будучи;* укр. *їдучи*, *кохаючи*, *сховавши;* белорусск. *трымаючы*, *ўзяўшы*). Остальные причастия претерпели те же изменения, что и соответствующие (краткие или полные) прилагательные. Особо надо указать следующее: 1) в говорах складывавшегося русского (великорусского) языка полные причастия нестрадательного залога настоящего времени и полные причастия нестрадательного залога прошедшего времени с суффиксом *-л-* полностью перешли в разряд прилагательных (*стоячий*, *жгучий*, *вялый*, *бывалый*, *усталый* и др.); 2) то же произошло и с полными причастиями на *-л* в говорах складывавшегося белорусского языка; 3) в говорах же складывавшегося украинского языка полные формы причастий на *-л* сохранились как причастия прошедшего времени, тогда как полные формы с древними суффиксами *-въш-* и *-ъш-*, за редкими исключениями, исчезли из употребления; 4) краткие и полные формы страдательных причастий настоящего времени перестали употребляться и в говорах складывавшегося украинского языка.

13. Превращение краткой формы возвратного местоимения *ся* в частицу *ся* (с вариантами *сь*, *с*) и слияние ее с глагольными формами, завершившееся к XVIII в. (за редкими исключениями), привело к образованию возвратных глаголов и к появлению нового способа морфологического выражения залоговых различий (*читает* — действительный залог, *читается* — страдательный, *умывается* — средневозвратный и др.)[1].

14. Некоторые изменения в глагольных формах произошли по фонетическим причинам: инфинитивный суффикс *-ти* во многих случаях превратился в *-ть (-т')*, в окончаниях 2-го лица единственного числа настоящего времени исчез *и* (ср.: *несеши* и *несешь*) и т. д. (см. § 9).

§ 15. НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ СЛОВА

Древнерусские неизменяемые слова — это наречия, предлоги, союзы, частицы и междометия.

Междометия в древнерусских памятниках встречаются редко и поэтому изучены слабо. Надо думать, что многие из них, как *о*, *ой*, *ай*, *э*, возникли из непроизвольных выкриков (хотя употребляются и не в первоначальном своем виде). Некоторые же восходят к тем или иным формам других частей речи (например, *ура!*[2], *батюшки мои!*).

Все остальные неизменяемые слова представляли собой застывшие формы тех или иных изменяемых частей речи. Но одни из них появились в столь раннее время, что установить их происхождение часто можно лишь путем сопоставления с соответствующими словами родственных языков. Другие же возникли в древнерусском языке, и происхождение их из тех или иных форм изменяемых частей речи достаточно ясно. Так, например, происхождение союза *а* из наречия становится ясным при сопоставлении с санскр. *at* и авест. *aat* — 'потом' (*t* у славян отпало по закону открытого слога); наречия *вънутрь (вънѫтрь)* и *вънутри (вънѫтри)* возникли из предлога *вън* и формы винительного или местного падежа **ѫтрь* (ср. производное от этого существи-

---

[1] См.: *Грамматика* русского языка, т. 1. М., 1952, с. 412—425.

[2] О происхождении *ура!* есть два предположения: одни считают его заимствованным у тюрков (ср. тюркский корень *ур-* — 'бить'), другие возводят *ура* к ср.-в.-нем. *hurra* (от *hurren* — 'быстро двигаться').

тельного *утр-об-а* < **жтр-об-а*); предлог *около* — из наречия *около*, а *оно* — из предлога *о* и формы винительного падежа существительного *коло-* —'колесо'; союз *иже* — 'что, который' — из указательного местоимения *и* и частицы *же*, а частица *то* — из указательного местоимения среднего рода *то* и т. д.[1]

Первоначально в древнерусском языке неизменяемых слов было сравнительно немного, но постепенно, особенно в поздний период его истории, появлялись вышеуказанным путем все новые и новые неизменяемые слова (см., например, выше о появлении частиц *ся* и *бы*).

Особо следует заметить, что древнерусский язык не имел развитой системы подчинительных союзов: весьма немногочисленные, они были слабо дифференцированы по значению (см. с. 161). Даже ранние из них, надо думать, возникли позднее сочинительных союзов, так как обычно совершенно очевидно происхождение подчинительных союзов из местоимений, часто осложненных разными дополнительными элементами. Например, *ѥже* — 'которое, что, если' образовалось из указательного местоимения *ѥ* и частицы *же*, *чьто* — из вопросительного местоимения *чьто*, а *чьтобы* (*чьто бы*) — из местоимения *чьто* и частицы *бы*.

По памятникам древнерусской письменности (т. е. для позднего периода истории древнерусского языка) состав неизменяемых слов можно в общих чертах охарактеризовать так:

Обстоятельственные наречия по происхождению и, значит, по морфологической структуре были следующих типов: 1) из беспредложно-падежных форм существительных и прилагательных: *добровольно*, *доловь* (> *долой*), *кромѣ*, *нынѣ*, *прямо*, *сильно* и др. (*Ростиславъ же отступи кромѣ из града* — «Повесть временных лет»); 2) из предложно-падежных форм существительных: *вборзѣ*, *вверх*, *вдоль*, *вниз*, *внѣ*, *вопчѣ*, *вперед*, *впрок*, *исстари*, *наверху*, *назад*, *наполы*, *напорожнѣ* и др. (*поѣди вборзѣ* — Ипатьевская летопись); 3) из беспредложных и предложно-

[1] Для справок о происхождении того или иного слова (как изменяемого, так и неизменяемого) полезно обращаться к этимологическим словарям: *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1958; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. 1—4. М., 1964—1973; *Шанский Н. М.*, *Иванов В. В.*, *Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971; *Pokorny J.* Vergleichende Wörterbuch der indogermanisches Sprachen. Bern, 1949, и др.

падежных форм числительных: *едва (одва)*, *однова*, *вдвое*, *трижды* и некоторые др. (*сыну ее цѣловати крест... за себя и за матерь однова* — Новгородская судная грамота); 4) из форм неличных местоимений, осложненных частицами: *где* (< *къде*), *егда*, *как*, *коли*, *куда* (*куды*), *нигде*, *николи*, *никуда*, *сице* — 'так', *здесь* (< *сьдесь*), *сѣмо* — 'сюда', *тако*, *тамо* и др. (*кдѣ суть дружина наша; что ради придосте семо* — «Повесть временных лет»).

Немногочисленные наречия в роли главных членов безличных предложений: *жаль*, *льзе*, *надобѣ*, *нельзя*, *нѣсть*, *нѣт*, *пора* и др. (*Жаль бо ему мила брата Всеволода* — «Слово о полку Игореве»; *нельзя пити* — «Моление» Даниила Заточника; *не бѣ льзѣ гасити* — «Повесть временных лет»).

Чаще всего употреблялись следующие частицы: 1) частицы, выражающие указательные смысловые оттенки: *вото*, *се*, *то*, *убо* (*весна убо украшаетъ* — «Моление» Даниила Заточника; *Се яз, князь Дмитрии Юрьевичь, пожаловал есмь* — грамота Дмитрия Шемяки; *вото вы есть* — Лаврентьевская летопись; *жити ны по тому как то отци наши жили* — грамота Дмитрия Донского); 2) модальные и эмоционально-экспрессивные частицы: *ано* (усилительная), *деи* (при субъективной передаче чужой речи), *ей* или *ей-ей* (утвердительная), *же* (усилительная), *ино* (с вариантами *инъ*, *ини*, *инѣ* — для выражения необходимости), *ли* (вопросительная), *не* (отрицательная), *ни* (усилительно-отрицательная), *то* (усилительная), *ци* (вопросительная) и др. (*Ей, владыко, просвети ми утробу* — Пандекты Антиоха; *ано тамо измано вячьшие мужи* — Синодальный список Новгородской I летописи; *ци самъ есмь сѣлъ Кыевѣ* — Лаврентьевская летопись; *А в деревнях, деи, их ставятся* — грамота угличского князя Андрея Большого; *а не выкуплю яз тое пустоши на срок... ино... ся кабала — и купчая* — Кабала Есипова; *аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу* — «Слово о полку Игореве»). 3) частицы в функции морфем: *бы* или *б* (условная), *же* (на конце тех или иных слов), *ли* (в составе союзов), *не* (в роли отрицательной приставки), *ни* (в роли усилительно-отрицательной приставки), *ни буди* (для придания неопределенности местоимению), *ся* (возвратная) и др. (*также ни двора волостелева не ставят* — грамота угличского князя Андрея Большого; *слышав... от кого ни буди* — докончальная грамота угличского князя Андрея Большого).

Наиболее употребительными предлогами были: *без (безо), в (во), возле, дѣля, до, за, из (изо), к (ко), межи (межь, меж) на, над (надо), о, сб (сбо), от (сто), перед (передо, прѣд, прѣдо), пережь (прѣж, пережь), по, под (подо), при, про, противу, ради, с (со), сквозѣ (сквозь), у, через* и др. (*копье летѣ сквозѣ уши коневи* — «Повесть временных лет»; *Святые дѣля Троици; татба межи их* — грамота Дмитрия Шемяки; *как было пережь сего* — отступная грамота угличского князя Андрея Большого).

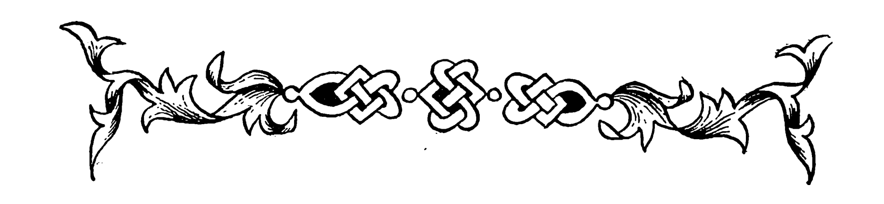
Из союзов обычно употреблялись:

1. Сочинительные союзы: главным образом *або, али (але), да, и, или, либо, но и*, реже *же (ж), ли, также, тоже*. Причем союзы *и* и *также* выполняли соединительную функцию, *да* — преимущественно соединительную, *но* — противительную, *або, или, ли* и *любо* — разделительную, *а* — соединительную и соединительно-противительную (промежуточную в сравнении с *и* и *но*), *али* — разделительную и противительную, *же (ж)* — то соединительную, то, реже, противительную (*Было на двое, але я далъ за одно* — грамота Казимира; *любо и казни, любо слѣпи, али даи намъ; Волга же бяше в Кыеве... воевода бе Свѣнелдъ, тоже оць Мистишинъ* — Лаврентьевская летопись; *за пѣнязи рахуючи, або в иншои речи* — жалованная грамота Александра-Витовта; *дал есми... село свое, а того села от монастыря... не дати, ни продати* — Данная Федора Коровая; *стрыи ти умерлъ, а по Олга ти послати, а дружина ти по городом далече; рекли бяхомъ поити на половци... ныне же половци се побѣдилѣ Игоря и брата его* — Ипатьевская летопись; *дал есмь... пустошь Красные да Онисимково* — Данная Ивана Андреевича; *прав ли виноват ли монастырской человек; намѣстницы... судят, а прилуцкой посельской с ними ж судит* — грамота угличского князя Андрея Большого). Сочинительные союзы в ряде случаев выполняли роль подчинительных, особенно условных и временных (*а кого к собѣ перезовут... и тѣм людем в тот же оброк потянути* — грамота Дмитрия Шемяки; *и хто... поѣдет по что в мои лѣс... и... Генадеи тѣм дает узолки* — грамота угличского князя Андрея Большого).

2. Подчинительные союзы: *абы, аже (ажь, аж), ато (ать, атъ, ат), аче (аще), бо, будет* (с XVI в.), *да, донели, дабы, еже, зане (заньже), ибо, иже, коли, неже (нежели), оже, поне (понеже, понели, понелѣ), что, чтобы,*

яко (акы) и др., в том числе заимствованные из старославянского языка и употреблявшиеся преимущественно в письменных литературно-повествовательных стилях речи (*донелѣ же са миръ състоить молите бога за мѧ* — Мстиславова грамота; *лѣпше оубо въ тьмѣ ходити, неже кромѣ другъ* — «Златоструй»; *не даи, аж бы промьжю нами бои былъ* — Смоленская грамота 1229 г.; *ци прилизати воды къ вину, коли даюче яко то въ великое говѣние* — Вопросы Кюрика; *створено бо бысть, да видети* — Хроника Георгия Амартола; *иже ваша будеть вѣра лучьши, ино азъ иду в вашю вѣру; изнемогоша въ градѣ, зане не бяше имъ кърма; пакости имъ не бѣ никоея, поне бо не бѣ тогда... посадника* — Синодальный список Новгородской I летописи; *рече к нимъ Стославъ, абы пошелъ кто; аче не любо ти, а ворочю ся дому; оже бо язъ... от коня спадая ся, то никто же вас не можеть вредитися; отець ваю добръ был, коли княжил у насъ* — Лаврентьевская летопись; *даи ми Переяславль, ать посажю сына своего* — Ипатьевская летопись; *показа намъ, бо тѣмъ мѣстомъ не удобь проити; списах, дабы не забыти* — «Хождение игумена Даниила»; *сказал, что занял... два рубля* — Кабала Есипова; *даи... дозорщика... штобы розъехал твои земли* — отступная грамота угличского князя Андрея Большого; *заткоша уши свои, еже бы не слышати* — Тверская летопись; *не обрѣтоша нѣмець, поне же нѣмци ушли* — Псковская летопись; *понелѣ же отъиде, и болѣ того не видѣсте* — Житие Андриана Юродивого).

Из междометий в литературно-повествовательных стилях наиболее обычны были *о*, *ох* и *увы* (*О Русская земле! Уже за Шеломянем еси* — «Слово о полку Игореве»; *О горе тъгда, братие, бяше* — Синодальный список Новгородской I летописи; *Увы мънѣ, что имамъ сътворити* — «Златоструй»; *увы мнѣ грѣшному... охъ мнѣ скверному* — послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь).



СИНТАКСИС

Многие синтаксические нормы древнерусского языка, сложившиеся еще до обособления восточнославянских языков, без существенных изменений перешли в русский (великорусский), украинский и белорусский языки и поэтому не требуют особого рассмотрения. Сюда относятся односоставное (с одним главным членом) и двусоставное (с подлежащим и сказуемым) построение предложения, пропуск в определенных случаях некоторых членов предложения, постановка подлежащего (выраженного существительным или другим склоняемым словом) в именительном падеже, согласование с ним сказуемого, сочинительные и подчинительные (согласование, управление, примыкание) связи между словами, конструкции с однородными членами предложения, повествовательные, вопросительные и восклицательные (побудительные) предложения[1].

Однако в древнерусском языке были и такие нормы синтаксиса, которые получили достаточное развитие уже в период формирования современных русского (великорусского), украинского и белорусского языков, и такие нормы, которые в поздний период истории древнерусского языка стали исчезать и затем совсем вышли из употребления.

---

[1] См.: *Борковский В. И.* Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение). Львов, 1949; *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1965, с. 338—545.

§ 16. ОБЩИЙ СТРОЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Описательные назывные предложения типа *Шёпот. Робкое дыханье. Трели соловья* (А. Фет) в древнерусском языке еще не получили развития. Один из ранних единичных случаев употребления такого предложения отмечен в Синодальном списке Новгородской I летописи: *Стояше вся осенина дъждева от госпожина дни до корочюна тепло дъжгь*[1] (да и здесь, по мнению многих лингвистов, слова *тепло* и *дъжгь* можно признать однородными с *осенина* подлежащими при сказуемом *стояше*).

В древнерусском языке были распространены безличные предложения с главным членом в форме инфинитива и при логическом (не грамматическом!) субъекте действия в дательном падеже (*Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думаю сдумати, ни очима съглядати* — «Слово о полку Игореве»). Сейчас у восточных славян подобные предложения сохраняются преимущественно в разговорном просторечии (*Ему бы оглянуться, а он и не подумал* и др.).

В современном русском языке распространены безличные предложения с главным членом *нет* (из *не ѥсть* через промежуточную форму *нѣсть*) или непереходным глаголом в 3-м лице единственного числа с отрицанием *не* и дополнением в родительном падеже, которое при отсутствии отрицания при глаголе или при замене *нет* на *есть*, *имеется* становится подлежащим (ср.: *нет ни одного человека* — *есть один человек; не осталось ни одного больного* — *остался один больной*)[2]. Такие обороты были уже и в древнерусском языке (*Нѣсть ему помощи от великого князя* — «Повесть о разорении Рязани»; *не будеть славы тебѣ* — Ипатьевская летопись), однако в древнерусских памятниках нередки еще и факты употребления в подобных случаях личных предложений (*не остася ни единъ обринъ; и браци не бываху въ нихъ* — «Повесть временных лет»)[3].

---

[1] См.: *Истрина Е. С.* Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи.— «Изв. АН. ОРЯС», 1919, т. 24, кн. 2.

[2] Русск. *нет* в таких случаях соответствует укр. *нема* и белорусск. *няма* (укр. *нема грошів*, белорусск. *няма вока* и др.).

[3] См.: *Борковский В. И.* Синтаксис древнерусских грамот, с. 64, 67—70.

§ 17. ВЫРАЖЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО И СКАЗУЕМОГО

Первоначально восточные славяне не употребляли местоимений 1—2-го лица в роли подлежащего, так как еще, видимо, не вполне было утрачено представление о том, что глагол-сказуемое в любом из этих лиц указывает на подлежащее своим окончанием (*мужа твоего убихомъ* — Лаврентьевская летопись).

Если сказуемое предложения было именное, то в раннем древнерусском языке оно обязательно употреблялось со связкой, даже в настоящем времени (*а ты князь ли еси* — «Повесть временных лет»). Однако позднее в настоящем времени связку стали опускать сначала для 3-го лица, а потом и для 1-го и 2-го.

В памятниках древнерусской письменности часто в составе именного сказуемого встречается форма именительного падежа, хотя на его месте по современным русским (великорусским) нормам нужно было бы употребить творительный (*Аще хощеши любимъ быти* — Житие Нифонта; *инии седоша на Двине и нарекошася полочане* — «Повесть временных лет»). Эти обороты принято называть конструкциями с двойным или вторым именительным падежом. В современном русском (великорусском) языке такие вторые падежи пережиточно возможны, однако часто воспринимаются как необычные, как аномалии [ср.: *Богатырь ты будешь с виду* (М. Лермонтов), *Бойцы улицы считаетесь* (М. Горький)].

Первоначально восточные славяне в роли предикативов не употребляли полных (членных) прилагательных, а краткие нестрадательные причастия, причем не только на *-л*, использовали в этой роли очень часто (*иже пришедъ передъ насъ панъ Гервасъ и веновалъ и отправилъ* — грамота Бенка). В дальнейшем краткие нестрадательные причастия (кроме кратких причастий на *-л*), перестав согласовываться с подлежащими, превратились в деепричастия и утратили способность выполнять предикативную функцию. Наиболее поздние случаи предикативного употребления кратких причастий, ставших деепричастиями, в московской письменности относятся, по-видимому, к XVII в.[1] Лишь кое-где диалектно деепричастия в роли предикативов употребляются до сих пор (*он не евши* и т. п.).

[1] П. Я. Черных указывает такой пример из Уложения 1649 г.: *а будет кто стреляючи.*

§ 18. СВЯЗЬ СКАЗУЕМОГО С ПОДЛЕЖАЩИМ

Обычно сказуемое в древнерусском языке согласовывалось по грамматической форме с подлежащим (*Ходи Мьстиславъ на литву* — Ипатьевская летопись). Однако были случаи нарушения грамматического согласования: 1) при собирательном подлежащем в единственном числе глагол-сказуемое ставился во множественном числе, т. е. согласовывался не по форме, а по смыслу (*сице придоша Русь* — «Повесть временных лет»), как это до сих пор часто встречается и в современной диалектной речи (*народ не согласны* и т. п.); 2) иногда предикативное краткое страдательное причастие прошедшего времени или причастие на *-л* ставилось в среднем роде единственного числа независимо от рода и числа подлежащего (*ано тамо измано вячьшие мужи* — Синодальный список Новгородской I летописи; *пустошь Покровская и Покровь она ж в порозжих землях николи не бывало* — Обыскные сказки крестьян с. Прилуки), как это до сих пор сохранилось в некоторых диалектах (*вся каша съедено, наша деревня сгорело* и др.).

§ 19. ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В древнерусском языке управляемое слово могло употребляться не с тем предлогом и не в том падеже, что в современных восточнославянских языках. Отметим основные отличия от современных литературных русских норм:

1. Управление было беспредложным, как и современное русское, но управляемое слово ставилось не в том падеже, в каком его ставят по русским литературным нормам XX в.: 1) именительный падеж прямого дополнения был обычен при инфинитиве, допускался и при других глагольных формах (*тая правда узяти русину* — Смоленская грамота 1229 г.; *взяти от дѣла ногата* — «Русская правда»; *нынѣ есмь оувѣдалъ любовь ваша* — грамота полоцкого епископа Иакова; *от рубля дати ему долгая* — договорная грамота Полоцка с Ригою; *мьстити имъ кровь християньская* — Синодальный список Новгородской I летописи; *вся таль пустити* — грамота тверского князя Михаила; *знати своя служба* — докончальная грамота Дмитрия Донского; *а трепати нам сырая земля* — «Задонщина»; *та треть держати* — грамота угличского князя Андрея Большого; *лѣс...*

секли и береста драли на деготь — Переяславль-Залесский судный список; *велѣл службишка посмотрити* — челобитная Ивана Пересветова); издавна думают, что в оборотах этого типа обычными были существительные лишь первого типа склонения[1], однако только что приведенные случаи с существительными *любовь*, *кровь*, *таль*, *треть* и т. п. факты свидетельствуют не в пользу традиционного мнения; 2) употреблялся родительный падеж прямого дополнения без отрицания и не в значении части целого (*начяти... трудныхъ повѣстий; поостри сердца своего мужеством* — «Слово о полку Игореве»; *утеръ слезъ своих; постерези землѣ рускоѣ* — Ипатьевская летопись; *князь... вспросил Сени Григорьева и Сеньки Кузьмина: отвечайте* — Московская правая грамота); обороты этого типа до сих пор встречаются в русских диалектах (*нашел гриба*, *спросить мамы* — на Верхней Волге) и обычны в украинском языке (*розкрійте рота*, *утерети носа* и др.); 3) родительный падеж мог соответствовать современному русскому творительному падежу (*насытитися пения и чтения* — псковский Пролог; *половци же вземше городъ и ополониша ся полона* — Ипатьевская летопись); 4) винительный падеж соответствовал современному русскому дательному падежу (*доложити государя* — Переяславль-Залесский судный список; *меня докладывали* — правая грамота Троице-Сергиеву монастырю).

2. Управление было беспредложным, тогда как по современным русским литературным нормам при управляемом слове нужен предлог и нередко даже иной падеж. При этом управляемое слово могло стоять в любом косвенном падеже и служить для обозначения разных обстоятельств и дополнений: 1) в родительном падеже (*тѣхъ ти ся всѣхъ отступити* — договорная грамота тверского князя Михаила; *Игорь... уполошас приѣзда ихъ; тоѣ же зимы совокупи вои* — Ипатьевская летопись; *и оны его взяли часа того* — «Хожение за три моря Афанасия Никитина»); 2) в дательном падеже (*трупия себѣ дѣляче* — «Слово о полку Игореве»; *придохомъ княгыне* — «Повесть временных лет»); 3) в винительном падеже (*мьстила уже обиду мужа* — «Повесть временных лет»; *начаста воевати волость Всеволожу* — Суздальская летопись; *волостели... деи Мологу*

[1] См.: *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 476—491.

перевозятся — грамота угличского князя Андрея Большого); 4) в творительном падеже (*изнемогоша голодомь* — Синодальный список Новгородской I летописи; *уныша цветы жалостию* — «Слово о полку Игореве»); 5) в местном падеже (*правляше столъ отца своего Кыевѣ* — запись к Остромирову евангелию; *не ходили томь лѣтѣ* — Суздальская летопись; *волостели... зимѣ деи... в деревнях ставятся* — грамота угличского князя Андрея Большого).

3. Управление было предложным, но предлог и часто падеж употреблялся иной, чем по современным русским литературным нормам: 1) случаи различий в предлоге и падеже (*си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ; воевать начаша сами на ся; греки же послаша по печенеги* — «Повесть временных лет»; *на гнѣвѣхъ замысли тяготу* — Суздальская летопись; *затвори о себе двери* — псковский Пролог); 2) случаи различий в падеже при общности или сходстве (по происхождению) предлога (*промежю Смоленьска и Ригы* — Смоленская грамота 1229 г.; *поиде противу им* — Суздальская летопись; *поедет кто ездок мимо тот монастырь* — грамота Василия Темного).

4. Иногда управление было предложным, тогда как по современным русским литературным нормам в этих случаях оно беспредложное (*да то ся зваху отъ грекъ Великая Скуфь; рѣша деревляне к Ользѣ* — «Повесть временных лет»).

Причины расхождений между древнерусскими и современными восточнославянскими нормами глагольного управления не изучены. Однако несомненно, что беспредложное управление было унаследовано древнерусским языком от общеславянского и от индоевропейского праязыков. Во многом это объясняется тем, что во всех индоевропейских языках предлоги как особая категория служебных слов оформились относительно поздно и первоначально играли лишь незначительную роль в качестве средства, указывающего на грамматическое подчинение существительного глаголу[1]. Невелика была роль предлогов и в раннем древнерусском языке, так как в нем основным средством выражения зависимости существительных все еще оставались окончания. Однако со временем значение предлогов повышается, что приводит к распространению в древнерусском

---

[1] В индоевропейском праязыке предлоги еще не были отграничены от глагольных приставок и наречий.

языке предложных способов глагольного управления и во многих случаях к вытеснению беспредложного глагольного управления[1]. Иногда смену способа управления надо связывать с изменением грамматических свойств того или иного глагола. Например, в выражении *яко быша к рѣцѣ ко Сюоурлию* (из Ипатьевской летописи) управление с помощью предлога *к (ко)* не соответствует современным русским литературным нормам потому, что глагол *быть* теперь несовершенного вида (следует говорить *быть на реке, быть у реки)*; по-древнерусски же глагол *быти* и, значит, *быша* мог выражать и совершенный вид и в приведенном предложении имел значение 'прибыли'[2]. А во фразе *мьстити брату брата* (из «Русской правды») по современным русским литературным нормам следовало бы сказать не *брата*, а *за брата*, так как глагол *мьстити* > *мстить* стал непереходным, тогда как в древнерусском языке был переходным.

Если в целом происхождение и история древнерусских синтаксических конструкций глагольного управления нуждаются в изучении, то относительно возникновения некоторых из них все же имеются заслуживающие внимания гипотезы. Прежде всего лингвисты стремились понять, почему восточные славяне стали использовать в роли прямого дополнения формы именительного падежа, т. е. падежа подлежащего и именной части сказуемого.

А. А. Потебня полагал, что первоначально именительный падеж прямого дополнения был подлежащим при «*юсть* + инфинитив», но затем, с утратой *юсть*, переосмысляясь, превращался в прямое дополнение [3]. Некото-

---

[1] См.: *Ломтев Т. П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, с. 232—436.

[2] Глагол *быти* в древнерусском языке был одним из тех, которые могли употребляться со значением совершенного вида без его формального выражения, т. е. сохраняя форму несовершенного вида (так же, как в современном русском языке используются глаголы *бежать, женить, казнить* и некоторые другие — в одних случаях они несовершенного вида, в других — совершенного). В древнерусском языке глаголов, которые, приобретая значение совершенного вида, удерживались в форме несовершенного вида, было больше, чем осталось в современном русском языке, что являлось следствием неупорядоченности глагольных признаков несовершенного и совершенного вида.

[3] См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 1—2. М., 1958, с. 406. С мнением Потебни солидарен В. И. Борковский.

рые лингвисты, особенно А. А. Шахматов, развивая и уточняя мысли Потебни, в оборотах с прямым дополнением в именительном падеже видят результат преобразования и объединения оборотов типа «*на добѣ*[1] (*>надобѣ>надо) ѥсть* + именительный падеж существительного в роли подлежащего» (например, *на добѣ ѥсть ногата)* и оборотов типа «*на добѣ (>надобѣ>надо)* + инфинитив» (например, *на добѣ възяти*). Эти ученые полагают, что сначала получались конструкции типа «*на добѣ (>надобѣ >надо) ѥсть* + существительное в именительном падеже + инфинитив» (например, *на добѣ ѥсть ногата възяти)*, но потом они переосмыслялись и упрощались до «инфинитив+существительное в именительном падеже» (например, *възяти ногата)*, а еще позднее формы именительного падежа в роли прямого дополнения сделались употребительными не только при инфинитивах, но и при иных глагольных формах[2].

Другие исследователи вслед за Ф. Миклошичем считают, что когда-то в оборотах с формой именительного падежа в роли прямого дополнения при инфинитиве зависимым был инфинитив и представлял собой обстоятельство цели в дательном падеже *(пора спать, время жить* и т. п.*)*, но в дальнейшем произошло переосмысление[3].

Некоторые ученые, как, например, А. Б. Шапиро, предполагают здесь аналогию с оборотами типа «инфинитив + существительное в винительном падеже, по форме совпавшем с именительным» (типа *обновити вѣтхии мир* в «Повести временных лет»), т. е. усматривают не синтаксическую особенность, а морфологическую[4].

Наконец, не исключено, что в древнерусском языке использование формы именительного падежа в роли прямого дополнения обязано хотя бы в какой-то мере воздействию финских языков на восточнославянские диалекты. Хорошо известно, что славяне севера Древней Руси (на

---

[1] *На добѣ* — мест. п. от *доба* с предлогом *на* (ср.: русск. '*с-доб-ный, у-доб-ный;* чешск. *doba* — 'время').

[2] См.: *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. Спб., 1903, с. 131; *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка, с. 311—313.

[3] См.: *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprache, Bd 4. Heidelberg, 1926, S. 346; *Кузнецов П. С.* Русская диалектология, с. 123—124.

[4] См.: *Шапиро А. Б.* Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, с. 150—151.

Псковщине, в Приильменье, в Приладожье, в Поочье, в Поволжье и севернее) ассимилировали немало местного населения (весь, мерян, мещеру, мурому, чудь и др.). А в финских языках, как западных, так и восточных, формы именительного падежа в роли прямого дополнения обычны при глаголах неопределенного действия, при причастиях долженствования, при императивах, инфинитивах и других глагольных формах (в разных финских языках свои особенности, но все сходно в общих принципах)[1]. Проявление иноязычного, особенно финского, влияния в древнерусских конструкциях с прямым дополнением в именительном падеже признают многие лингвисты (расходясь во мнениях лишь по частным вопросам). Так, В. Кипарский считает, что эти конструкции на восточнославянском севере имеют праиндоевропейское происхождение, но своим сохранением обязаны влиянию финских языков[2]. По Б. А. Ларину, прямое дополнение в именительном падеже идет из того неизвестного языка, который оказался субстратом для языков восточных славян, балтов и западных финнов[3]. Некоторые ученые допускают финское происхождение древнерусских конструкций с прямым дополнением в именительном падеже[4]; не отрицает этой возможности и Ф. П. Филин[5].

§ 20. ОСОБЕННОСТИ ИМЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Для древнерусского языка были характерны конструкции с двойным дательным и с двойным винительным падежом, из которых один зависел от другого *(яко быти намъ*

---

[1] Не исключено влияние финских языков и на возникновение у восточных славян конструкций с формой родительного падежа в роли прямого дополнения (типа *утер слез своих*), так как в финских языках прямое дополнение при определенных (многих) условиях ставится и в родительном падеже.

[2] См.: *Kiparsky V.* Über das Nominativobjekt des Infinitivs.— «Zeitschrift für slavische Philologie», 1960, № 28.

[3] См.: *Ларин Б. А.* Об одной славяно-балто-финской изоглоссе. Л., 1963.

[4] См.: *Veenker V. V.* Die Frage des finnougrischen Substrat in der russischen Sprache. Bloomington, 1967, S. 120; *Décsy G.* Is there a Finnic Substratum in Russian? — «Orbus», 1967, vol. 16, № 1, p. 156.

[5] См.: *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 476—491.

рабомъ — Никоновская летопись: *Авраамъ убо отъ уности своея Сарру име жену си* — «Слово» Илариона). Но постепенно вместо второго дательного или винительного падежа стали употреблять творительный падеж или какую-либо падежную форму с предлогом (теперь говорят: *его выбрали в бригадиры* или *его выбрали бригадиром*, а не «*его выбрали бригадира*»; *ему быть бригадиром*, а не «*ему быть бригадиру*»). Вытеснение оборотов с двойным дательным или с двойным винительным падежом оборотами современного типа относится к XVIII в. Однако в некоторых диалектах и сейчас употребляются обороты с двойными косвенными падежами (например, новг. *нашли ею зимой в лесу мертвую*).

В древности у восточных славян большое распространение имело употребление формы дательного падежа в роли несогласованного (управляемого) определения (*жона — начатъкъ греху* — Изборник Святослава 1076 г.; *рѣпѣ возъ; Котѧнь бѣ тьсть Мьстиславу* — Синодальный список Новгородской I летописи; *и тѧ слезамъ пролитье бывает* — «Хождение игумена Даниила»). Это явление было распространено еще и в XVIII в., а теперь несогласованное определение обычно ставится в родительном падеже (употреблявшемся в этой функции и раньше) или используется какая-нибудь предложно-падежная форма (ср.: *цена билетов*, *цена на билеты* и т. п., хотя возможно еще и *цена билетам*).

§ 21. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, СОГЛАСОВАННЫХ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ

В древнерусском языке в роли согласованных определений широко употреблялись притяжательные прилагательные, причем, относясь к существительному, обозначающему действие, они могли указывать на логический субъект или объект этого действия (*лелѣють месть Шароканю* — «Слово о полку Игореве»; *до Мамаева побоища* — «Задонщина»; *судъ Ярославль Володимирица* — «Русская правда»).

Прилагательные с суффиксом *-ьск-* в древнерусском языке в роли определений тоже могли указывать на логический субъект или объект действия, выраженного определяемым существительным (*псковское взятие* — «Сказание о Псковском взятии»; *не имѣя поставления святительска...*

вшелъ есть — послание патриарха Нила во Псков). Подобные обороты были характерны еще для письменности XVIII в. Пережитки их сохраняются в немногих случаях и теперь (например, *родительское благословение*).

Прилагательные, согласованные с существительными, обозначающими действие, в древнерусском языке могли указывать и на разные обстоятельственные признаки этого действия (*Резанский приход безбожного царя Батыа* — «Повесть о разорении Рязани»; *Кальское побоище* — Вологодско-Пермская летопись). Постепенно прилагательные стали утрачивать это свойство и в современной русской речи его уже не имеют.

§ 22. ПОВТОРЕНИЕ ПРЕДЛОГОВ И СОЮЗОВ

В современных восточнославянских языках повторения сочинительных союзов и предлогов перед каждым из однородных членов, а также предлогов перед каждым из определений к существительному несравненно реже возможны (а то и вовсе невозможны), чем в древнерусском языке (*половцы идутъ отъ Дона и отъ моря и отъ всѣхъ странъ* — «Слово о полку Игореве»; *И по своемъ и сыну по Борисѣ* — Данная Троице-Сергиеву монастырю). В древности эти повторения были обусловлены, как полагают, не столько стремлением особо выделять что-то в речи, сколько особенностями мышления древнего человека (менее способного, чем сейчас, к обобщениям)[1].

§ 23. СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложные предложения в начальный период истории древнерусского языка развиты были слабо. В древнерусских текстах нередко обнаруживаются такие объединения простых предложений, которые не представляют собой еще сложных предложений, хотя уже и не являются всего лишь сочетаниями грамматически независимых простых предложений,— это так называемые конструкции нанизывания. В них порядок следования одного простого предложения за другим имел не только смысловое, но и

---

[1] Так думал, в частности, проф. П. Я. Черных.

грамматическое значение — указывал на отношения между предложениями (отсюда и название этих конструкций): простые предложения как бы нанизывались на одну смысловую нить (*Тои же весне ожени ся князь Мьстиславъ въ Новегородѣ и поя у Якуна дъчерь у Мирославиця и потомъ позваша и ростовьци къ собе· и иде Ростову · съ дружиною своею · а сынъ оставивъ Новегородѣ и приде Ростову· и въ то врѣмя умьрлъ бяше Михалко· и поиде съ ростовьци и съ суждальци къ Володимирю· и постави Всѣволодъ съ Володимирьци и съ переяслвьци противу его пълкъ* — Синодальный список Новгородской I летописи). Эти конструкции характеризовались многосоюзием при отсутствии подчинительных союзов и при слабой дифференциации по значению сочинительных союзов (в приведенном примере союз *и* выступает то в соединительной, то в противительной, то даже в подчинительной функции).

По мнению Л. П. Якубинского, из конструкций нанизывания в древнерусском языке возникли сложносочиненные предложения, которые, в свою очередь, послужили основой для образования сложноподчиненных предложений[1]. По мнению Т. П. Ломтева, конструкции нанизывания сразу стали преобразовываться в одних случаях в сложносочиненные предложения, а в других — в сложноподчиненные[2].

Следует заметить, что данные о средствах сочинения и подчинения в простом предложении, развившихся раньше, чем средства сочинения и подчинения предложений, больше говорят в пользу мнения Якубинского. Ведь в простом предложении для грамматического сочинения служат союзы, для подчинения же они не используются, зато часто используются предлоги. Поэтому, казалось бы, для подчинения одного предложения другому тоже могли быть использованы предлоги. Но этого не случилось: грамматическая подчиненность одного предложения другому стала выражаться союзами. А значит, можно предполагать, что первоначально сложные предложения возникли как сложносочиненные. К тому же и анализ происхождения подчинительных союзов показывает, что даже наиболее ранние из них появились позднее сочинительных.

---

[1] См.: *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка, с. 268.

[2] См.: *Ломтев Т. П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка, с. 488.

О неразвитости сложноподчиненных предложений в древнерусском языке, особенно в раннюю пору его истории, свидетельствует, по-видимому, оборот «дательный самостоятельный», т. е. оборот с главным членом — существительным или заменяющим его местоимением в дательном падеже в роли логического субъекта (подлежащего) и с согласованным с ним кратким нестрадательным причастием (реже непричастным прилагательным) в роли логического предиката (сказуемого). Этот оборот встречается в художественно-повествовательных, летописно-хроникальных и иных памятниках древнерусской письменности, кроме деловых, и по смыслу представляет собой придаточное предложение (времени, причины или, изредка, условия или уступки), но по форме не является ни придаточным предложением, ни обособленным распространенным членом простого предложения. Например, в выражении *написахъ же еуангелие се рабу божию наречену... Остромиръ... Изяславу же кънязоу тогда прѣдрьжащоу обѣ власти* (из Остромирова евангелия) — оборот «дательный самостоятельный времени» (‘написал я это евангелие рабу божию, нареченному Остромиром, когда князь Изяслав держал в своем управлении обе волости’); в *на долзѣ же пребывающу ему и зѣло обыкшу въ таковѣй пищи отымѣ умъ его* (из Жития Нифонта) — оборот «дательный самостоятельный причины» (‘так как он долго употреблял такую пищу и привык к ней, то помрачился ум его’); в *в то же время черниговскому князю не мирну съ Олгом С*[*вя*]*тославичемъ воеваше Олег С*[*вя*]*тославичь Черниговьскую волость* (из Лаврентьевской летописи) — оборот «дательный самостоятельный причины» (‘так как в то время черниговский князь враждовал с Олегом Святославичем, то последний разорял владения первого’); а в *и стояли есмя въ Платанѣ 15 дни вѣтру велику и злу бывшу* (из «Хожения за три моря Афанасия Никитина») — оборот «дательный самостоятельный времени или причины» [‘и мы стояли в Платане 15 дней, пока (так как) был большой и сильный ветер’].

Подобные обороты были свойственны и старославянскому языку, и языкам древних балтов и германцев; в древнегреческом и латинском языках также употреблялись сходные обороты, правда, с иными главными падежами; параллельные явления отмечены в ведийских и хеттских текстах. Поэтому распространение оборота «дательный

самостоятельный», возможно, было своеобразным результатом попыток сформировать придаточные предложения путем обособления в высказывании второстепенной, обстоятельственной его части от основной, выражающей главное событие. Однако у древних восточных славян (да и не только у них) эти обороты базой развития каких-либо придаточных предложений не стали, а по-видимому, еще в дописьменную пору начали в разговорно-бытовой речи преобразовываться в деепричастные обороты. По текстам некоторых древнерусских памятников можно проследить, как шел этот процесс: краткие причастия превращались в деепричастия, потому что утрачивали согласование с логическим субъектом в дательном падеже, а сам он постепенно становился не обязательным в составе оборота и начал опускаться. Так, в выражении *идуще же ему въспѧть... рече дружинѣ своеи* (из Лаврентьевской летописи) слово *идуще* в составе оборота «дательный самостоятельный» уже не согласовано с *ему* (надо бы *идущу* или *идучу*); в *приехав моему судьи в монастырь судити ему со игуменом в правде* (из грамоты ярославского князя Василия Грозного) оборот со словом *приехав* (вместо *приехавшу*) почти можно признать за «дательный самостоятельный», но он близок уже и к деепричастному,— отличается от него лишь логическим субъектом в дательном падеже *моему судьи* (по более поздним нормам его следовало бы употребить вместо *ему* после *судити*).

Однако и сложносочиненные, и сложноподчиненные предложения (наряду с конструкциями нанизывания и оборотом «дательный самостоятельный») есть уже в самых ранних древнерусских памятниках. Следовательно, и сложносочиненные, и сложноподчиненные предложения появились еще в дописьменной истории древнерусского языка (*и съмятоша сѧ все, и бысть сѣцѧ зъла и люта* — Синодальный список Новгородской I летописи; *коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ* — «Слово о полку Игореве»).

Развитие средств грамматического подчинения одного предложения другому первоначально шло двумя путями:

1) по пути дифференцированного выражения сказуемого в главном и придаточном предложениях: в главном предложении — личная форма глагола, а в придаточном — причастие [*и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ; Яко пришедше, сѣдоша на рѣцѣ; И видѣвше греци,*

и убояшася ('когда увидели греки, то убоялись'); *Съдумавше же поляне, и вдаша от дыма мечь* ('когда подумали поляне, то дали по мечу от дыма'); *И заутра въставъ, и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ* ('и как утром встал, сказал бывшим с ним ученикам') — «Повесть временных лет»; *Не хотя же дьяволъ добра роду крестьянску и злии человѣчи, и вложи князю грѣхъ в сердци* ('так как не хочет дьявол со злыми людьми добра роду христианскому, то вложил князю грех в сердце'); *а они исѣкше полонъ весь, а сами побегоша на лѣсъ* ('когда они убили всех пленных, то сами побежали к лесу') — Синодальный список Новгородской I летописи];

2) по пути введения в зависимое предложение подчинительного союза: сначала наряду с сочинительным, а затем взамен сочинительного (*и яко быша у Моравиина, и въспятишася лодьиници оттоле въ городъ; и яко быша на рѣцѣ Кѣголѣ, и ту усрѣтоша стоящь полкъ; Приде вѣсть изъ Руси зла, яко хотять татарове тамгы и десятины на Новѣгородѣ; а пролчанъ пустиша, которых изъимали с князем их* — Синодальный список Новгородской I летописи).

Первый путь не давал простора для дифференциации придаточных предложений и был в дальнейшем оставлен. Но дифференцированное выражение сказуемого послужило основой для развития причастных и деепричастных оборотов (*Они же оканьнии крестопреступници, не дождавъше свѣта, побѣгоша; новгородци, много гадавше с посадником Андрѣем, възлюбиша вси богомъ назнаменанна мужа добра и смеренна Феоктиста; а къ князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его* — Синодальный список Новгородской I летописи).

Второй путь в результате возникновения и специализации подчинительных союзов и союзных слов привел к образованию разных типов придаточных предложений.

Первоначально союзов и союзных слов, конечно, было мало (*оже, яко, аче, бо, коли* и нек. др.), и они не были так специализированы для выражения определенных подчинительных связей, как в языках современных восточных славян (хотя и сейчас специализация не полная). Об отсутствии дифференциации подчинительных союзов ранней поры можно судить по древнерусским текстам; например, союз *оже* употреблялся в условном значении 'если' (*Оже мы, братие, симъ не поможемъ, тъ си имуть придати ся к нимъ* — Синодальный список Новгородской

I летописи), в дополнительном значении 'что' (*Се слышимъ, оже идете противу насъ*), в сравнительном значении 'как' (*Оже бо язъ отъ рати, и отъ звѣри, и отъ воды, и отъ коня съпадаяся, то никто же васъ не можеть вредитися* — «Поучение» Владимира Мономаха).

Однако по мере увеличения числа подчинительных союзов (см § 16) и союзных слов дифференциация их усиливалась и вместе с тем в письменный период истории древнерусского языка уже достаточно явно выделялись основные типы придаточных предложений:

1) определительные (*погоре Плесковъ весь, что ни есть дворовъ* — Комиссионный список Новгородской I летописи; *велику честь принялъ от ц҃ря, при которомь приходивъ ц҃ри* — «Повесть временных лет»; *дал есмь Лбовское селце... со всѣм с тѣм, что... потягло ис старины* — Данная Колодаря; *а что под Углечем перевоз, и тое деревни люди дают с прилучскими людьми перевоз* — грамота угличского князя Андрея Большого; *кои нас в лицех, на том вотчина или деньги* — Данная Козина);

2) дополнительные (*ркуци, яко тѣ заслаша на Луку убити* — Комиссионный список Новгородской I летописи; *не вѣдяхуть, котории суть побѣдили* — Лаврентьевская летопись; *билъ есми челомъ Василью... что ихъ поимали подъ Тархы* — «Хожение за три моря Афанасия Никитина»);

3) различные обстоятельственные [*поиди, где ти любо* (придаточное места); *Данилъко... убьень бысть... от своего холопа, обадилъ бо его бяше* (придаточное причины); *веляче ему, абы пошелъ в Орду* (придаточное цели); *посадиша и въ владычни дворѣ, дондеже послють к митрополиту* (придаточное времени) — Синодальный список Новгородской I летописи; *аще кто под другомъ копаеть яму, самъ впадеться в ню* (придаточное условное); *молящеся богу... дабы отвратилъ от нас... гнѣвъ* (придаточное цели) — Новгородская I летопись младшего извода; *били есмя ему челомъ, чтобы нас пожаловалъ* (придаточное цели); *и онъ намъ не далъ ничего, ано нас много* (придаточное причины); *а любять... людей бѣлыхъ, заньже их люди черни вельми* (придаточное причины) — «Хожение за три моря Афанасия Никитина»; *в торгу есмь им велѣл кликати... чтобы на Присѣки не ѣздили* (придаточное цели); *коли ко мнѣ соколы принесут, ини у них в их деревнях не ставятся* (придаточное времени или условия); *княз Ондрѣи тѣх*

деревен... да и тѣх пожень... отступился, как было переж сего (придаточное образа действия) — грамота угличского князя Андрея Большого].

§ 24. ПЕРЕДАЧА ЧУЖОЙ РЕЧИ

В древнерусском языке передача чужой речи могла иметь форму прямой речи (*Ольга и рече имъ добра ли вы честь. Они же рѣша пущи ны Игоревы смерти* — «Повесть временных лет»). Косвенная передача чьей-то речи от дословной (прямой) передачи этой речи отличалась лишь наличием подчинительного союза (как в современной диалектной речи восточных славян) (*Рече же имъ Ольга, яко азъ мьстила уже обиду мужа своего* — «Повесть временных лет»), т. е. 1-е или 2-е лицо местоимения при передаче чужой речи 3-м лицом не заменялось. Такая косвенная передача чужой речи, в сущности, еще мало чем отличалась от ее прямой передачи.

ЛЕКСИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 25. ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛЕКСИКА ПО ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЮ

Многие слова перешли в древнерусский язык из общеславянского праязыка. Это слова для обозначения таких предметов, понятий и явлений, таких действий и состояний человека, которые были знакомы и свойственны еще предкам древнерусского народа. Поэтому часто эти слова у славян, а нередко и вообще у индоевропейцев оказываются общими или очень сходными по форме. К числу унаследованных слов относятся, например: 1) *мати* (ср.: ст.-сл. *мати*, польск. *matka*, нем. *Mutter*), *сынъ* (ср.: ст.-сл. *сынъ*, польск. *syn*, нем. *Sohn*), *дъчи* (ср.: ст.-сл. *дъшти*, нем. *Tochter*, литовск. *duktė*) и многие другие термины родства; 2) *домъ* (ср.: ст.-сл. *домъ*, польск. *dom*, чешск. *dom*, лат. *domus*) и некоторые иные названия жилища и его частей; 3) *орати* (ср.: болг. *ора*, польск. *orać*, лат. *arare*), *зьрно* (ср.: ст.-сл. *зрьно*, польск. *ziarno*, лат. *granum*), *молотити* (ср.: болг. *млатя*, польск. *młocić*), *овьсъ* (ср.: болг. *овес*, польск. *owies*, литовск. *aviza*, лат. *avena*) и ряд иных сельскохозяйственных терминов; 4) *нога* (ср.: ст.-сл. *нога*, польск. *noga*), *носъ* (ср.: ст.-сл. *носъ*, польск. *nos*, литовск. *nosis*, лат. *nasus*) и ряд других названий частей тела человека; 5) *корова* (ср.: болг. *крава*, польск. *krowa*, литовск. *karve*), *вълкъ* (ср.: ст.-сл. *влькъ*, польск. *wilk*, литовск. *vilkas*, нем. *Wolf*), *ворона* (ср.: ст.-сл. *врана*, чешск. *vrana*, литовск. *varnas*) и многие другие названия птиц и животных; 6) *стати* (ср.: ст.-сл. *стати*, польск. *stać*, латышск. *stat*, литовск.

toti), *съпати* (ср.: ст.-сл. *съпати*, польск. *spać*), *жити* (ср.: ст.-сл. *жити*, польск. *żyć*, чешск. *žiti*), *ѣсти* (ср.: ст.-сл. *ясти*, польск. *jeść*, нем. *essen*), *лъгати* (ср.: ст.-сл. *лъгати*, польск. *łgać*, нем. *lugen*), *любити* (ср.: ст.-сл. *любити*, польск *lubić*, нем. *lieben*) и ряд иных названий действий и состояний человека.

Изучение древней лексики позволяет судить о том, каковы были слова общеславянского праязыка, какие обозначали предметы, понятия, явления и действия, и следовательно, лучше узнать жизнь славян в те времена, когда они были еще одним народом. В частности, земледельческие термины, перешедшие в древнерусский язык из общеславянского праязыка, дают основание считать, что в то время славяне уже знали земледелие.

Многие слова появились в древнерусском языке в период его обособленного существования. Они были заимствованы восточными славянами из языков иных народов или созданы по древнерусским нормам словообразования. Одни из этих слов служили для обозначения новых предметов, понятий и явлений жизни, другие заменяли старые слова или становились их синонимами. Например, слово *берьковьскъ* (в грамотах XII в.) — '10 пудов' пришло вместе с этой мерой из шведского языка[1]; *лошадь* (в Лаврентьевской летописи) заимствовано из какого-то тюркского языка и стало синонимом слова *конь*[2]; *якорь* (в Ипатьевской летописи), предположительно, взято из греческого или скандинавского языка и вытеснило более древнее название *котъва*[3]; *деревьня* (в «Повести временных лет») было создано восточными славянами для обозначения новых видов сельскохозяйственных поселений в лесной полосе (ср.: болг. *село*, польск. *wieś*, чешск. *vesnice* или *venkov* в значении 'деревня').

§ 26. ВАЖНЕЙШИЕ СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Основные способы словообразования перешли в древнерусский язык из общеславянского языка: 1) сложение основ (*богогословение* — «Поучение» Владимира Мономаха);

---

[1] См.: *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка, с. 24.

[2] См.: *Лексикографический* сборник, вып. 3. М., 1958, с. 32.

[3] См.: *Черных П. Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, с. 145—146.

2) прибавление суффиксов (*рус-ьск-ы* — Изборник Святослава 1076 г.; *был-ин-а* — «Слово о полку Игореве»; *кос-як-ъ* — Новгородская грамота 1571 г.; *плет-ьн-ь* — Суздальская летопись); 3) прибавление префиксов (*за-пъртить* — Мстиславова грамота); 4) прибавление суффиксов и префиксов (*въз-вод-ьj-е* — 'подъем воды в реке' — Синодальный список Новгородской I летописи); 5) отбрасывание некоторых суффиксов (например, *заводъ* — 'граница' от *завод-ити* в грамоте князя Изяслава).

Префиксы использовались главным образом в системе глагола (*пере-метати* от *метати* — Синодальный список Новгородской I летописи). А в связи с этим они были обычны в отглагольных образованиях других частей речи (*похмелие* от *похмелити* — Кирилло-Белозерский сборник). Для образования существительных от других существительных или прилагательных приставки использовались редко (*забрегъ* — 'низкий берег' — духовная грамота Симеона Гордого)[1].

Такие древнейшие общеславянские суффиксы, как *-р-* (*пи-р-ъ* от *пи-ти* — «Русская правда»), *-л-* < *-dl-* (*ры-л-о* от *ры-ти* — Синайский патерик), *-т-* (*бы-т-ъ* от *бы-ти* — Двинская летопись), *-к-* (*зна-к-ъ* от *зна-ти* — Оглашения Кирилла) и некоторые другие, теперь переставшие употребляться для образования новых слов и осознаваться суффиксами, в раннем древнерусском языке, вероятно, еще не совсем слились с корнями соответствующих слов.

§ 27. О ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Древнерусская лексическая система отличалась от современной русской (великорусской)[2]. Например: 1) слово *зять* обозначало не только 'муж дочери или сестры', но и 'жених' и вообще 'ставший родственником посредством чьего-либо брака' (*не хожаще зять по невѣсту* — «Повесть временных лет»; *Не имеите от сыновъ ихъ зятии* — «Златоструй»); 2) *мѫжь* имело исчезнувший в со-

[1] Об остатках и следах иных способов словообразования в древнерусском языке (инфиксация, повторение корня и др.) см.: *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка, с. 14—17.

[2] Как отличалась, конечно, и от украинской и белорусской лексических систем.

временном русском языке синоним *лада*, а *жена* — синоним *хоть*, слово *кожа* имело синонимы *усма* и *усмие;* 3) *дѣтѧ* и *робѧ* первоначально, по-видимому, синонимами не были (ср. совр. русск. *дитя* и *ребёнок*), так как первое, очевидно, обозначало грудного или малолетнего ребенка (корень *дѣ-* < **doi-* тот же, что и в *доити* — 'кормить грудью'[1]), а второе — ребенка, должно быть, уже способного к труду (корень *роб-* тот же, что и в слове *робота*), но в дальнейшем смысловая разница между этими словами стала стираться; 4) *саньникъ* в значении 'санный конь' (от *сани*) было омонимично слову *саньникъ* — 'сановник' (от *санъ*); 5) *мѫжь* обозначало не только 'супруг', но и 'взрослый мужчина', поэтому его антонимами были слова *жена* — 'супруга, женщина', *дѣтѧ*, *робѧ*, *отрокъ*.

Одни слова древнерусской лексической системы были очень устойчивы, другие со временем отмирали, или становились диалектизмами и редко употребляемыми архаизмами, или же изменяли свои значения и лексические связи с другими словами. Постепенно в древнерусскую лексическую систему тем или иным путем включались новые слова (см. § 21). И все это — и устойчивость одних элементов, и изменение или утрата других, и появление новых лексических элементов — отражало в той или иной степени условия и особенности жизни восточных славян.

Например, слово *береза* (из **berza*; ср.: сербск. *бре̏за*, польск. *brzoza*, чешск. *bříza*) сохраняется у восточных славян до сих пор (ср.: русск. *берёза*, укр. *береза*, белорусск. *бяроза)* в том же значении, которое ему было присуще в общеславянском праязыке — 'дерево Betula' (это связано с тем, что восточные славяне живут на территории, где растет береза[2]). Вместе с другими устойчивыми по значению словами (как *нога*, *ухо*, *вѣра*, *вода*, *огнь*, *съпати*, *жити*, *ражати*, *тепло*, *тихо*, *нашь*, *ты*, *шесть* и др.) слово *берёза* входило в основную часть древнерусской лексики.

Другой пример. У древних восточных славян, судя по памятникам письменности, первоначально были такие

[1] Ср.: *аще родится отроча, погубять, аще ли дѣвическъ полъ, то въздоять и прилежне въспитають* в «Повести временных лет».

[2] И в ряде других индоевропейских языков для обозначения березы служат родственные слова (ср.: литовск. *bèržas*, др.-в.-нем. *birihha*, совр. нем. *Birke*, др.-исландск. *biǫrk*, санскр. *bhurjan*, хинди *barč*). Это указывает на происхождение названия березы из индоевропейского праязыка (из **bherəg'-*), а значит, и на то, что праиндоевропейцы не могли жить там, где не росли березы.

названия месяцев: *просиньць*— 'январь', *сѣчьнъ*— 'февраль', *сухыи* — 'март', *травьнъ*, *березозолъ* или *березозоръ* — 'апрель', *травьнъ* — 'май', *изокъ* — 'июнь', *чьрвьнъ* — 'июль', *заревъ* — 'август', *рюенъ* или *рюинъ* — 'сентябрь', *листопадъ* — 'октябрь', *грудьнъ* — 'ноябрь', *студьнъ* — 'декабрь'. Однако в дальнейшем в говорах складывавшегося русского (великорусского) языка эти названия постепенно стали забываться, заменяться словами латинского происхождения (*январь*, *февраль* и др.) и теперь в литературный русский словарь уже не входят. В говорах складывавшихся украинского и белорусского языков тоже произошли изменения. Так, вместо *сѣчьнъ* употребляют укр. *лютий*, белорусск. *люты*, вместо *чьрвьнъ* — укр. *липень*, белорусск. *лiпень*, вместо *заревъ* — укр. *серпень*, белорусск. *жнiвень*, вместо *рюенъ* или *рюинъ* — укр. *вересень*, белорусск. *верасень*, вместо *листопадъ* — укр. *жовтень*, белорусск. *кастрычнiк*. Вероятно, эти новые названия первоначально возникли как диалектные, а потом вытеснили те, которые известны по древнейшим памятникам письменности восточных славян. Другие старые названия месяцев в говорах складывавшихся украинского и белорусского языков по-прежнему употребляются, но в большинстве случаев обозначают не те месяцы, какие называли первоначально. В частности, у украинцев *сѣчьнъ* (превратившись в *сiчень*) обозначает уже не 'февраль', а 'январь', *чьрвьнъ* (превратившись в *червень*) — не 'июль', а 'июнь', *листопадъ* — не 'октябрь', а 'ноябрь', *грудьнъ* (превратившись в *грудень*) — не 'ноябрь', а 'декабрь'. Подобно этому у белорусов *листопадъ* (превратившись в *лiстапад*) не 'октябрь', а 'ноябрь'. Некоторые старые названия месяцев претерпели морфологические упрощения. Так, *березозолъ* или *березозоръ* теперь в украинском языке употребляется без второго корня — *березень* — 'март'.

Причины этих лексических изменений в том, что смысл обозначения месяцев именно так, как они первоначально именовались, утрачен в связи с постепенным изменением условий жизни восточных славян. Эти изменения способствовали переносу названий с одного месяца на другой, их упрощению и вытеснению старых названий новыми. Так, можно думать, что слово *чьрвьнъ* первоначально обозначало время, когда червит пчелиная матка, и, следовательно, указывает, какое большое значение в древности имели бортничество (сбор меда диких пчел) и пчеловодство.

Исчезновение *чьрвьнъ* у будущих русских (великорусов), по-видимому, отражает уменьшение в их хозяйстве роли бортничества и пчеловодства. Подобным же образом в исчезновении названий *сѣчьнъ* и *грудьнъ* в среде русского (великорусского) народа можно видеть связь с переходом его от подсечно-огневого земледелия к переложному. Ведь *сѣченъ*, очевидно, обозначало при подсечно-огневой системе обработки земли то время, когда срубали лес, чтобы потом его сжечь и на расчищенном месте, удобренном золой от сгоревших деревьев, посеять хлеб (ср.: др.-русск. *сѣча* и совр. русск. диал. *сеча* — 'лесная росчисть; место, где от вырубленного леса остались лишь пни'). *Грудьнъ* же в те времена, вероятно, обозначал тот период, когда сжигали срубленный и уже высохший лес (ср. русск. диал. *грудок* — 'костер'). Замена слова *заревъ* укр. *серпень* и белорусск. *жнiвень*, возможно, указывает на какие-то усовершенствования в сборе урожая (происшедшие, надо полагать, ранее вытеснения *заревъ*).

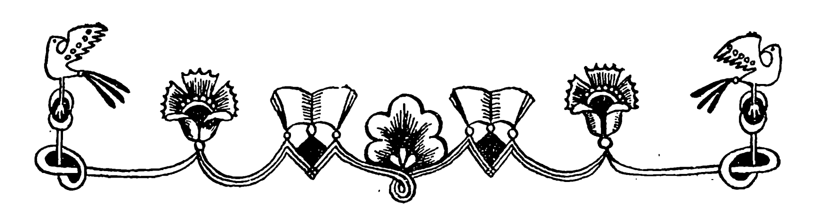
В замене древнерусских названий месяцев словами латинского происхождения, конечно, сказалось культурное воздействие Византии, Болгарии и Западной Европы (латинские названия месяцев попали в древнерусский язык преимущественно через посредство греческого и старославянского языков).

К сожалению, лексическая система древнерусского языка еще очень плохо изучена. Поэтому пока невозможно с достаточной полнотой судить не только о происхождении и совокупности значений любого древнерусского слова, о его смысловых соотношениях с другими словами, но даже и об общем числе древнерусских слов. Наиболее полные словари древнерусского языка всей древнерусской лексики не охватывают[1]. Одна из причин этого заключается в том, что до сравнительно недавнего времени ученые интересовались в первую очередь фонетикой древнерусского языка, а не его лексикой (хотя отдельные слова изучались). Другая причина в том, что сохранившиеся памятники древнерусской письменности содержат, надо полагать, не все

---

[1] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1—3. Спб., 1893—1903; *Дюверниа А. Л.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894; *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. Спб., 1903 [Записки Отд. рус. и слав. археологии, т. 6]; *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М., 1937.

древнерусские слова и не во всех их значениях, а лексика современных восточнославянских языков (в их литературных и диалектных формах), как и лексика соседних народов (славянских и неславянских), откуда можно бы извлечь дополнительные данные о словах и их значениях в древнерусском языке, тоже еще изучены плохо.



ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ДИАЛЕКТЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

§ 28. НАРЕЧИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Поскольку одни из говоров древнерусского языка превратились в говоры русского (великорусского) языка, другие — в говоры украинского языка и третьи — в говоры белорусского языка, то закономерен вопрос: не были ли именно эти говоры противопоставлены друг другу как три разных наречия еще в раннем древнерусском языке?

Некоторые ученые пытались ответить на этот вопрос положительно. Например, украинцы М. С. Грушевский и С. Смаль-Стоцкий в начале XX в. утверждали даже, будто диалекты украинского языка настолько рано обособились, что никогда не составляли единого языка с остальными диалектами восточных славян, а значит, и предки украинцев никогда не были частью единого восточнославянского народа[1]. Однако все попытки научно доказать изначальное существование в древнерусском языке украинского, русского (великорусского) и белорусского наречий не увенчались успехом, так как первоначально в древнерусском языке обособлялись какие-то иные наречия, хотя еще и не вполне ясно, какие именно.

---

[1] С убедительной критикой воззрений украинских националистов, особенно С. Смаль-Стоцкого, в свое время выступил польский ученый Лер (см.: «Rocznik sławistyczny», 1914, № 7).

А. А. Шахматов, принимая во внимание современное территориальное распространение у восточных славян взрывного и невзрывного *г*, неразличения *ц* и *ч* (т. е. цоканья) и аканья и отражение этих диалектизмов в памятниках древнерусской письменности, выделял в древнерусском языке такие наречия: 1) с е в е р н о е — с цоканьем, объединявшее говоры племен, обитавших около озер Ильмень и Чудского, в верховьях Днепра и Волги и по верхнему и среднему течению Западной Двины, т. е. говоры предков севернорусов (северновеликорусов) и севернобелорусов; 2) в о с т о ч н о е — с аканьем, объединявшее говоры верхнеокских племен, т. е. предков в основном южнорусов (южновеликорусов); 3) ю ж н о е — с невзрывным *г*, объединявшее остальные говоры, т. е. предков украинцев и южнобелорусов[1].

Н. Н. Дурново, в основном соглашаясь с Шахматовым, очень осторожно и с оговорками говорил еще об одном — о з а п а д н о м наречии где-то в пределах современной Белоруссии. Черты этого наречия Дурново не определял, но, по-видимому, имел в виду то ли отвердение *р'*, то ли произношение мягкого *д'* как мягкого *д'з'* и мягкого *т'* как мягкого *ц'*[2], что объединяет сейчас белорусские и северноукраинские говоры[3].

Т. Лер-Сплавинский и В. Курашкевич не принимают в расчет аканье, так как спорно время его возникновения и развития (см. с. 85), а, учитывая остальные древнейшие восточнославянские диалектизмы и их современное территориальное распространение в русском (великорусском), украинском и белорусском языках, видят в древнерусском языке лишь два наречия: с е в е р н о е, юго-западная часть которого затем отошла к белорусскому языку, а остальная часть — к русскому, и ю ж н о е, затем одной частью говоров вошедшее в белорусский язык, другой — в русский (великорусский), а третьей составившее украинский язык[4]. Все это позволяет признаками северного наречия считать взрывное *г*, губно-зубное *в*, цоканье, а признаками южного — невзрывное *г*, губно-губное *в* (*w*), наличие аффри-

---

[1] См.: *Шахматов А. А.* Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916.

[2] См.: *Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка, с. 173.

[3] См.: «Труды Московской диалектологической комиссии», 1915, вып. 5, с. 66—68.

[4] См.: «Вопросы языкознания», 1957, № 4, с. 99.

кат *д'ж'* (< *dj*) и, может быть, *д'з'* (< *д'*), отсутствие цоканья.

Следовательно, надо считать, что выделение из древнерусского языка трех новых было связано с разрушением старых его наречий и перегруппировкой составлявших эти наречия говоров.

Ведущими говорами складывавшегося русского (великорусского) языка стали в XIV—XVI вв. говоры Ростово-Суздальской земли, в составе которых постепенно начали преобладать московские, сыгравшие огромную роль в формировании литературных норм современного русского языка. Основными говорами у белорусов, в конце концов, стали минские, а у украинцев — полтавско-киевские, хотя одно время у западных украинцев (на территории Австро-Венгрии) усиливались галицкие говоры[1].

§ 29. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ДРЕВНЕЙ РУСИ

Литературный язык народа — это тот язык, которым пользуется образованная часть народа в устной речи, это язык художественной, публицистической, научной, деловой письменности.

О литературном языке Древней Руси мы можем судить по дошедшим до нас памятникам древнерусской письменности. Они свидетельствуют, что уже в XI—XIII вв. литературный язык древнерусского народа был многообразен по стилям и не уступал по развитости и богатству выразительных средств литературным языкам народов Западной Европы.

Так, о древнерусском художественном стиле можно судить прежде всего по «Слову о полку Игореве». Возникшее в XII в., оно по языковому мастерству и высокой идейности сравнимо лишь с такими немногими образцами средневекового героического эпоса, получившими мировую известность, как, скажем, французская «Песнь о Роланде» или германская «Песнь о Нибелунгах». На основании изучения «Слова...» можно говорить, что на Руси до XII в. существовали и другие памятники художественного стиля.

---

[1] См.: «Вопросы языкознания», 1953, № 2, с. 101—104; № 4, с. 26—41.

Древнерусский летописно-хроникальный стиль представлен «Повестью временных лет», «Новгородской I летописью» и рядом других летописей XII и последующих столетий.

«Русская правда», ряд договорных, жалованных, купчих и иных грамот являются образцами хорошо развитого документально-делового (юридического) стиля.

О эпистолярных стилях свидетельствуют частные письма (новгородские берестяные грамоты и др.).

Древнерусские церковно-богослужебные стили представлены литургическими, житийными и проповедническими сочинениями (например, «Житие Бориса и Глеба», «Поучение» новгородского епископа XI в. Луки и «Слово на антипасху» туровского епископа XII в. Кирилла).

Основу литературного языка чаще всего составляет живой разговорный язык народа, т. е. те его языковые формы, которые почему-либо признаются лучшими в сравнении с другими равнозначными формами этого языка. Но не всегда так бывает; например, латинский язык долгое время был литературным языком многих западноевропейских народов, а не только римлян.

Поскольку в языке памятников древней восточнославянской письменности множество старославянизмов (см. § 30), ученые (И. И. Срезневский, А. А. Шахматов, А. М. Селищев и др.) долгое время думали, что и у восточных славян литературный язык развивался не на основе живой древнерусской речи, а на основе родственного старославянского языка, проникшего к восточным славянам в период христианизации, будто до этого у восточных славян литературного языка вообще не было.

Однако в дальнейшем исследования Л. П. Якубинского и особенно С. П. Обнорского показали, что те памятники древнерусской письменности, которые не связаны с религиозной тематикой (сочинения Владимира Мономаха, «Русская правда», «Слово о полку Игореве» и др.), почти лишены старославянизмов и, по мнению Обнорского, свидетельствуют о литературных традициях, сложившихся у восточных славян еще в дохристианское время, т. е. в период, от которого до нас памятники письменности, к сожалению, не дошли. Исходя из этого, Обнорский утверждал, что литературный язык Древней Руси сложился на общевосточнославянской языковой основе и лишь позд-

нее, во времена христианизации восточных славян, стал вбирать в себя старославянские элементы[1].

Но и это утверждение, как теперь полагают ученые, не вполне верно. Исследования В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Д. С. Лихачева и других лингвистов позволяют считать, что у разных стилей древнерусского языка была разная основа: стили произведений с христианско-религиозной, особенно церковно-обрядовой, тематикой складывались на основе старославянского языка, подвергавшегося постепенному обрусению, а стили произведений светских — на основе живого разговорного языка восточных славян, т. е. на основе диалектов древнерусского языка[2].

Поскольку крупнейшими административными и культурными центрами Древней Руси были Киев и Новгород, то надо думать, что на формирование светских стилей литературного языка восточных славян большое влияние оказала разговорная речь именно киевлян и новгородцев, т. е. по происхождению диалектная речь полян и словен[3]. Однако в подробностях диалектные истоки этих стилей, складывавшихся не на старославянской, а на древнерусской основе, выяснить трудно из-за недостаточности сведений о древнейших восточнославянских диалектах и из-за малого числа дошедших до нас древнейших восточнославянских памятников письменности.

Впрочем, с уверенностью можно считать, что из арсенала речевых средств древнерусского языка за пределами его литературных норм было, например, аканье (которое теперь присуще русской и белорусской устной литературной речи): в древнерусской письменности даже XIV в. (т. е. уже периода позднего древнерусского языка) аканье отражено слабо, а в новгородских и других северных говорах современного русского языка и в украинском языке

---

[1] См.: *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка, с. 273, 277—295; *Обнорский С. П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.— Л., 1946, с. 3—7.

[2] См.: *Виноградов В. В.* Русская наука о русском литературном языке.— «Уч. зап. МГУ», 1946, т. 3, кн. 1; *его же.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958; *Винокур Г. О.* Избр. работы по русскому языку. М., 1959, с. 44—57; *Толстой Н. И.* К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян.— «Вопросы языкознания», 1961, № 1.

[3] См.: *Шахматов А. А.* Введение в курс истории русского языка, с. 77—87.

(значит, и в его киевских диалектах) аканье и теперь отсутствует. Надо думать, что старославянские и иные южнославянские элементы в литературные стили древнерусского языка, развивавшиеся не на старославянской основе, проникали раньше и больше, чем в его диалекты. Можно полагать, что эти элементы в устной литературной речи восточных славян были вполне обычными (см. § 30), тогда как в диалекты они попадали если не исключительно, то главным образом через литературное посредство и были в них распространены намного меньше, чем в литературной речи.

§ 30. ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ДРЕВНЕРУССКИЙ ЯЗЫК

Древнейшие славяне были язычниками: обожествляя различные силы природы, поклонялись им. И славянский Олимп, вероятно, не уступал античному ни по количеству объектов, наделявшихся сверхъестественными силами, ни по яркости мифов: Сварог был богом неба, Дажьбог (или Хорс) — богом солнца, Перун — богом грома и молнии, Стрибог — богом ветров, Святовит — богом войны и изобилия, Волос (или Велес) — богом скота, Мокошь — богиней женского ремесла и плодородия и т. д. Однако со временем язычество сменилось христианством. Его раньше других, уже в IX в., приняли из Византии многие южные славяне, в первую очередь болгары. Поэтому именно в их среде старославянский литературный язык стал языком новой религии. В X в. христианство византийского толка проникло в Древнюю Русь, а в конце века, при князе Владимире Святославиче, стало здесь официальной религией. Для распространения нового вероучения в широких народных массах христианские проповедники использовали церковные тексты, написанные на очень близком для восточных славян старославянском языке, на который христианские книги переводились с греческого еще в IX в. Это открыло широкие возможности для проникновения в древнерусский язык элементов старославянского языка, т. е. южнославянских элементов, и обусловило наличие в памятниках древнерусской письменности целого ряда старославянских форм, употреблявшихся наравне с соответствующими древнерусскими.

Отметим важнейшие из фонетических старославянизмов, отразившихся в орфографии памятников древнерусской письменности:

1) неполногласные сочетания *ра*, *рѣ*, *ла*, *лѣ* вместо древнерусских полногласных *оро*, *ере*, *оло*, *ело* [*Володимира*, но *власти* (вместо *волости*) — запись к Остромирову евангелию];

2) сочетания *ра*, *ла* в начале слова перед согласным там, где по древнерусским нормам должно было бы быть *ро*, *ло* (*роботы* и *работы* — Ипатьевская летопись; *локътъ* и *лакътъ* — Изборник Святослава 1073 г.);

3) употребление *ръ*, *лъ*, *рь*, *ль* вместо древнерусских *ър*, *ъл*, *ьр*, *ьл* между согласными [*плъкы* (вместо *пълкы*) и *пръвое* (вместо *пьрвое*) — «Слово о полку Игореве»; *дръжати* (вместо *дьржати*) — «Стоглав»; *мрьзость* (вместо *мьрзость*) — Пандекты Антиоха];

4) сочетания *жд* и *шт* (*щ*) вместо *ж* и *ч* (из *dj*, *tj*, *gt'*, *kt'*) [*хоштю* (вместо *хочю*) — Изборник Святослава 1076 г.; *рожденое* и *роженыи* — Остромирово евангелие; *пещь* и *съ печи* — «Повесть временных лет»];

5) сочетания *жд* вместо *зж*, *жж* (из *zg'* и *zgj*, *zdj*) и *шт* вместо *шч*, *щ* (из *sk'* и *stj*, *skj*) [*заштиштаи* (вместо *защичаи* или *зашчичаи*) — Изборник Святослава 1076 г.; *дрождия* (вместо *дрозжия* или *дрожжия*) — Толковая псалтырь];

6) употребление *ю* вместо *у*, *ѥ* вместо *о* и *а* вместо *ꙗ* в начале слова (ср.: *югъ* в Остромировом евангелии, но *угъ* в Изборнике Святослава 1073 г.; *ѥлени* в Новгородских служебных минеях, но *олень* в «Поучении» Владимира Мономаха; *авитася* в Новгородских служебных минеях, но *ꙗви* в Остромировом евангелии);

7) некоторые особенности употребления гласных полного образования на месте редуцированных гласных (например, *соборъ* < *съборъ* в «Златоструе»).

Важнейшие морфологические старославянизмы, отразившиеся в орфографии памятников древнерусской письменности, следующие:

1) написания *ѧ*, *а* и *я*[1] (вместо *ѣ*) в окончаниях родительного падежа единственного числа, именительного и

---

[1] Так как ѧ — «малый юс» стал смешиваться с *я* и после шипящих с *а*, что было вызвано превращением ѧ (носового *е*) в *а* (с предшествующим мягким согласным).

винительного падежей множественного числа слов женского рода и в винительном падеже множественного числа слов мужского рода [*посрѣдѣ пьшеницꙗ* (вместо *посередѣ пьшеницѣ*) — Остромирово евангелие; *засыпати я живы* (вместо *засыпати ѣ* — в значении 'их' — *живы*); *пришлите мужа нарочиты* (вместо *пришлите мужѣ нарочиты*); *дѣлають нивы своя и землѣ своя* (вместо *дѣлають нивы своѣ и землѣ своѣ*) — Лаврентьевская летопись; *отъ плъти своея* (вместо *отъ плъти своеѣ*); *поминаита монастыря* (вместо *поминаита монастырѣ*) — Изборник Святослава 1076 г.];

2) написания *-ый* и *-ий* в окончаниях именительного и винительного падежей полных форм прилагательных мужского рода и сходных с ними других частей речи (вместо *-ой*, *-ей*) в северных памятниках, возникших после падения редуцированных (*грѣшныи худыи рабъ божии Иван; кожухъ черленыи; поясъ болшии* — грамота Ивана Калиты; ср.: *монастырскои человек; всякои год* — грамота Дмитрия Шемяки; *брат мои старешеи* — грамота можайского князя Ивана);

3) окончания *-аго* и *-яго* (*-ꙗго*) в родительном падеже единственного числа полных форм прилагательных мужского и среднего рода (вместо *-ого*, *-его*) (*буꙗго* — Изборник Святослава 1076 г.; *убогаго* — Новгородские служебные минеи);

4) суффикс *-ѣах-* в имперфекте (вместо *-ях-*, *-ах-*) (*имѣаше* — «Житие Бориса и Глеба»);

5) суффиксы *-ущ-* (*-ушт-*), *-ющ-* (*-юшт-*), *-ащ-* (*-ашт-*), *-ящ-* (*-яшт-*) (вместо *-уч-*, *-юч-*, *-ач-*, *-яч-*) в нестрадательных причастиях настоящего времени (*имушта*, *дающа* — Изборник Святослава 1073 г.; *боящиихъ* — Изборник Святослава 1076 г.; *любящеи*, *лежащь*, *проидуща* — Житие Нифонта; но *сꙗ бояче* — Новгородские служебные минеи);

6) краткие формы именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода нестрадательных причастий настоящего времени на *-ы* (вместо форм на *-а*, *-я*) и соответственно полные формы на *-ыи* (вместо форм на *-аи*, *-яи*) [*иды*, *ревы* (вместо *ида* или *идя* и *рева* или *ревя*) — Синайский патерик; *рекыи* (вместо *рекаи*) при *могаи* — Киево-Печерский патерик];

7) окончание *-тъ* в 3-м лице глаголов настоящего времени, вместо *-ть* в ранних памятниках письменности (например, *купятъ*, *умретъ* при *свободять*, *пребываеть* в Синайском патерике).

Важнейшей синтаксической чертой, поддерживавшейся в древнерусских текстах старославянским влиянием, был оборот «дательный самостоятельный». В бытовой разговорной речи восточных славян он стал рано превращаться в деепричастный оборот и именно поэтому не встречается в своем исконном виде ни в каких древнерусских деловых текстах: ни в купчих, дарственных, рядных, договорных, духовных, докончальных или иных грамотах, ни в судебниках или судных списках, ни в берестяных новгородских письмах (надо полагать, что по стилю они были наиболее близки к обиходному восточнославянскому просторечию своего времени). Другое дело — тексты древнерусских летописей, хождений, житий и т. п. повествований. В них обычно часто встречается оборот «дательный самостоятельный», так как эти тексты создавались опытными книжниками, хорошо знавшими религиозные сочинения и, значит, старославянский язык, пусть даже подвергшийся с течением времени известной модернизации в древнерусском употреблении.

За счет старославянской лексики древнерусская обогатилась такими, например, словами, как *свѣдѣтель* (др.-русск. *видокъ*), *парити*, *вития*, *настоятель*, *зѣло* (др.-русск. *вельми*), *коварный*, *кормчий*, *кощунство*, *ланита*, *милосердие*, *наперсник*.

Со временем многие старославянизмы перестали быть просто вариантами или синонимами древнерусских слов, а обособились от них по значению (ср.: *голова — глава*, *порох — прах*, *сторона — страна*, *передел — предел*, *голосить — гласить*).

Некоторые старославянизмы постепенно из книжной речи перешли в устную и даже в ряде случаев вытеснили соответствующие древнерусские слова. Таковы в современном русском языке *плен* (ст.-русск. *полон*), *сладкий* (русск. *солод*), *прохладный* (русск. *холод*), *время* (др.-русск. *веремя*) и др.

Следует, наконец, заметить, что старославянское влияние на говорах русского (великорусского) языка сказалось больше, чем на говорах украинского и белорусского языков (ср.: совр. русск. *сладко*, укр. *солодко*, белорусск. *салодка;* русск. *награда*, укр. *нагорода*, белорусск. *нагарода*). Вероятно, это надо объяснить тем, что языковое обособление предков украинцев и белорусов происходило в период существования польско-литовского государства,

в котором господствующей силой были католики. Они среди обособлявшихся предков украинцев и белорусов не только не поощряли православие с его старославянскими религиозными текстами, а наоборот, стремились насадить католичество с его латынью.

Влияние старославянского языка на древнерусский в период христианизации восточных славян принято называть первым южнославянским влиянием. Оно было лишь частным проявлением южнославянского влияния на древнерусскую культуру того времени. С конца XIV в. на Руси, особенно в Московском государстве, стало ощущаться так называемое второе южнославянское влияние. Оно было обусловлено целым комплексом внутренних и внешних для Древней Руси причин: 1) усилением в XIII и особенно в XIV в. связей древнерусских церковных деятелей и книжников с южнославянскими религиозными и культурными центрами на Балканах и в Малой Азии; 2) захватом Балкан турками в конце XIV в. и перемещением по этой причине главного центра православной культуры в Москву, а также иммиграцией на Русь значительного числа южнославянских ученых, не пожелавших жить под турецким игом; 3) большой научно-публицистической деятельностью этих иммигрантов на Руси, утверждавших в интересах политики великих московских князей идею «Москва — третий Рим», т. е. доказывавших, что Москва (тогда еще сравнительно новый политический и культурный центр) является преемницей культурного, политического и церковного авторитета античного Рима и Константинополя (античный Рим утратил свой авторитет для православных, впав в «латинскую ересь», а Константинополь, ставший для православных «вторым Римом», пал под властью турецких мусульман).

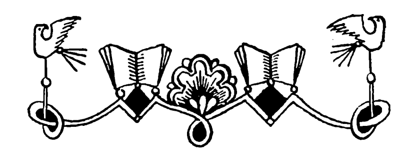
В древнерусской письменности «второе южнославянское влияние» сказалось очень во многом: 1) стали чаще встречаться старославянские элементы, 2) был восстановлен забытый к середине XII в. *ѫ* — «большой юс» (в прошлом обозначавший носовой *о*, а теперь ставший вариантом для буквы *у*); 3) получили распространение так называемые нейотованные гласные буквы после гласных, т. е. стали обычными написания *моа*, *сиа*, *апостольскаа* и т. д. (вместо *моя*, *сия*, *апостольская)*; 4) в распространении витиеватых синтаксических конструкций со множеством сложных слов и излишних повторений в риторических произведениях

(например, у Епифания Премудрого: *и оттуду рассмотривъ житие свѣта сего маловременное и скоро минующее и мимо ходящее, аки рѣчнаа быстрина или акы травный цвѣтъ... Того ради с доброглашениемъ молю вы и съ умилениемъ припадаю, и съ смиреномудрием милъ ся дѣю*).

Однако «второе южнославянское влияние» в XVI в. в основном уже изжило себя и большого следа в языке восточных славян не оставило, хотя закрепление в речи обособлявшихся русских (великорусов) целого ряда старославянских форм вместо древнерусских (*одежда*, *плен*, *прах*, *пещера* и др.), по-видимому, было обязано авторитету переселившихся в Московское государство южнославянских ученых и культурных деятелей[1].

---

[1] См.: *Винокур Г. О.* Избр. работы по русскому языку, с. 59—61; *Гудзий Н. К.* История древнерусской литературы. М., 1966, с. 227—229.



Приложение

СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ[1]

А́канье — неразличение гласных *а* и *о* в первом предударном слоге, произношение их как *а* или близко к *а* (в некоторых диалектах это наблюдается и в иных неударных слогах). Ср.: **яканье, ёканье.**

Ао́рист (от греч. ἀόριστος — неограниченный, неопределенный) — система глагольных форм, первоначально обозначавших неопределенное прошедшее действие.

Артикуля́ция (от лат. *articulare* — членораздельно выговаривать) — движения органов речи (языка, губ и т. д.) при произношении звуков.

Ассимиля́ция (от лат. *assimilatio* — уподобление) — изменение одного звука в зависимости от другого, сближающее оба эти звука по какому-либо признаку (например, в слове *лодка* звук *д* произносится как *т*, т. е. звонкий *д* превращается в глухой и этим сближается с глухим *к*). Ср. **диссимиляция.**

Аффрика́та (от лат. *affricare* — притирать) — в древнерусском языке это слитно произносимое сочетание **взрывного согласного** со **свистящим** или **шипящим,** представляющее собой одну **фонему;** в первом случае аффриката называется свистящей, во втором — шипящей. В других языках есть сочетания из взрывных согласных с иными невзрывными согласными.

---

[1] Объяснены только те термины, которые отсутствуют в учебниках русского языка для средней школы и могут затруднить студента-первокурсника. Объяснения не всегда полностью раскрывают значение того или иного термина, так как имеют целью сделать понятным его употребление лишь в данном пособии. Кроме того, не объяснены те термины, которые, являясь не только языковедческими, известны из школьных курсов математики, физики, биологии и др. (например: *аналогия, бинарный, дифференциация, коррелят* и т. п.).

Боковóй соглáсный — согласный звук (например, *л*), при произношении которого воздух проходит по бокам языка.

Вариáнт фонéмы см. **фонема.**

Взрывнóе образовáние соглáсного см. **взрывной согласный.**

Взрывнóй соглáсный — согласный звук, при произношении которого воздух разрывает сомкнутые в том или ином месте органы речи (например, при произношении *п* струя воздуха разрывает сомкнутые губы). Ср. **невзрывное образование согласного.**

Внутрислоговóй сингармонúзм см. **сингармонизм.**

Восходя́щая звýчность слóга — такая последовательность звуков в слоге, при которой в нем не могут быть согласный после гласного, глухой согласный — после звонкого, **шумный** — после **сонорного.**

Восходя́щее ударéние — такое произношение ударного гласного, когда тон его повышается от начала звучания к концу, но вновь резко снижается в конце звучания. Ср. **нисходящее ударение.**

Глухóй глáсный — звук, производимый органами речи без участия голоса.

Гóвор — разновидность языка, используемая в общении относительно небольшого числа людей, говорящих на этом языке и объединенных родо-племенными или территориальными связями. См. **диалект.**

Гýбно-губнóй соглáсный — согласный звук, при произношении которого нижняя губа приближается к верхней губе.

Гýбно-зубнóй соглáсный — согласный звук типа *в* и *ф*, при произношении которого нижняя губа приближается к верхним зубам.

Губнóй соглáсный — звук, образуемый с помощью губ.

Диалéкт (от греч. διάλεκτος — разговор) — разновидность языка, употребляемая некоторой частью людей, говорящих на этом языке и связанных родо-племенной, территориальной, профессиональной или социальной общностью. См. **говор.**

Диалектúзмы — фонетические, грамматические и лексические особенности, свойственные тем или иным **диалектам.**

Диахрóнное сопоставлéние (от греч. διά — через, Χρόνος — время) — сопоставление тех или иных языковых фактов и явлений, относящихся к разным периодам истории языка.

Диссимиля́ция (от лат. *dissimilatio* — расподобление) — замена одного из двух сходных или одинаковых звуков другим, усиливающая разницу между этими звуками (например, в *легко* взрывной *г* перед следующим взрывным же *к* произносят без взрыва — как *х*). Ср. **ассимиляция.**

Дифтóнг (от греч. δίς — дважды, φτόγγος — звук) — двугласный, т. е. сложный, звук, возникший из двух гласных, образующих один слог.

Дифтонгúческое сочетáние — сочетание типа **дифтонга,** состоящее из гласного звука с последующим **сонорным.**

Дóлгий глáсный — гласный звук, произносимый протяжно.

Дрожáщий соглáсный — согласный звук, при произношении которого тот или иной орган речи вибрирует (например, при произношении восточнославянского *р* вибрирует кончик языка).

Ёканье — произношение *о* вместо *е* после мягких согласных, шипящих и *ц* перед следующим твердым согласным или в конце слова. Ср.: **аканье, яканье.**

Заднеязы́чный согла́сный — звук, произносимый при помощи задней части языка.

Закры́тый гла́сный — гласный звук, склонный к сближению с гласным более высокого подъема. См. **подъем гласного.**

Закры́тый слог — слог с конечным согласным. Ср. **открытый слог.**

Зало́г — свойство глагола указывать своими формами на отношения между производителем действия и объектом, на который оно направлено.

Зубно́й переднеязы́чный согла́сный — согласный, при произношении которого кончик языка примыкает к зубам.

Имперфе́кт (от лат. *imperfectum* — несовершенное) — система глагольных форм, обозначающих незавершенное прошедшее действие. Ср. **аорист.**

Инфинити́в (от лат. *infinitivus* — неопределенный) — неизменяемая глагольная форма, обозначает действие безотносительно к наклонению, времени и лицу.

Инфинити́вная осно́ва — часть **инфинитива,** стоящая перед инфинитивным суффиксом (*-ти, -ть*).

Иррациона́льный гла́сный (от лат. *irrationalis* — неразумный) — гласный звук более краткий, чем нормально краткий того же языка.

Йото́ванная гла́сная — буква, обозначающая сочетание гласного звука с предшествующим *j* (например, *я = ja, ю = jy* и др.).

Лабиализа́ция (от лат. *labium* — губа) — огубление, т. е. произношение звука с вытягиванием вперед и округлением губ.

Ле́ксика (от греч. λεξικός — словесный, словарный) — система слов какого-либо языка или **диалекта.**

Лекси́ческая систе́ма см. **лексика.**

Монофтонгиза́ция (от греч. μόνος — один, φθόγγος — звук) — превращение **дифтонга** в обычный гласный.

Монофтонгизи́роваться см. **монофтонгизация.**

Морфе́ма (от греч. μορφή — форма) — морфологическая единица — обобщающее название для составных частей слова (корней, суффиксов, приставок, окончаний).

Музыка́льное ударе́ние — ударение, связанное с повышением или понижением голоса. См.: **восходящее ударение, нисходящее ударение.**

Мя́гкая осно́ва — основа слова, имеющая на конце мягкий согласный. Ср. **твердая основа.**

Наклоне́ние — свойство глагола выражать в своих формах отношение обозначаемого действия к действительности.

Наре́чие — группа **говоров,** связанных между собой рядом общих явлений, неизвестных другим говорам.

Невзрывно́е образова́ние согла́сного — такое образование (произношение) согласного, когда струе воздуха не приходится прерывать преграду, создаваемую органами речи, так как эта преграда неполная. Ср. **взрывное образование согласного.**

Нетемати́ческий глаго́л — глагол, не содержащий тематического элемента (древнерусские глаголы III спряжения). Ср. **тематический глагол.**

Нисходя́щее ударе́ние — такое произношение ударного гласного, когда тон его понижается от начала звучания к концу, но вновь резко повышается в конце звучания. Ср. **восходящее ударение.**

Носово́й гла́сный — гласный звук, при произношении которого воздух проходит через полость носа (др.-русск. **ѧ ѫ**).

Носово́й согла́сный — согласный звук, при произношении которого воздух проходит через нос (например, русск. *н* и *м*). См. **сонорный.**

Нуль зву́ка — отсутствие звука (например, в *бездонный* звук *о* звучит после *д*, а в *дно* в той же **морфеме** отсутствует, т. е. представляет собой нуль звука).

Обстоя́тельственные при́знаки де́йствия — в грамматическом смысле это указания на время, место, причину, цель, способ (образ) действия.

Оглуше́ние зво́нких согла́сных — превращение при произношении звонких согласных в глухие (*б* > *п*, *г* > *к*, *д* > *т* и т. д.). Ср. **озвончение глухих согласных.**

Озвонче́ние глухи́х согла́сных — превращение при произношении глухих согласных в звонкие (*п* > *б*, *к* > *г*, *ш* > *ж* и т. д.). Ср. **оглушение звонких согласных.**

Онома́стика (от греч. ὀνομαστική τέχνη — искусство давать имена) — совокупность личных имен как предмет лингвистического изучения.

Осно́ва на... — основа слова, имеющая на конце тот звук, который указан после *на* (например, *основа на согласный* значит ‘основа, заканчивающаяся согласным звуком’). См.: **мягкая основа, твердая основа.**

Откры́тый гла́сный — гласный звук, склонный к сближению с гласным более низкого **подъема.** Ср. **закрытый гласный.**

Откры́тый слог — слог с конечным гласным. Ср. **закрытый слог.**

Палатализи́роваться (от лат. *palatum* — нёбо) — произноситься с дополнительным к основной **артикуляции** звука подъемом средней части языка к твердому нёбу (как при произношении *j*; этим достигается смягчение согласного).

Переднеязы́чный согла́сный — согласный звук, который произносится при помощи передней части языка.

Перфе́кт (лат. *perfectum* — совершенный) — система глагольных форм, обозначающих прошедшее действие, результат которого сохраняется в момент высказывания.

Плюсквамперфе́кт (лат. *plusquamperfectum* — больше чем завершенное) — система глагольных форм, обозначающих действие, предшествовавшее другому прошедшему действию.

Пла́вный согла́сный — **сонорный** согласный (*р*, *л*).

Подъём гла́сного — одна из причин различий между гласными заключается в том, что при их произношении язык поднимается к твердому нёбу на разную высоту; по этому признаку принято различать гласные нижнего подъема (*а*), среднего подъема (например, *е* и *о*) и верхнего подъема (например, *и*, *ы*, *у*).

Позицио́нный вариа́нт фоне́мы см. **фонема.**

Полногла́сие — сочетания *оро, оло, ере* на месте праславянских дифтонгических сочетаний между согласными в восточнославянских языках.

Полумя́гкий согла́сный — согласный, смягченный не полностью (например, как *з* в фамилии *Бизе*, в отличие от твердого *з* в *гроза* и мягкого *з'* в *зима*).

Прафо́рма — форма слова или какой-то его части, существовавшая в прошлом, но затем исчезнувшая или изменившаяся.

Праязы́к — язык-основа, древний язык, который потом превратился в несколько новых языков.

Предикати́в (от лат. *praedicativus* — сказуемый) — именной член составного именного сказуемого.

Предикати́вный — играющий роль **предикатива.**

Протети́ческий согла́сный (от греч. πρόθεσις — подстановка) — звук, прибавляемый в начале слова, но не имеющий значения приставки (например, *в* в русск. диал. *вострый* — 'острый' или в укр. *вухо* — 'ухо').

Редуци́рованный (от лат. *reductio* — отведение назад) — гласный неполного образования, сверхкраткий (типа др.-русск. *ъ, ь*).

Ротово́й согла́сный — звук, при произношении которого воздух выходит через рот, так как носовая полость закрыта нёбной занавеской. Ср. **носовой согласный.**

Ряд гла́сного — в зависимости от того, какая часть языка — передняя, средняя или задняя — приподнята при произношении гласного, различают гласные переднего, среднего и заднего ряда.

Сверхкра́ткий гла́сный см. **редуцированный.**

Свистя́щая аффрика́та см. **аффриката.**

Свистя́щий согла́сный — звук типа *з, с, ц* (свистящими их называют по акустическому восприятию). Ср. **шипящий согласный.**

Силово́е ударе́ние — ударение, при котором ударный слог произносится сильнее неударного.

Си́льный редуци́рованный — гласный звук неполного образования (сверхкраткий) в сильной позиции (под ударением, перед слогом со **слабым редуцированным,** перед **плавными** *р, л* в сочетаниях *ър, ьр, ъл, ьл* между согласными).

Сингармони́зм (внутрислоговой) (от греч. σύν — вместе, ἁρμονία — созвучие) — объединение в одном слоге звуков однородной или сходной артикуляции.

Синхро́нное сопоставле́ние (от греч. συγχρονισμός — одновременность) — сопоставление тех или иных языковых фактов и явлений, относящихся к одному и тому же историческому времени.

Сла́бый редуци́рованный — гласный звук неполного образования (сверхкраткий) в слабой позиции (на конце неодносложного слова, перед слогом с нередуцированным гласным, перед слогом с **сильным редуцированным**).

Слого́вость — свойство звука образовывать слог. Обычно этим свойством обладают гласные, но в определенных случаях роль гласных при образовании слога переходит к согласному, особенно к *р* или *л*.

Сло́жный согла́сный — сочетание нескольких согласных звуков, представляющее собой одну **фонему,** если первый из этих

согласных не является взрывным, а второй — **взрывной.** Ср. **аффриката.**

Соно́рный (от лат. *sonorus* — звучный) — звонкий согласный звук, при произношении которого выдыхаемый воздух имеет свободный выход, поэтому они очень близки к гласным. Сонорные не имеют соответствий в ряду глухих согласных. См. **носовой согласный.**

Супи́н (от лат. *supinum* — лежащее на спине, опрокинутое) — достигательное наклонение, глагольная форма для обозначения цели движения, выраженного другим глаголом.

Твёрдая осно́ва — основа слова, имеющая на конце твердый согласный. Ср. **мягкая основа.**

Темати́ческий глаго́л — глагол, содержащий тематический элемент (древнерусские глаголы I и II спряжения). Ср. **нетематический глагол.**

Темати́ческий гла́сный (от греч. θέμα — основа) — гласный звук суффиксального происхождения на конце основы слова.

Топо́ним (от греч. τόπος — место, ὄνομα — имя) — географическое собственное название.

Фоне́ма (от греч. φώνημα — голос, звук) — совокупность членораздельных звуков языка, замещающих друг друга в разных фонетических позициях в составе **морфемы.** Эта совокупность составляет позиционные варианты фонемы. Следовательно, в речи она реализуется соответственно фонетическим условиям каждый раз лишь в одном из своих вариантов. Например, членораздельные звуки *б*, *б'*, *п*, чередующиеся в составе корня *дуб-* в зависимости от положения в слове,— варианты одной фонемы: *б* — перед твердым звонким согласным и гласным непереднего ряда (*дубра́ва*, *дубо́к*), *б'* — перед гласным переднего ряда (*дуб'ит'*), *п* — перед глухим согласным и на конце слова (*дупк'и́*, *дуп*). Функция фонемы — быть средством смыслоразличения морфем, а через это — и слов. Отсюда разные членораздельные звуки в одной и той же фонетической позиции всегда принадлежат разным фонемам (например, *д* и *т* в *дам* и *там* или *а* и *о* в *дам* и *дом*). Однако один и тот же звук может оказаться общим вариантом разных фонем. Таков звук *т* в конечных позициях в случаях *рот* — 'род' и *рот* — 'рот'), потому что в корне *род-* звук *т* лишь позиционно замещает *д* (ср.: *ро́д'ич'*, *к наро́ду*), а в корне *рот-* звук *т* не переходит в *д* ни в каких позициях (ср. *ро́т'ик*). К разным фонемам относится и *о* в *засол* и *с'ол* (род. п. мн. ч. от *село*), так как в корне *сол-* звук *о* не связан никаким чередованием с *е*, а в корне *с'ол-* замещает *е* под ударением перед твердым согласным (ср.: *с'ело́*, *с'ел'-ск'их* и др.). Наличие у разных фонем общих вариантов — следствие функционального сближения этим фонем в языковой истории. Наоборот, утрата вариантами фонем позиционной мотивированности употребления (например, необусловленность *ч* вместо *к* в слове *клич* < **klikj'-* при *с-клик-ати*) — показатель превращения этого варианта в самостоятельную фонему и вместе с тем предпосылка для превращения соответствующих вариантов одной морфемы в разные морфемы[1].

[1] Так понимали фонему И. А. Бодуэн де Куртенэ и С. И. Бернштейн, но есть и иные трактовки (у Л. В. Щербы, Р. И. Аванесова и др.).

Фоне́тико-морфологи́ческие чередова́ния — чередования звуков в той или иной **морфеме**, когда они не просто обусловлены фонетическими причинами (как, например, оглушение *б* в *п* на конце слова *дуб*), а приобрели значение какого-либо морфологического признака. Например, изменение *к* в *ч* в *печёшь* когда-то было обусловлено фонетическим положением перед *е*, а теперь стало морфологическим признаком формы 2-го лица единственного числа (как и некоторых иных форм) глаголов с основой 1-го лица единственного числа на *-к* (ср. *пек-у*), так как в современном русском языке можно бы произнести и *к* перед *е* и *ё* (ср.: *руке*, *ткёшь*).

Фо́рма сло́ва — слово может быть неизменяемым (союз *а*, наречие *где* и др.) и изменяемым (например, *стол* изменяется по числам и падежам). Изменяемые слова выступают в речи в разных падежах, числах, лицах, временах и т. п. Эти варианты изменяемых слов называют их формами.

Цо́канье — неразличение в произношении *ц* и *ч* (*цяшка* — 'чашка', *чена* — 'цена' и т. д.).

Чередова́ние зву́ков — мена звуков, занимающих одно и то же место в **морфеме** в разных случаях ее употребления.

Шипя́щая аффрика́та см. **аффриката.**

Шипя́щий согла́сный — согласный звук типа *ж*, *ш*, *ч*, *щ* (шипящим его называют по производимому им акустическому впечатлению). Ср. **свистящий согласный.**

Шу́мный согла́сный — любой согласный звук, кроме **сонорного.**

Эпентети́ческий согла́сный (от греч. ἐπένθεσις — вставка) — согласный звук, вставленный внутрь слова (например, *т* в русск. диал. *страм* — 'срам').

Я́канье — разновидность **аканья** после мягких согласных.

ВАЖНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

От **XI в.** сохранилось очень незначительное количество памятников, главным образом церковно-религиозного содержания:

1. *Остромирово евангелие.* Написано в 1056—1057 гг. дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира. Предполагают, что Григорий был киевлянином и в написании евангелия ему кто-то помогал. Хранится в Гос. публ. библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

2. *Тмутараканская надпись.* Высечена на мраморе в 1068 г. Хранится в Гос. Эрмитаже.

3. *Изборники князя Святослава.* Написаны дьяконом Иоанном в 1073 и в 1076 гг. В составлении Изборника 1073 г. Иоанну помогал какой-то писец. Изборник 1073 г. хранится в Гос. Историческом музее, а Изборник 1076 г.— в Гос. публ. библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

4. *Новгородские служебные минеи* (сборники церковных чтений) 1095, 1096 и 1097 гг. Первую и вторую писал новгородский монах Яков (по-мирскому Дъмка), авторы третьей не установлены. Хранятся в Гос. Историческом музее.

5. *Путятина служебная минея.* Написана около 1100 г. неким Путятой, по-видимому новгородцем. Хранится в Гос. публ. библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

6. *Евгеньевская псалтырь.* Написана в XI в. Хранится в Гос. публ. библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

От **XII в.** письменных памятников до нас дошло больше, но они тоже преимущественно церковно-религиозного содержания:

1. *Галицкое евангелие.* Написано в 1114 г. Хранится в Гос. Историческом музее.

2. *Мстиславово евангелие.* Написано около 1117 г. для новгородского, потом киевского князя Мстислава. Хранится в Гос. Историческом музее.

3. *Юрьевское евангелие.* Написано в 1120 г., вероятно, в Киеве для новгородского Юрьевского монастыря. Хранится в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

4. *Мстиславова грамота.* Написана в 1130 г., вероятно, в Киеве для новгородского Юрьевского монастыря.

5. *Вкладная грамота Варлаама Хутынскому монастырю.* Написана около 1192 г. (хотя есть причины относить ее и к 1211 г.).

6. *Новгородские и псковские грамоты*, в том числе новгородские берестяные грамоты. Хранятся в разных местах.

От **XIII в.** имеется значительно больше памятников — не только церковных, но и светских:

1. *Житие Нифонта.* Сохранилось несколько списков, наиболее ранний сделан в 1219 г. в Ростове. Хранится в Гос. Историческом музее.

2. *Договорная грамота смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом 1229 г.* Сохранилась в нескольких списках. Список 1229 г. хранится в Рижском гос. архиве.

3. *Договорные грамоты новгородцев и псковичей.* Хранятся в Центральном гос. архиве древних актов и в других местах.

4. *Новгородская кормчая.* Написана в 1282 г. Содержит текст «Русской правды». Хранится в Центральном гос. историческом архиве.

5. *Новгородские берестяные грамоты.* Находятся в распоряжении Новгородской археологической экспедиции.

Период **XIV—XVI вв.** (особенно XVI в.) богат самыми разнообразными памятниками:

1. *Синодальный список Новгородской I летописи.* Сделан в самом начале XIV в. (возможно, даже в XIII в.). Хранится в Гос. Историческом музее.

2. *Слово на антипасху Кирилла Туровского.* Список XIV в. Хранится в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

3. *Духовные и договорные грамоты великих московских и удельных князей. Дарственные, купчие, рядные, жалованные и иные грамоты*, написанные в Новгороде, Пскове, Полоцке, Галиче, Угличе и других городах. Хранятся в разных местах.

4. *Лаврентьевская летопись.* Список 1377 г. Включает «Повесть временных лет» и «Поучение» Владимира Мономаха. Хранится в Гос. публ. библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

5. *Псковский Пролог 1387 г.* Хранится в Гос. Историческом музее.

6. *Ипатьевский список летописи.* Сделан около 1425 г. где-то на северо-западе Древней Руси. Хранится в Библиотеке АН СССР.

7. *«Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.».* Имеется несколько списков. Троицкий список хранится в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина, Архивский — в Центральном Гос. архиве древних актов, а Эттеров — в Гос. публ. библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

8. *«Домострой».* Сохранился в списке XVI в. Хранится в Гос. публ. библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

9. *«Стоглав»* (постановления церковного собора 1551 г.). Сохранился в нескольких списках XVI—XVII вв. Список пространной редакции хранится в Гос. Историческом музее.

10. *Переписка Ивана Грозного с опричником Василием Грязным 1574—1576 гг.* Хранится в Центральном гос. историческом архиве.

11. *Новгородские берестяные грамоты.* Находятся в распоряжении Новгородской археологической экспедиции.

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ И ПЕРЕВОДА

Тексты для чтения и перевода на современный русский язык выбраны из древнерусских памятников разных стилей и снабжены пояснениями значений непонятных слов, а также заданиями для анализа. При этом цифра над словом или словосочетанием в древнерусском тексте указывает номер задания, относящегося к данному слову или словосочетанию.

ИЗ ИЗБОРНИКА СВЯТОСЛАВА 1076 г.

О ДЕРЗОСТИ

Съ оуродивыимъ[2,9] свѣта[5] не твори. не можеть[8] бо словесе дьржати. Прѣдъ чюждиими[6,9] не сътвори ничьто же таина. не вѣси бо чьто сътворѧть[4]: Не ꙗвлѧи вьсѧкомоу чловѣкоу[5] ср҃дца своѥго. да не възнесеть[8] ти хвалы Не даждь[6] женѣ дш҃ѧ[7] своѥꙗ[7]. настоупити и на крѣпость твою[3]: Не сърѣтаи жены блоудьницѧ[7]. Да не како въпадеши въ сѣтиѥꙗ:. Не дажь блоудьницамъ дш҃ѧ своѥꙗ. да не погубиши наслѣдиꙗ. своѥго: Отъврати очи свои отъ жены красьны. и не глади чюжеꙗ[7] доброты. въ добротѣ бо женьскѣи[1]. мнози заблоудишѧ: и дроужьба отъ неꙗ[7] ꙗко огнь разгараѥть[8] сѧ: Съ моужатицею[3] отиноудь не посѣди. и не побесѣдоуи съ нею[3] въ винѣ: еда како оуклонить сѧ дш҃ѧ твоꙗ на ню[3]. и дх҃ъмь своимь поплъзнеши сѧ въ пагоубоу[2] зълѣ:

Изборник 1076 года. М., 1965, л. 173 об.—175 об.

Словарь: *бо* — 'ибо'; *еда* — подчинительный союз в разных значениях ('чтобы', 'чтобы не' и др.); *моужатиця* — 'замужняя'.

Вопросы и задания: **1.** Исконный ли здесь *к*? **2.** Исконное ли здесь *оу*? **3.** Исконное ли здесь *ю*? **4.** Соответствует ли здесь ѧ первоначальным фонетическим нормам древнерусского языка? **5.** После какого согласного утрачен редуцированный гласный? **6.** Что указывает на старославянское происхождение слова? **7.** Древнерусского или старославянского происхождения окончание этого слова? **8.** Что это за глагольная форма? **9.** Как возникло сочетание гласных в окончании этого прилагательного?

О ГРЕХАХ И БОГАТСТВЕ

Ꙗко аште[1] о грѣсѣхъ[5] болимъ и печалоуємъ[3] сѧ: отьсѣкаѥмъ грѣховьноуѭ[6] грѫдынѫ[6] и малоу[6] и великоу[6]. се же ми помьните[2] присно. да о грѣсѣхъ тъчьѫ[3, 6] болимъ. а о иномь ни о чемь[3] же: Ꙗко аште наоукъ[7] имѣюши о грѣсѣхъ. наложи[4] на нь[8] страхъ б҃жии и моукы вѣчьныꙗ[2]. и прѣодолѣюши вьсѧко... Ꙗко не тъ ѥстъ богатъ мъного имѣꙗ: нъ тъ иже[9] мъного не трѣбоуѥть ни оубогъ ѥсть тъ иже мънога не имать. нъ тъ иже мъногыихъ[10] хочеть[3]:

Изборник 1076 года. М., 1965, л. 87 об.—90.

Словарь: *аште* (ст.-сл.) — 'если'; *иже* — 'который'; *ми* — 'мне'; *присно* — 'всегда, вечно, постоянно'; *тъчьѫ* — 'точно, действительно, верно, истинно'; *яко* — 'как, когда'.

Вопросы и задания: **1.** Что указывает на старославянскую форму слова? **2.** Почему в слове употреблен *ь*, на месте которого в современном русском языке нет никакого звука? **3.** Какого происхождения здесь *ч*? **4.** Какого происхождения здесь *ж*? **5.** Какого происхождения здесь *с*? **6.** Что в этих словах указывает на то, что в 1076 г. в древнерусском языке уже не было носовых гласных? **7.** Что можно сказать о роли грамматической категории рода в древнерусском языке, если в современном русском литературном языке слово *наука* женского рода? **8.** Объясните происхождение формы местоимения 3-го лица единственного числа *нь*, зная, что указательное местоимение *и* развилось из *јь* и что *н* в форме *нь* — тот же приставной звук, что и в современных русских литературных формах косвенных падежей местоимения 3-го лица, употребляемых после предлогов (ср.: *вижу его*, но *за него*). Какое существительное предшествующей части текста заменяет *нь*? **9.** Что это за местоимение? **10.** Объясните сочетание *ыи*.

БЕРЕСТЯНОЕ НОВГОРОДСКОЕ ПИСЬМО XII—XIII вв.

От Тереньтеѧ[2] къ Михалю пришьлить лошакъ[6] съ Ѧковьцемь[2, 4] поедуть[4] дроужина[3] Савина чадь[5] ѧ на Ѧрославли добръ здоровъ и с Григоремь[2] оуглицане[1] замерьзьли[2] на Ѧрославли и ты до Оуглеца[1] и ту плкъ[2] дроужина

Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955, с. 203.

Словарь: *лошакъ* — 'лошадь, жеребенок'; *чадь* —'люди, дети'.

Вопросы и задания: 1. Чем объясняется здесь *ц* вместо *ч*? 2. Где в слове следствия падения редуцированных? 3. Какого происхождения здесь *ж*? 4. Исконный ли здесь *е*? 5. Почему при этом подлежащем сказуемое стоит во множественном числе? 6. Верно ли и в каком падеже употреблена эта форма? Как надо сказать по современным русским литературным нормам? Почему?

ИЗ НОВГОРОДСКОЙ I ЛЕТОПИСИ (ПО СИНОДАЛЬНОМУ СПИСКУ XIII—XIV вв.)

О ВОЙНЕ С ЕМЬЮ И О ПОХОДЕ ВО ПСКОВ 1228 г.

Того же лѣта придоша Емь воеватъ[8] въ Ладозьское озѣро[1] в лодкахъ; и приде на Спасовъ день вѣсть въ Новгородъ. Новгородци же, въсѣдавъше въ насады, въгрѣбоша в Ладогу съ кнꙗзьмь Ꙗрославомь. Володислав, посадник ладозьскыи, съ ладожаны, не ждꙗ новгородьць, гонисꙗ в лодиꙗхъ по нихъ въ слѣдъ, где они воюють, и постиже ꙗ[6] и бисꙗ с ними; и бысть нощь, и отступиша въ островълець, а Емь на брѣзѣ[3] съ полономъ[11]; воевали[9] бо бꙗху около озера ... Тои же нощи просивъше[10] мира, и не да имъ посадник с ладожаны[7], а они исѣкше полонъ[4] вcь, а сами побегоша[5] на лѣсъ... Новгородьци же стоꙗвъше[10] въ Неве[5] неколико днии... оттоле въспятишасꙗ въ Новгородъ, ни ладожанъ ждавъше[10]. Послѣдь же оставъшесꙗ ижеряне усрѣтоша ихъ бегающе, и ту ихъ избиша много, а прокъ ихъ разбежесꙗ, куды кто видꙗ[10], нъ тѣхъ Корѣла кде обидуче[10], въ лѣсе[5] ли, выводꙗче, избиша: бе[5] бо ихъ пришло[9] творꙗху ·в҃· или боле, богъ вѣсть[8], а то все мертво. Томь же лѣтѣ кнꙗзь Ꙗрославъ, преже сеи рати, поиде въ Пльсковъ съ посадникомь Иванкомь и ты-

сꙗчьскыи Вꙗчеслав. И слышавше[10] пльсковици[2], ꙗко идеть к нимъ кнꙗзь, и затворишасꙗ въ городѣ, не пустиша к собѣ; кнꙗзь же, постоꙗвъ на Дубровнѣ, въспꙗтисꙗ в Новгородъ: промъкла[9] бо сꙗ вѣсть бꙗше си въ Пльскове, ꙗко везеть оковы, хотꙗ ковати вꙗцьшее мужи. И пришьдъ створи вѣче въ владычьни дворѣ и рече, ꙗко не мыслилъ[9] есмь до пльсковичь груба ничего же, нъ везлъ[9] есмь былъ в коробьꙗхъ дары.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, л. 103—104.

Словарь: *вяцьшее* (вместо *вячьшеи*) — 'лучшие'; *насада* — 'лодка'; *прокъ* — 'остаток'; *промъкнути* — 'промчаться, пролететь'; *рече* — аорист от *речи* — 'сказать'.

Вопросы и задания: **1.** Что раньше звучало на месте первого *о*? **2.** Почему здесь *ц* вместо *ч*? **3.** Старославянского или древнерусского происхождения эта форма существительного? Как возник в ней *з*? **4.** Как звучит это слово в современном русском языке? Почему? **5.** Какого происхождения здесь *е*? **6.** Древнерусского или старославянского происхождения эта форма местоимения 3-го лица? **7.** Какой это падеж? **8.** Что это за глагольная форма? **9.** В состав какой сложной глагольной формы входит это причастие? **10.** Что это за член предложения? Какой глагольной формой он выражен? **11.** Найдите в тексте другие подобные синтаксические конструкции. Как они называются?

ИЗ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» (ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ 1377 г.)

О ВАРЯГАХ

В лѣто ҂ѕ҃·т҃·о҃: Изъгнаша[3] Варѧги за море и не даша имъ дани. и почаша сами собѣ[5] володѣти[2]. и не бѣ в нихъ правды[3]. и въста родъ на родъ. и быша в них усобицѣ[4]. и реша в себѣ. поищемъ[8] собѣ кнѧзѧ. иже бы[10] володѣлъ нами. и судилъ по праву. и идоша за море къ Варѧгомъ к Руси. сице бо сѧ звахуть[9] и. варѧзи суть[9]. ꙗко се друзии[1] зъвутсѧ[3] Свое. друзии же Оурмане. Анъглѧне друзии Гъте. тако и си рѣша. Русь. Чюдь и Словѣни и Кривичи. всѧ[3] землѧ наша велика и обильна[11]. а нарѧда в неи нѣтъ. да поидѣте[7] кнѧжитъ и володѣти[6] нами. и изъбравшасѧ ·г҃· братьꙗ[3] с роды своими. и поꙗша по собѣ всю Русь. и придоша старѣишии Рюрикъ сѣде Новѣгородѣ.

а другии Синеоусъ на Бѣлѣозерѣ. а третии Изборьстѣ Труворъ. и от тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля Новугородьци ти суть людье Ноугородьци от рода Варяжьска. преже бо бѣша Словѣни.

Полн. собр. рус. летописей. Изд. 2, т. 1, вып. 1. М., 1926, л. 7.

Словарь: *даша* — аорист от *дати; нарядъ* — 'порядок'; *пояша* — аорист от *пояти* (ср. *вз-я-ть*); *реша* — аорист от *речи* — 'сказать'; *сице* — 'так'.

Вопросы и задания: **1.** Почему здесь *з*? **2.** Объясните сочетание *оло*. Почему теперь на его месте в русском языке произносят *ла*? **3.** Укажите следствия падения редуцированных в этом слове. **4.** Определите число и падеж этого слова. **5.** Почему это слово имеет корневой *о*, тогда как далее в тексте оно встречается и с корневым *е*? **6.** Укажите в данном тексте признаки смешения супина с инфинитивом. **7.** Исконные ли здесь *ѣ* и *е*? **8.** В изъявительном или повелительном наклонении употреблен этот глагол? Исконный ли здесь *е*? **9.** Что это за глагольная форма? **10.** В состав какой сложной глагольной формы входит этот вспомогательный глагол? В какой он форме? **11.** Какое нарушение первоначальных древнерусских синтаксических норм имеется в этом предложении?

ОБ АСКОЛЬДЕ И ДИРЕ

В лѣто ·ѕ҃·т҃·ч҃· Поиде Олегъ поимъ воя[8] многи[5] Варяги[5]. Чюдь Словѣни. Мерю. и всѣ[1] Кривичи. и приде къ Смоленьску[3] съ Кривичи[12]. и прия градъ. и посади мужь свои[10]. оттуда поиде внизъ. и взя Любець[2]. и посади мужь свои. и придоста[15] къ горамъ хъ[4] Киевь — скимъ[3, 6]. и увиде Олегъ. яко Осколдъ. и Диръ княжита[16]. и похорони вои въ лодьяхъ[1]. а другия[5] назади остави. а самъ приде нося Игоря дѣтьска[3]. и приплу подъ Оугорьское[3]. похоронивъ вои своя[8]. и присла[1] ко[2] Аскольду и Дирови[11] гл҃я. яко гость есмь[17]. и идемъ въ Греки от Олга и от Игоря княжича. да придѣта[15] к намъ к родомъ[13] своимъ. Аскольдъ же и Диръ придоста. и выскакав[1] же вси прочии изъ лодья. и рече Олегъ Асколду и Дирови. вы нѣста[15] князя[9]. ни рода княжа[14]. но азъ[7] есмь роду княжа. и вынесоша[16] Игоря. и се есть[17] с҃нъ Рюриковъ. и оубиша[16] Асколда и Дира. и несоша на гору и погребоша[16] и на горѣ. еже ся ныне зоветь[2] Оугорьское.

Полн. собр. рус. летописей. Изд. 2, т. 1, вып. 1. М., 1926, л. 8.

Словарь: *нѣста* = *не еста; поимъ* — страдательное причастие от *пояти* — ‘взяти’; *приплу* — аорист от *приплути* — ‘приплыть’.

Вопросы и задания: **1.** Какие гласные и почему здесь исчезли? **2.** Что в этом слове стало произноситься иначе, чем в раннем древнерусском языке? Почему? **3.** Почему суффикс *-ьск-* написан с *ь*? **4.** Почему здесь *хъ* (вместо *къ* или *к*)? **5.** Какого происхождения сочетание *ги*? **6.** Какого происхождения сочетание *ки*? **7.** Почему здесь *азъ* (вместо *язъ*)? **8.** Какого происхождения здесь *я*? **9.** В каком числе употреблено выражение *нѣста кнѧзѧ?* Указывают ли буквы ѧ, что соответствующие им гласные звуки когда-то были носовыми? (Ср. др.-в.-нем. *kuning* — ‘глава рода, князь’.) **10.** Почему *мужь свои*, а не *мужа своего?* **11.** Почему здесь окончание *-ови*, а не *-у*? **12.** Какой это падеж? **13.** Почему здесь окончание *-омъ*, если в современном русском языке употребляют *-ам?* **14.** Что это за часть речи? **15.** На какое число и лицо указывает глагольное окончание *-та?* Правильно ли оно употреблено в данном случае? **16.** Что это за глагольная форма? Исконный ли здесь конечный *а?* **17.** Какого спряжения этот глагол?

ОСАДА КИЕВА ПЕЧЕНЕГАМИ

В лѣто ҂ѕ҃·у҃·о҃·ѕ҃· Придоша Печенѣзи[5] на Рускую[10] землю первое. а Стославъ бѧше[7] Переꙗславци. и затворисѧ Волга въ градѣ[3]. со оунуки[1, 14] своими Ꙗрополкомъ[13]. и Ольгомъ[13]. и Володимеромъ[13] в градѣ Киевѣ. и оступиша Печенѣзи градъ в силѣ велицѣ[4]. бещислено множьство[6] около града. и не бѣ льзѣ[5] изъграда вылѣсти. ни вѣсти послати[10]. изнемогахуть[17] же людье гладомъ и водою[21]. собрашасѧ людье[14]. оноꙗ страны Днѣпра в лодьꙗхъ об ону страну стоꙗхуть[17]. и не бѣ льзѣ внити в Киевъ. и ни единому[3] ихъ. ни изъ града к онѣмъ. и въстужиша[6, 9] людье в градѣ. и рѣша не ли кого иже бы моглъ[11] на ону страну[3] доити и речи имъ аще кто не приступить с утра предатисѧ имамъ Печенѣгомъ. и[19] рече единъ отрокъ азъ преиду. и реша иди. он же изиде изъ града с уздою. и ристаша сквозѣ Печенѣги[12] глѧ. не видѣ ли конѧ никтоже. бѣ бо оумѣꙗ Печенѣжьски[6]. и[19] мнѧхуть и[19] своего[21] и ꙗко приближисѧ к рѣцѣ[4]. свергъ порты сунусѧ въ Днѣпръ и побреде. видѣвше же Печенѣзи оустремишасѧ на нь. стрѣлѧюще его. и не могоша єму ничто же створити[10]. они же видѣвше[7] с оноꙗ страны. и[19] приѣхаша в лодьи противу єму. и взѧша

в лодью. и привезоша и къ дружинѣ[6]. и рече имъ аще не подступите заутра къ городу предатисѧ хотѧть людье Печенѣгомъ. рече же воевода ихъ. имѧнемъ Прѣтичь. подъступимъ заоутра в лодьꙗхъ. и попадше[10] кнѧгиню и кнѧжичѣ[14] оумчимъ[8] на сю страну. аще ли сего не створимъ погубити ны имать С҃тославъ. ꙗко
с̄
бы заоутра всѣдъше в лодью противоу[2] свѣту и въструбиша вельми. и людье в градѣ кликнуша. Печенѣзи же мнѣша кнѧзѧ пришедша[7]. побѣгоша разно от града. и изиде Ольга со оунуки и с людьми к лодьѣ. видѣвъ же се кнѧзь[5] Печенѣжьскии възвратисѧ единъ къ воеводѣ Прѣтичю. и рече кто се приде. и рече ему лодьꙗ оного страны. и рече кнѧзь Печенѣжьскии. а ты кнѧзь ли еси[16]. онъ же рече азъ есмь мужь его. и пришелъ[10] есмь[16] въ сторожѣхъ[15]. и по мнѣ идеть полкъ[10] со кнѧземь[10]. бе-щисла множьство. се же рече грозѧ имъ. рече[8] же кнѧзь Печенѣжьскии къ Прѣтичю. буди ми другъ. онъ же рече тако створю. и подаста руку[20] межю собою. и въдасть Печенѣжьскии кнѧзь Прѣтичю конь. саблю. стрѣлы. онъ же дасть ему. бронь. щитъ. мечь. и отступиша Печенѣзи от града.

Полн. собр. рус. летописей. Изд. 2,
т. 1, вып. 1. М., 1926, л. 19 об.— 20.

Словарь: *аще* (ст.-сл.) — 'если'; *онъ* — 'тот'; *ристаша* — аорист от *ристати* — 'бегать, прыгать'.

Вопросы и задания: **1.** Почему здесь *оу* при современном русском *в*? **2.** Почему на конце *оу*, тогда как выше в том же слове стоит *ву*? **3.** Что указывает на старославянскую форму этого слова? **4.** Как возник здесь *ц*? **5.** Как возник здесь *з*? **6.** Как возник здесь *ж*? **7.** Как возник здесь *ш*? **8.** Как возник здесь *ч*? **9.** Какого происхождения здесь *у* (ср. *тяга*)? **10.** Как это слово произносилось до падения редуцированных? **11.** Почему теперь это слово произносится без *лъ*? **12.** Какого происхождения здесь *ги*? **13.** Как возникло здесь окончание *-омъ*? **14.** Что это за падеж? **15.** Почему окончание этого слова нельзя признать исконным для древнерусского языка? **16.** К какому типу спряжения относится эта глагольная форма? **17.** Что это за глагольная форма? **18.** В состав какой сложной глагольной формы входит этот вспомогательный глагол? **19.** Это союз или форма указательного местоимения? **20.** Объясните окончания слов в сочетании *подаста руку*. Можно ли считать, что эти окончания сохранились от начальных времен истории древнерусского языка? **21.** В чем синтаксическая особенность этого оборота?

Въ лѣто ,ѕ҃.ф҃. Иде Володимиръ[3] на Хорваты[7]. пришедшю[16] бо ему с воины Хорватьскыя. и[11] се Печенѣзи придоша. по онои сторонѣ[3] от Сулы. Володимеръ же поиде противу имъ и[11] срете и[11] на Трубеши на бродѣ. кде нынѣ Переяславль[2]. и ста Володимеръ на сеи сторонѣ. а Печенѣзи на онои. и не смяху си на ону страну. ни они на сю страну. и приѣха князь Печенѣжьскыи к рѣкѣ[5]. возва Володимера[7] и рече ему. выпусти ты свои мужь[7] а я свои да ся[13] борета[15]. да аще твои мужь оударить моимь. да не воюемъ за три лѣта. аще ли нашь мужь оударить. да воюемъ за три лѣта. и разидостася[15] разно. Володимеръ же приде въ товары. и посла биричи[7] по товаромъ глѧ. нѣту ли такого мужа. иже бы ся[13] ялъ с Печенѣжиномъ. и не обрѣтеся никдѣже. заутра приѣхаша Печенѣзи. и свои мужь приведоша. и въ нашихъ не бы. и поча тужити Володимеръ сля по всѣм воемъ. и приде единъ старъ мужь ко князю. и рече ему княже[6]. есть оу мене[9] единъ[1] снъ меншеи дома. а с четырьми[12] есмь вышелъ[14]. а онъ дома. от дѣтьства бо его нѣ кто имъ оударилъ[14]. единою бо ми и[11] сварящю[16] и[11] оному мьнущу[16] оусние. разгнѣвавъся на мя преторже череви[3] рукома[15]. князь же се слышавъ радъ бы. и посла по нь и приведоша и ко князю. и князь повѣда ему вся[15]. се же рече княже не вѣдѣ могу ли ся и да искусить мя. нѣту ли быка велика и сильна. и налѣзоша быкъ[7] великъ и силенъ. и повелѣ раздраждити быка[4]. и возложиша на нь желѣза горяча. и быка пустиша. и побѣже быкъ мимо и. и похвати быка рукою за бокъ. и выня кожю съ мясы. елико ему рука зая. и рече ему Володимеръ. можеши ся с нимъ бороти. и наоутрия придоша Печенѣзи. почаша звати нѣ ли мужа. се нашь доспѣлъ[14]. Володимеръ же повелѣ тои нощи ся[13] облещи[1] в оружь. и приступиша[15] ту обои[15]. выпустиша Печенѣзи мужь свои. бѣ бо превеликъ зѣло. и страшенъ. и выступи мужь Володимерь[8]. и оузрѣ и Печенѣзинъ и посмѣяся. бѣ бо середнии[3] тѣломь. и размѣривше межи обѣма[15] полкома[15]. пустиша я к

собѣ[10]. и ѥстаса[15]. и почаста[15] сѧ крѣпко держати[4]. и оудави Печенѣзина[7] в руку[15] до смерти. и оудари имь о землю[2]. и кликнуша[15]. и Печенѣзи побѣгоша. и Русь погнаша[15] по них сѣкуще. и прогнаша[4] ѥ. Володимеръ же радъ бывъ. заложи городъ[3] на бротѣ томь. и нарече и Переѥславль. зане переѩ славу отроко[4] тъ. Володимеръ же великимь мужемъ створи того. и оц҃а[7] ѥго. Володимеръ възвратися въ Кыевъ с побѣдою и съ славою великою.

Полн. собр. рус. летописей. Изд. 2, т. 1, вып. 1. М., 1926, л. 42—42 об.

Словарь: *биричь* — 'сборщик податей, глашатай'; *елико* — 'сколько'; *зане* — 'так как'; *зая* — аорист от *заяти* — 'занять, схватить'; *налѣзти* — 'найти, встретить'; *преторгнути* — 'разорвать, разодрать'; *сварѧщь* — причастие от *съварити* — 'бранить ругать'; *смѧху* — имперфект от *смѣти* — 'сметь'; *срете* — аорист от *сърѣтити* — 'встретить'; *товаръ* — 'лагерь, стан, обоз'; *оусние* — 'кожа'; *череви* — 'кожа, снятая с живота'.

Вопросы и задания: **1.** Что указывает на старославянскую форму этого слова? **2.** Какого происхождения здесь *л* после губного согласного? **3.** Где в слове сочетание первого полногласия? Как оно развилось? **4.** Как это слово звучало до адения редуцированных? **5.** Исконное ли здесь *кѣ?* **6.** Какой это падеж? **7.** Что говорит форма винительного падежа о категории одушевленности? **8.** Что это за прилагательное? С каким суффиксом оно было образовано в праславянское время? **9.** Почему здесь окончание *-е*, а не *-я?* **10.** Почему в корне *о*, а не *е*? **11.** Это сочинительный союз или указательное местоимение? **12.** Почему здесь окончание *-ми*, а не *-мя?* **13.** Чем объясняется написание *сѧ* перед глаголом? **14.** Есть ли у этого перфекта вспомогательный глагол? **15.** Окончание какого числа у этого слова и правильно ли употреблено? **16.** В состав какого синтаксического оборота входит это причастие?

ИЗ СУЗДАЛЬСКОЙ ЛЕТОПИСИ (ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ 1377 г.)

ВОЙНА ВОЛОДИМИРИЧЕЙ И ОЛЬГОВИЧЕЙ

В лѣто ҂ѕ҃·х҃·м҃·ѕ҃· Приведе Ꙗрополкъ[3] брата своѥго Андрѣя. Из Володимерѧ. Переѥславлю кнѧжитъ[8]. В то же лѣто почаша съ Олговичи[3] рать имѣти. начаша воевати[6]. села и городы[5] по Сулѣ. и придоша к Переѥславлю. и многы[4] пакости створиша[3]. и Оустье[3] пожгоша[3] и отидоша. и сташа на Супои. и изидоша противу имъ Володимеричи. и бывшю[10] сступленью[3]

обѣма[5] полкома[5] и бишася крѣпко[3]. но вскорѣ побѣгоша Половци[3]. Олговичь[5]. и погнаша по нихъ Володимерича дружина лучшая[3]. и биша и женучи[5] много. и воротишася опять на полчище. и не обрѣтоша княжеѣ вои[5]. и впадоша Олговичемъ[5] в руцѣ[5]. и тако изъимаша и. держаще[3, 9] стягъ Ярополчи. и яша[6] бояръ много. Двда. Ярунович а тысячьского[5] Кыевьского[4]. и Станислава добраго[5] Тудъковича. и прочихъ[5] много.

В то же лѣто присла Володимѣръ и Изяславъ Двыдовича[5] ис[3] Чернигова слы[3] ко Изяславу князю Киевскому. река брате[5] се заялъ[6] волость мою Стославъ Олговичь. Вятиче. поидевѣ[6] на нь. оже и проженивѣ[6]. и поидевѣ на Гюрга. а любо с ним миръ створимъ. али с ним бьемся[3]. Изяславъ же посла напередъ Стослава сестричича своего Черниновy[3] веля[6] имъ доспѣвати. и доиде Стославъ Черниговy. и згадавше[5, 9] князи Черниговьстии[1]. и послаша къ Изяславу веля ему поити. река[5] земля[5] наша погыбаеть[4]. а ты не хочеши[2] поити[7]. Изяславъ же совокупя воѣ[5] перебродися чересъ Днѣпръ. и ста[6] над Черторыею. и оттуду посла Оулѣба Черниговy. а самъ поиде на Супои. а брата своего Володимера остави Кыевѣ[5, 11]. Оулѣбъ же внида[6] въ Черниговъ и оувѣдавъ[6] оже цѣловалъ крс҃ Володимеръ. и Изяславъ Двдвичь. и Стославъ Всеволодичь. к Стославу Олговичу. хотя[6] оубити лестию[3] Изяслава. то же слышавъ Оулѣбъ. прибѣже ко князю своему ко Изяславу на Супои. и сказа ему. оже его отступили[8] князи Черниговьстии.

Полн. собр. рус. летописей. Изд. 2, т. 1, вып. 2. М., 1924, л. 101, 105.

Словарь: *женучи* — причастие от *жяти* — 'гнать'; *оже* — 'если'; *сестричичь* — 'сын сестры'.

Вопросы и задания: **1.** Как из *ск* перед *и* дифтонгического происхождения получилось *ст* (вместо *сц*)? **2.** Какого происхождения здесь *ч*? **3.** Что и почему изменилось в этом слове после падения редуцированных? **4.** Почему после заднеязычного согласного здесь стоит *ы*, а не *и*? **5.** Определите число и падеж этого слова. Сохранилось или изменилось его раннедревнерусское окончание? Почему? **6.** Что это за глагольная форма? Каково ее назначение? **7.** В состав какой сложной глагольной формы входит этот инфинитив? **8.** Какая это форма времени глагола? Почему здесь нет вспомога-

тельного *суть?* 9. Что это за член предложения? 10. В состав какого синтаксического оборота входит это причастие? Что этот оборот обозначает? 11. Объясните синтаксическую особенность выражения *остави Кыевѣ?*

ЖАЛОВАННАЯ НЕСУДИМАЯ ГРАМОТА УГЛИЧСКОГО КНЯЗЯ АНДРЕЯ ОТ 1484—1488 гг.

**Се ꙗз, кнѧзь Андрѣи Васильевичь, пожаловал есми,
Троецкого Сергеева монастырѧ игумена Макарьꙗ-
з братьею[4]. Что их дворъ на Оуглечѣ[6] на посадѣ[6]-
и хто[2] у них в томъ дворѣ[6] жывоут[3] дворники[8], и на[5]
местници[8] углецкие и их тиуни тѣх их дворников-
не судѧт ни в чем, ни приставовъ[5] своих на нних н
дают, опрочѣ душегубъства и разбоꙗ съ поличныме
А вѣдает и соудит тѣхъ их дворников прилуцкои.
поселскои[1]. А случитца суд смѣсной[1] городцкимъ лю[1]
дем[9] или становым с манастырскими дворники, и на-
мѣстници мои углецкие и их тиуни[7] судѧт, а при-
луцкои поселскои с ними ж судит, а присудом дѣ-
лꙗтсꙗ напольы. А хто сѧ[12] ослушает сеѣ[11] моеи[11] гра-
моты, быти ему от менѧ[10] в казни. Кнѧзь Андрѣи
Васильевичь.**

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси т. 1. М., 1952, № 506.

Словарь: *наполы* — 'пополам'; *посад* —'жилая территория вокруг кремля'; *тиун* — 'должностное лицо, уполномоченное князем'.

Вопросы и задания: 1. Какого происхождения здесь *о* перед *и?* 2. Как возникло здесь *х* перед *т?* 3. Чем объясняется *ы* после *ж?* 4. Определите род, число и тип склонения этого слова. 5. Исконное ли здесь окончание *-овъ* > *-ов?* 6. Исконное ли здесь окончание *-ѣ?* 7. Исконное ли здесь окончание *-и?* 8. Исконный ли согласный здесь перед окончанием *-и?* Исконное ли само окончание? 9. Объясните происхождение окончания *-ем.* 10. Исконный ли здесь ѧ? 11. Новая или исконная для древнерусского языка эта форма? 12. Почему сѧ стоит перед глаголом?

ИЗ ДОКОНЧАЛЬНОЙ ГРАМОТЫ ТВЕРСКОГО КНЯЗЯ БОРИСА И ЛИТОВСКОГО КНЯЗЯ КАЗИМИРА ОТ 1449 г. (ПО СПИСКУ XVI в.)

**По божъеи воли и по нашои[9] любви, взꙗли[14] есмо[15]
любовъ[3] такову з братом своимъ Казимиром, королемъ
полскимъ и великимъ кнꙗземъ литовъскимъ, и рус-**

кимъ, и жомоитским, и иных, што жъ пособляти[1] ему намъ везде где будеть ему надобе. Где будеть намъ близко, ино ми[12] поити со всею силою самому. А с нимъ ми стояти заодно противо всих сторон, никого не вымимуючы[7], хто бы коли ему немиренъ былъ.

А только бы ему неколи з немъцы розмиръе[8] было, и мне[10], великому князю Борысу[6], послати к тобе помочъ[8] по силе, без хитрости. А только жъ некоторыми делы будеть намъ недосугъ помочы[7] послати к тобе[10] на немъцы, занужъ земля далече, то намъ не в-ызмену[5].

А где будеть мне, великому князю, обида или немиренъ с кимъ буду, и Казимиру, королю полскому и великому князю литовъскому, мне пособляти думою и помочъю. А будет мне его самого надобе, а будеть ему досугъ, и ему самому поити. А только ему нешто заидеть, самъ не възможеть поити, и ему ко мне послати помочъ по силе, без хитрости. А с нами ти стояти заодно противу всих сторонъ, никого невымимуючы[16], хто бы коли немиренъ был[14].

А в домъ ти светого Спаса, у[2] отъчыну[7] нашу, и во все наше великое княженье, и в нашое братьи молодшое[9], и в моихъ детей королю и великому князю не въступатисе. А што был еси взялъ[14] подо мною Ржову, буда[13] со мною не в любви, и я тебе, и великого князя, перепросил, с тобою взял любов, и ты ся Ржовы мне отъступилъ. А рубежъ Ржове и Ръжовскимъ волостемъ по старыне[10].

А мне, великому князю Борысу Александровичю, у твою отъчыну не въступатисе, ни во все твое великое княженье, ни въ твоее братьи, ни въ Смоленскъ, ни во все Смоленъские места. А рубежъ отъчыне моей, великого князя Борысове, по старыне[6].

А места порубежная[11], котории будуть зъдавна[4] потягли[14] к Литве или к Смоленску, а подать будуть даивали[14] ко Тферы[6], ино имъ и нинечы[7] тягнути по давному. А мне, великому князю, не въступатисе. А которыи места потягли[14] будуть ко Тферы, а подат даивали к Литве или к Смоленъску, а то им и нинечы тягнути по давному. А тобе, королю, не въступатисе.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950, № 54, л. 294 об.— 295.

Словарь: *занужъ* = *зане ужъ* — 'так как, поскольку'; *ино* — 'то' (частица); *коли* — 'когда'.

Вопросы и задания: 1. Какого происхождения сочетание *бл*? 2. Почему здесь *у* вместо *в*? 3. Чем объясняется *ъ* после *в*? 4. Почему у приставки *изъ-* отсутствует начальный *и*? 5. Каково происхождение *ы* и *е* в этом слове? 6. Чем объясняется написание *ы* после *р*? 7. Чем объясняется написание *ы* после *ч*? 8. Почему здесь *ъ* вместо ожидаемого *ь*? 9. Какого происхождения здесь *о*? 10. Почему надо считать, что это слово на конце имеет *е* вместо *ѣ*? 11. Почему здесь окончание *-ая*, тогда как в современном русском литературном языке *-ые*? 12. Что это за местоименная форма? 13. Что это за часть речи и почему здесь на конце *а*? 14. В состав какой сложной глагольной формы входит это причастие? 15. Исконное ли здесь окончание *-о*? 16. Каково происхождение суффикса *-юч-*?

ИЗ ДУХОВНОЙ ГРАМОТЫ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГАЛИЦКОГО ОТ 1443 г. (ПО СПИСКУ XVI в.)

Во имѧ отца и сына и святого духа. Се аз, раб божей[3] Василей Васильевичь, пишю сю грамоту душевную своим целым умом и разумом, у кого ми что взяти или ми что кому дати[9] . . .

А поидет моя жена замуж, а мою дочерь бог возмет, и те люди[4] все, что есми был дал[6] своей жене и своей дочери, на слободу все. А что есми был дал своей жене да своей дочери село Оврамовское да Вышегородские деревни, и поидет моя жена замуж, а дочерь мою бог возмет, и то село и те все деревни дадут по моей душе.

А что мои кабылы[2] стадные ·ѳ·, да и животина вся в селе в Озерском, и волы и коровы и овцы, и та животина моей жене и моей дочери.

А Борису есми[4] велел[6] дати своему брату деревню Гридинскую Сохина да Марковскую. А Ивану есми дал[6] брату деревню Васиевскую да Осташовскую деревню. А Федору есми брату велел[6] дати деревню Болтинскую да Дынинскую.

А что мои кони, и те все моей жоне[1]. А что мои стоги в Озерском селе, а ис тех стогов возмет себе моя жена стог, который ей люб.

А что ми дал Олександр за чепь ·еі· рублев[5], и то серебро Иван мой брат зберет серебро делное с людей

ис того села из Озерского и из Деревень, да даст моей жене за ту чепь, а что того серебра не достанет, и мой брат моим живогом испромыслит да даст моей жене.

А что мне подавал[7] Александр, мой тесть, порты, и те порты лоя приданые все у моей жены. А что порты моее жены приданые, и те порты все лицем у моей жены. А ожерелье и рясы и серги и пугвицы, и то все цело у моей жены.

А приказываю свою душу и свою жену и свою дочерь своему брату Ивану.

А у грамоты были: отец ее матери поп Енадей, да отец мой духовной поп Яков, да Самойло Лукинич, да Воронец Степанов, да Лазарь Исаков...

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. 1. М., 1952, № 108.

Словарь: *грамота душевная* — 'завещание на случай смерти или перед смертью'.

Вопросы и задания: **1.** Как эта форма произносилась в древнерусском языке первоначально? **2.** Чем можно объяснить написание *а*? **3.** Объясните происхождение окончания *-ей*. **4.** Исконное ли здесь окончание *-и*? **5.** Исконное ли здесь окончание *-ев*? **6.** В состав какой сложной глагольной формы входит это причастие? **7.** Можно ли считать эту форму перфекта исконной в древнерусском языке? **8.** Можно ли было в раннедревнерусском языке сказуемое выразить так, как оно выражено в данном предложении? **9.** Какова синтаксическая особенность этого предложения?

БИБЛИОГРАФИЯ[1]

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.

Брандт Р. Ф. Лекции по истории русского языка. М., 1913.

Будде Е. Ф. Лекции по истории русского языка. Казань, 1907.

Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 5-е. Киев, 1958.

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

Винокур Т. Г. Древнерусский язык. М., 1961.

Дибров А. А., Овчинникова В. С. Очерки древнерусского языка. Ростов-на-Дону, 1965.

Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка. М.— Л., 1924.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М 1964.

---

[1] Литература по отдельным разделам курса указана в подстрочных примечаниях.

Истрина Е. С. Руководство по истории русского языка. Пг., 1915.

Колосов М. А. Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVII столетие. Варшава, 1872.

Коробчинская Л. А. Древнерусский язык. Львов, 1958.

Никулин А. С. Историческая грамматика русского языка. Л., 1941.

Самсонов Н. Г. Древнерусский язык. М., 1973.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907.

Соколова М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962.

Устинов И. В. Очерки по русскому языку, ч. 1. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

Филин Ф. П. Очерк истории русского языка до XIV столетия. Л., 1940.

Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. Изд. 3-е. М., 1962.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

* * *

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. 1—2. М., 1952—1964.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.— Л., 1949.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV —XVI вв. М.— Л., 1950.

Изборник 1076 г. М., 1965.

Лаврентьевская летопись, вып. 1—3. Л., 1926—1928 (Полн. собр. русских летописей. Изд. 2-е, т. 1).

Московский летописный свод конца XV в. М.— Л., 1949.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950.

Повесть временных лет, ч. 1—2. М.— Л., 1950.

Правда Русская, т. 1—3. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940—1963.

Псковские летописи, вып. 1—2. М., 1941—1955.

Синайский патерик. М., 1967.

Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963.

Судебники XV—XVI вв. М.— Л., 1952.

Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

Устюжский летописный свод. М.— Л., 1950.

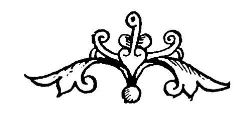
Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. М.— Л., 1948.

* * *

Василенко И. А. Историческая грамматика русского языка. Сборник упражнений. М., 1965.

Дементьев А. А. Сборник задач и упражнений по исторической грамматике русского языка. М., 1964.

Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1. М., 1952.



СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Фонетика

Морфология

Синтаксис

Лексика и словообразование

Литературный язык и диалекты Древней Руси

Приложение

Николай Дмитриевич Русинов

ДРЕВНЕРУССКИЙ ЯЗЫК

Редактор Н. А. Страхова. Художник Н. Красовитова. Художественный редактор Н. Е. Алешина. Техн. ред. С. П. Передерий. Корректоры: Н. Д. Макейкина, М. М. Сапожникова

Сдано в набор 14/I-76 г. Подп. к печати 22/VII-76. Формат 84×108/32. Бум. тип. № 2. Объем 6,5 печ. л. Усл. п. л. 10,92. Уч.-изд. л. 11,67 Изд. № РЛ-19/66. Тираж 30 000 экз.
Цена 41 коп. Б.З—48—15 от 15/VII-76 г.
Издательство «Высшая школа»
Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14.

Отпечатано с матриц Харьковской книжной фабрики имени М. В. Фрунзе, г. Харьков, ул. Донец-Захаржевского, д. 6/8 в Московской типографии № 4 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам, издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Москва, И-41, Б. Переяславская, д. 46.

Зак. тип. № 1322

41 к.